

На правах рукописи

Филатова Ксения Леонидовна

**КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗРИТЕЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ
С РУССКИМ ЯЗЫКОМ**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А.П. Чудинов

Екатеринбург
2009

Содержание

Введение	5
Глава 1. Когнитивная теория метафоры как инструмент исследования смысловой субсферы «Зрение»	12
1.1. Метафора как базовый когнитивный механизм.....	12
1.1.1. Противоречия общей теории метафоры.....	13
1.1.2. Аристотель как основоположник теории метафоры	18
1.1.3. Наследие античной традиции и «риторический поворот» Фридриха Ницше	20
1.1.4. Классификация современных теорий метафоры	23
1.1.5. Когнитивная теория метафоры	31
1.2. Зрительная сцена как теоретический конструкт в антропологиче- ских, лексико-семантических и когнитивных исследованиях. 40	
1.2.1. Зрение как предмет изучения: место лингвистики.....	40
1.2.2. А.А. Кретов: двенадцать пресуппозиций зрительного эпизода	45
1.2.3. Семантическая структура и диахрония: Ив Свитсер	48
1.2.4. Развитие идей Ив Свитсер: Сёрен Сьёрстрём	51
1.2.5. Семантика Г. Гийома и снятие проблемы метафоры: Жаклин Пикош.....	57
1.2.6. Зрительная метафора в корпусной лингвистике: Элис Дейнан	63
1.2.7. Лексикологический анализ между феноменологией и лингвистикой	65
1.2.8. Первичная метафора и зрительная сцена: Джозеф Грэди	68
1.2.9. Описание первичной зрительной метафоры: необходимые дополнения	72

1.2.10. Зрительная лексика как предмет исследования:	
ограничение поля	76
1.3. Выводы по первой главе	80
Глава 2. Зрительная эпистемическая метафора	83
2.1. Освещение как процесс, его динамика.....	88
2.1.1 Освещение как процесс, его динамика во французском языке	88
2.1.2. Освещение как процесс, его динамика в русском языке.....	97
2.2. Свет, его виды и характеристики.....	99
2.2.1. Свет, его виды и характеристики во французском языке	100
2.2.2. Свет, его виды и характеристики в русском языке	108
2.3. Препятствия на пути света	115
2.3.1. Препятствия на пути света во французском языке	115
2.3.2. Препятствия на пути света в русском языке.....	118
2.4. Объект зрительного восприятия, его свойства.....	123
2.4.1. Свойства объекта зрительного восприятия во французском языке	124
2.4.2. Свойства объекта зрительного восприятия в русском языке.....	130
2.5. Субъект зрительного восприятия, способность видеть.....	133
2.5.1. Субъект зрительного восприятия и его характеристики во французском языке	134
2.5.2. Субъект зрительного восприятия и его характеристики в русском языке	140
2.6. Выводы по второй главе.....	144
Глава 3. Зрительная этическая метафора	146
3.1. Освещение как процесс, его динамика.....	148

3.1.1 Освещение как процесс, его динамика во французском языке	148
3.1.2. Освещение как процесс, его динамика в русском языке.....	156
3.2. Свет, его виды и характеристики.....	162
3.2.1. Свет, его виды и характеристики во французском языке	163
3.2.2. Свет, его виды и характеристики в русском языке	167
3.3. Препятствия на пути света	170
3.3.1. Препятствия на пути света во французском языке	171
3.3.2. Препятствия на пути света в русском языке.....	182
3.4. Объект зрительного восприятия, его свойства.....	189
3.4.1. Свойства объекта зрительного восприятия во французском языке	190
3.4.2. Свойства объекта зрительного восприятия в русском языке.....	194
3.5. Субъект зрительного восприятия, способность видеть.....	199
3.6. Выводы по третьей главе.....	199
Заключение	202
Библиографический список использованной литературы.....	206
Библиографический список словарей.....	232
Приложение 1. Лексика смысловой субсферы «Зрение» во французском языке.....	234
Приложение 2. Лексика смысловой субсферы «Зрение» в русском языке.....	236

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация посвящена когнитивному исследованию комплекса метафорических связей, сложившихся в языке на основе концептуализации зрительного эпизода. Зрительный эпизод понимается в данном случае как сложная динамически развивающаяся внеязыковая ситуация, в которой принимают участие *субъект* зрительного восприятия, *объект* зрительного восприятия и обстоятельства разворачивающегося эпизода – *среда* зрительного восприятия. В рамках нашего исследования проводится анализ двух основных направлений метафоризации зрительного эпизода: уподобления света внешним или внутренним условиям зрительного восприятия/познания/понимания (метафорические соответствия СВЕТ – ЭТО ИНТЕЛЛЕКТ, СВЕТ – ЭТО ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ) в рамках *зрительной эпистемической метафоры* и уподобления света источнику положительной аксиологической оценки, позитивной эмоции (метафорические соответствия СВЕТ – ЭТО БЛАГО, и на субъективно-эмоциональном уровне, СВЕТ – ЭТО ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ) в рамках *зрительной этической метафоры*. Работа осуществляется на материале толковых словарей французского и русского языков.

Актуальность исследования зрительной метафоры обусловлена перспективностью углублённого синтеза принципов антропологического и лингвистического анализа в когнитивном описании концептуализации универсального человеческого опыта. Несмотря на наличие обширной лингвистической литературы, посвящённой вопросам языкового отражения отдельных элементов зрительного эпизода – глаголов зрительного восприятия (Т. Л. Верхотурова, 2004, 2008; И. Ю. Колесов, 2007, 2008; А. А. Кретов, 2006; Л. В. Молчанова, 2007; Е. В. Падучева, 2001, 2003; J.-J. Franckel & D. Lebaud, 1990; D. Leeman & M. Sakhokia Giraud, 2007; E. Gomez-Imbert, 2003; I. Ibarretxe-Antuñano, 2008; B. Nerlich, 2002; J. Picoche, 1986; E. Rivano, 1997; E. Sweetser,

1990; A. Wierzbicka, 1996 и др.), света (О. М. Воевудская, 2001; Д. Младенова, 2002; О. Г. Скворцов, 2001; Ж. Ю. Полежаева, 2008; Т. А. Фесенко и Н. В. Шестёркина, 2005; A. Deignan, 2005; L. Marchetti, 2001 и др.), цвета¹ (Р. В. Алимпиева, 1986; Н. Б. Бахилина, 1975; А. А. Брагина, 1972; А. П. Василевич, 1987; В. Г. Кульпина, 2001; Л. Сивик, 1993; Р. М. Фрумкина, 1984; A. Mollard-Desfour, 2005, 2008; M. Pastoureau, 2005, 2006; J. Sanchez & P. Cadiot, 2007 и др.) –, что свидетельствует о повышенном внимании исследователей к этому базовому феномену, становится очевидной необходимость целостного, антропологически ориентированного подхода к данному вопросу. Перцептивные способности человека неизбежно реализуются в контексте ситуации, которая подвергается холистскому метафорическому осмыслению. Отношения между элементами зрительного эпизода находят отражение в структуре любой зрительной метафоры.

Объект исследования – зрительный эпизод в его трёхчастной структуре субъект – объект – среда зрительного восприятия.

Предмет исследования – метафорические вербализации зрительного эпизода во французском и в русском языках.

Источником материала для исследования послужили толковые словари французского и русского языка. Сплошная выборка, проверяемая при помощи словарей синонимов, позволила рассмотреть 110 французских и 74 русских единиц зрительной лексики. Распределение материала по двум основным направлениям метафорического переноса было следующим: 77 французских и 44 русских лексических единиц в *зрительной эпистемической метафоре*; 49 французских и 40 русских лексических единиц в *зрительной этической метафоре*.

¹ В данной работе рассматриваются исключительно ахроматические характеристики зрительного эпизода, так как цвет, в отличие от света, не получает переносных эпистемических значений, не подвергается метафоризации в области понимания; аксиологические функции цвета представлены исключительно «ахроматической» цветовой градацией *белый – серый – чёрный*, метонимическим представлением светового цикла, где свет и цвет объединены, демонстрируя свойство фрактальности зрительной лексики.

Целью данной диссертационной работы является сопоставительный когнитивный анализ двух ведущих метафорических моделей (эпистемической и этической), выделяющий как общие для французского и русского языков закономерности концептуализации целостного зрительного эпизода, так и феномены, характерные лишь для одного из названных языков.

Цель предопределила следующие **задачи** исследования:

- системный анализ фундаментальных положений когнитивной теории метафоры как эффективного инструмента исследования концептуализации перцептивных способностей человека;
- обобщение теоретико-методологических подходов к анализу лексики смысловой субсферы «Зрение»;
- разработка и обоснование принципов описания зрительного эпизода с позиций когнитивной теории метафоры;
- описание структуры эпистемической и этической зрительной метафоры во французском и в русском языке;
- сопоставление концептуализации лексики из смысловой субсферы «Зрение» в русском и французском языке.

Теоретико-методологической базой настоящего исследования является, прежде всего, теория концептуальной метафоры в её классическом варианте (G. Lakoff & M. Johnson, 1980); важное значение имеет дальнейшее развитие этой теории в работах Дж. Грэди (1999). Данная диссертация также опирается на исследования, посвященные структурно-семантическому и когнитивному анализу первичных и вторичных значений (Ю. Д. Апресян, 1971, 1993, 1995; Л. Г. Бабенко, 1989; Анна А. Зализняк, 2004; Э. В. Кузнецова, 1982; А. М. Плотникова, 2005, 2006; Д. Н. Шмелев, 1973; А. П. Чудинов, 1984, 1988, 2002 и др.), синтезирует основные подходы к анализу лексики, относящейся к смысловой субсфере «Зрение» (Т. Л. Верхотурова, 2004, 2008; И. Ю. Колесов, 2007, 2008; А. А. Кретов, 2006; Г. И. Кустова, 2000, 2004а, 2004б;

Т. В. Леонтьева, 2003а, 2003б; Л. В. Молчанова, 2007; Е. В. Падучева, 2000, 2001, 2003; А. Dundes, 1981; А. Deignan, 2005; Z. Kövecses, 2002; W. Ong, 1988; J. Picoche, 1986; E. Sweetser, 1990; S. Sjöström, 1999; А. Wierzbicka, 1996 и др.) и базовые антропологические идеи в области изучения визуальности (J. Fontanille, 1995; P. Jakob, 2004; G. Simon, 2003; T. Thuan, 2007).

В процессе работы использовались следующие **методы**: описательно-сопоставительный метод, концептуальный анализ, когнитивная интерпретация, антропологическая характеристика исследуемых явлений, метод словарных дефиниций.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке методики анализа метафорического комплекса, построенного на концептуализации целостного зрительного эпизода, с учётом объективно существующих в нём структурных и системных отношений. Предложенная методика может быть использована в дальнейших исследованиях отражения в языке перцептивных способностей человека в рамках создания полного описания метафоризации базовых перцептивных ситуаций для различных языков мира. Принципы антропологического анализа при описании зрительной метафоры интегрированы в методологический аппарат когнитивной лингвистики, а также обоснована необходимость использования терминов *эпистемическая* и *этическая зрительная метафора* для обозначения соответствующих метафорических комплексов.

Научная новизна диссертации заключается в структурном сопоставлении этической и эпистемической зрительной метафоры во французском и в русском языках, нового объекта в сопоставительном описании французской и русской концептосфер. Описаны две основные стратегии концептуализации света – зависящая от локализации света внешний / внутренний по отношению к субъекту эпистемическая (СВЕТ как ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ) и этическая (СВЕТ ВНУТРЕННИЙ как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ и СВЕТ ВНЕШНИЙ как БЛАГО); показана

зависимость концептуализации среды восприятия от исходного выбора концептуализации света; продемонстрированы различия между французским и русским языком в области описания ПРЕПЯТСТВИЙ на пути зрительного восприятия (во французском языке более детально представлена ситуация ПОТЕМНЕНИЯ – внешнего препятствия для зрительного восприятия, а также СЛЕПОТЫ – внутреннего препятствия); дано объяснение отсутствию структурного компонента «действия и признаки субъекта зрительного восприятия» в этической метафоре.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования полученных результатов в двуязычной лексикографической практике, в преподавании французского и русского языков, а также при подготовке теоретических курсов когнитивной лингвистики, культурной антропологии и лингвокультурологии; оптимизации практики построения метафоры в процессе конструирования текстов.

Структура работы predetermined поставленными задачами. В соответствии с логикой проведённого исследования, диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений.

В **первой главе** заложены основы для исследования. Представлен обзор литературы по теории метафоры, дана характеристика теории концептуальной метафоры как наиболее подходящему эвристическому инструменту для анализа метафоризации базового перцептивного опыта. Рассмотрен ряд работ, посвящённых лингвистическому анализу отражения в языке различных элементов зрительного эпизода, предложена авторская модель работы с данным материалом.

Во **второй главе** применена на практике предложенная схема анализа метафоризации зрительного эпизода; на материале французского языка в сопоставлении с русским изучена эпистемическая зрительная метафора.

Третья глава является логическим продолжением второй, рассмотрены особенности структуры и реализации этической зрительной метафоры в двух

языках в сопоставлении с эпистемической зрительной метафорой.

В **заключении** сформулированы выводы по данной работе, высказано предположение о возможностях дальнейшего применения использованной методики в контексте когнитивных описательных и сопоставительных исследований. В **приложениях** представлены сводные таблицы лексических единиц французского и русского языков, относящихся к смысловой субсфере «Зрение», которые были проанализированы в данной работе.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Уральского государственного педагогического университета (2008, 2009), а также на международных и региональных конференциях в Екатеринбурге (2007, 2008), Москве (2007), Челябинске (2007), Варне (2005), Париже (2006, 2008), Брайтоне (2008), Одессе (2008). По материалам диссертационного исследования опубликовано 17 работ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Зрительный эпизод как антропологический конструкт подвергается целостной метафоризации; лексика, относящаяся к смысловой субсфере зрения, обладает свойством фрактальности, поэтому «зрительная» или «световая» метафоры не существуют по отдельности.

2. Трия онтологически неотъемлемыми компонентами зрительного эпизода являются субъект зрительного восприятия, объект зрительного восприятия и среда между ними. В понятие среды включается свет как условие зрительного акта и характеристики поля зрения. Каждый из данных компонентов может быть описан с учётом двух параметров – действий, агенсом или пациенсом которых он является, и признаков, которыми он обладает. Эта трёхчастная структура позволяет сохранить логическую триаду субъект – предикат – признак в отношении всех компонентов зрительного эпизода.

3. Две базовые концептуализации света – СВЕТ КАК ИНФОРМАЦИЯ /

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ и СВЕТ КАК БЛАГО / ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ – обуславливают формирование двух концептуальных метафор, для обозначения которых в данной работе вводятся понятия *эпистемическая зрительная метафора* и *этическая зрительная метафора*. Концептуализация света зависит от его локализации по отношению к субъекту зрительного восприятия. Свет может быть внутренним (в таком случае, он концептуализируется как ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ или ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ) или внешним (что предполагает концептуализацию ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ или БЛАГО). В зависимости от выбираемой концептуализации света, изменяется структура метафоризации всего зрительного эпизода.

4. Ни в одном из рассматриваемых языков ЗРЕНИЕ как имманентно присущее свойство субъекта не играет роли в этической концептуализации зрительного эпизода.

5. Эпистемическая и этическая метафорические стратегии характерны как для русского, так и французского языка, однако между ними наблюдаются различия на уровне структуры метафорического зрительного эпизода. Так, в рамках эпистемической метафоры во французском языке более подробно, чем в русском, представлена ситуация возникновения препятствий на пути света (ПОТЕМНЕНИЕ концептуализируется либо как ПОЛНОЕ, постоянное – и в этом случае понимание становится невозможным, либо создаётся метафора при помощи МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ, что передаёт временную дисфункцию интеллектуальных способностей человека) и ситуация ОСЛЕПЛЕНИЯ и ухудшения зрения.

ГЛАВА 1. КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛОВОЙ СУБСФЕРЫ «ЗРЕНИЕ»

1.1. Метафора как базовый когнитивный механизм

To attempt to understand the structure of metaphor is to attempt to understand the structure of something that contributes to the intelligibility of the world¹ [Hausman, 1989:9]

Проблема роли языка в процессах познания и структурирования действительности, во взаимодействии человека с миром является одной из ключевых для гуманитарной науки. Когнитивная лингвистика, дисциплина, которая ставит перед собой цель «посредством постижения языка проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости» [Болдырев 2004 : 23], выводит исследователя за пределы языка как такового, чем обусловлено убеждение некоторых авторов, что с появлением когнитивной парадигмы «цели теоретической лингвистики приобрели более масштабный характер» [Кубрякова 2006 : 26].

За два десятилетия бурного развития когнитивная лингвистика генерировала ряд эффективных инструментов концептуального анализа; предложенные ею исследовательские стратегии обладают определёнными методологическими преимуществами. В рамках данного диссертационного исследования мы планируем рассмотреть теоретический конструкт концептуальной метафоры и возможности его практического применения для работы со смысловой субсферой «Зрение».

¹ Попытаться понять структуру метафоры значит попытаться понять структуру чего-то, что вносит вклад в понятность мира. – *здесь и далее перевод наш, К.Ф.*

1.1.1. Противоречия общей теории метафоры

Изучение истории метафоры признаётся неотъемлемой частью истории философии и истории концептов (Blumenberg, 1960). В настоящее время наиболее перспективные философские течения, такие как феноменология и деконструктивизм, провозглашают метафору одним из своих главных экспликативных инструментов [Charbonnel & Kleiber 1999 : 2]. Кроме того, метафора неизменно является фундаментальным операционным конструктом для антропологии [Molino 1979 : 105]. Современные подходы к метафоре могут быть разделены на группы в соответствии со следующими признаками:

- эпистемологической установкой по отношению к предмету исследования;
- механизмом, который является предметом анализа;
- сущностной оценкой метафоры (вопросом о природе фигурального значения, вопросом о происхождении сходства).

Последовательное рассмотрение этих классификаций позволяет рельефно выделить основные вопросы, ответы на которые неизбежно приходится давать в любой работе, посвящённой проблеме метафоры.

Эпистемологической установкой исследователя (дефиниционный, типологический и негативистский подходы) подробно занимается теоретик метафорологии Седрик Детьенн [Detienne 2004]. Резюмировать данный вопрос можно следующим образом: главной целью исследователя становится, как правило, либо попытка дать определение метафоре, неизбежно неполное, что накладывает ограничение на дальнейшие исследования; либо попытка предложить классификацию видов метафоры, что позволяет расширить круг рассматриваемых явлений; наконец, негативистский подход предполагает обращение к природе метафоры как феномена и последующий отказ от её исследования в силу эпистемической невозможности работать с таким объектом – ср. Ж. Деррида, К. Касториadis; ср. также работы швейцарской

исследовательницы Патрисии Шульц, которая приходит к опровержению самого существования метафоры как «недостаточного объекта» [Schulz 2004 : 25].

С точки зрения *теории коммуникации*, метафору можно рассматривать как сообщение, у которого есть адресат и автор, условия порождения и восприятия, и, наконец, собственное содержание. Это интуитивное понимание коммуникативной природы метафоры становится основанием для уровневой классификации подходов к её анализу¹. С. Детьенн (2004), резюмировавший это закономерное подразделение, исходит из того, что метафора может практически автономно рассматриваться как:

1. *продукт* – в данном случае центральное положение занимает процесс восприятия метафорического значения, в сопоставлении с восприятием нефигурального, буквального языка.

2. *процесс* – исследователю предстоит сделать акцент на внутреннем структурировании метафоры, на механизмах, позволяющих создать метафорическое значение – или, по меньшей мере, задать сущностное отличие метафорического выражения от неметафорического.

3. *инструмент* – основное внимание уделяется отношению между метафорой и её создателем, порождению метафоры [Detienne 2004].

Иначе говоря, нам представляется возможным выделить два *субъектных* уровня анализа метафоры – процессы, связанные с субъектом порождающим и с субъектом воспринимающим – и один *объектный*, онтологически связанный с самой метафорой как внутренне развивающимся феноменом.

Вероятно, ведущей должна стать классификация *сущностная*, построенная на понимании природы метафоры. Обращаясь к проблематике метафорологических исследований, Франсуа Растье проводит деление между ритико-стилистикой и фило-когнитивизмом [Rastier 2001 : 112]. В рамках этой дихотомии, к первому направлению относятся продолжение риторической и

¹ См. альтернативный вариант классификации процессов / продуктов понимания образного языка у [Gibbs 1998:255].

герменевтической традиции, построенной на контексте, тексте, ситуации, ко второму – проблемы логико-грамматического характера. Полярность этих подходов обусловлена разным пониманием природы метафоры.

1. Ключевой вопрос, на который предстоит ответить любому исследователю, прежде чем приступить к изучению метафоры, можно сформулировать следующим образом: ***является ли она риторической фигурой или отражённым в языке инструментом познания?*** Показательно, что, к какому бы варианту исследователь не склонился, он будет вынужден принять логические следствия своего решения и ответить на ряд выводимых из первого, но не менее важных теоретических вопросов.

1.1. *Риторические теории метафоры* апеллируют к необычности метафорического выражения, тем самым подразумевая, что у вышесказанного может быть «обычный», «буквальный» способ выражения¹. Кроме того, данная теория предполагает признание априорного существования идей – «смысла», – которые предшествуют порождению дискурса. Эту теорию иногда называют «классической» [Schulz 2002 : 23]. В тексте Аристотеля четко прослеживается оппозиция: «Благородное же и не затасканное выражение есть то, которое пользуется необычными словами. А необычным я называю редкое слово (глоссу), метафору, удлинение и все, уклоняющееся от общеупотребительного.» [Аристотель 2000 : 56].

1.2. *Когнитивная теория метафоры*, напротив, утверждает, что неметафорического общеупотребительного языка не существует в принципе, и «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф 2004 : 25].

2. Второй вопрос, неизбежно вытекающий из первого, звучит так:

¹ Логическим продолжением данной позиции является так называемая «последовательная» (sequential) модель восприятия метафоры: воспринимающий должен сначала понять буквальное значение предлагаемого ему изречения, затем перейти к «небуквальному», переносному значению этого выражения [Rumelhart 1998 : 76].

существует ли буквальное значение языковой единицы? Иначе говоря, имеет ли метафора собственное, ей одной свойственное и ей самой порождаемое, значение? И, следовательно, возможно ли описать метафору при помощи средств буквального языка?

2.1. *Метафорическое значение¹ существует.* Сегодня это наиболее распространённый взгляд на природу метафоры. Принято считать, что метафора творит свой смысл [Stern 2001 : 205], и при перевыражении её средствами буквального языка качественные потери неизбежны. Положительный ответ на данный вопрос предполагает возникновение следующего: какова природа этого значения? Ж. Клебер приводит список наиболее распространённых ответов: это «неуместная предикация» (J.Cohen, 1966), «семантическая аномалия» (T. Todorov, 1966), «инконгруэнтность» (G. Lüdi, 1973), «отрыв от логики» (M. Le Guern, 1973), «непривычная атрибуция» (P. Ricœur, 1975), «несовместимость» (J. Tamine, 1979; R. Martin, 1983; G. Kleiber, 1983; F. Rastier, 1987), «противоречие логике» (I. Tamba-Mecz, 1981), «неправильность» (J.R. Searle, 1982) и т.д. [Kleiber 1994 : 177].

2.2. *Переносного собственно метафорического значения нет.* Коварный вопрос о природе буквального значения решается категорически. Так, несовместимы с существованием метафорического значения взгляды Дональда Дэвидсона (truth-theoretical semantics). Однако, отсутствие метафорического значения не снимает проблемы интерпретации «странных» высказываний, и уловка с «непропозициональностью» [Дэвидсон 2003 : 360] мало помогает ответить на вопрос о субъективном порождении и субъективном восприятии метафоры. Если метафорического значения не существует, то теория языка должна объяснить, как определяется то «особое», что понимает субъект, сталкиваясь с образным выражением, а теория сознания должна сказать,

¹ Во французской лингвистике также используются термины «sens tropique», «sens métaphorique», «sens figuré», «sens non littéral», «effet de sens (métaphorique)» [Charbonnel & Kleiber 1999 : 7].

какие когнитивные способности отвечают за метафорическое мышление¹ [Kittay].

2.3. *Между буквальным и переносным значением существует континуум.* Этот третий вариант появился в философско-лингвистических работах сравнительно недавно. Наиболее последовательное описание принадлежит Эрлу МакКормаку (1985), который отрицает существование буквального значения как психологической реальности, утверждая, что разграничение фигуральность/нефигуральность – не комплементарная пара, а вопрос степени. Два полюса – образность и конвенциональность – нужны только классической семантике. К данной точке зрения склоняются представители современной французской семантической школы² (P. Cadiot, Y.-M. Visetti, Fr. Nemo); здесь стоит также вспомнить идею семантической непрерывности лексики Ю. Д. Апресяна и идею метафорического континуума – степени, уровня метафоричности (G. Steen, L. Cameron): этимологическая метафора – нормативная – культурная – ко(н)текстуальная [Dürrenmatt 2002 : 14-15].

3. Наконец, третьим сущностным вопросом, относящимся непосредственно к так называемому объективному, онтологическому уровню анализа метафоры, является вопрос о природе сходства [Schulz 2004 : 50]. **Эксплуатирует ли метафора объективно существующее сходство между источником и целью или создаёт это сходство?**

3.1. Да, сопоставляемым полям присуще внутреннее структурное сходство. Утвердительный ответ предполагает переход к компаративным теориям метафоры, которые усматривают в ней свёрнутое сравнение. Эта

¹ Cf. «The hard problem of the theory of metaphor is to explain what exactly are the principles according to which the utterance of an expression can metaphorically call to mind a different set of truth conditions from the one determined by its literal meaning, and to state those principles precisely and without using metaphorical expressions like 'call to mind'» [Searle 1998 : 89] – «Главная проблема для теории метафоры – объяснить, в соответствии с какими именно принципами при порождении выражения может метафорически прийти на ум набор условий истинности, отличный от предписанного буквальным значением, и установить эти принципы точно, не прибегая к метафорическим выражениям вроде 'прийти на ум'».

² Cf. «... la notion du sens figuré ... est à abandonner dans son caractère discret» [Cadiot & Visetti 2001 : 216] – «... от понятия дискретно понимаемого переносного смысла... следует отказаться».

точка зрения, несмотря на кажущуюся правдоподобность, вступает в противоречие с подавляющим большинством конкретных эмпирических данных.

3.2. Нет, в процессе создания метафоры устанавливается реляционное/структурное сходство между контекстами. Основные теоретические кластеры (эмотивные/контроверзные теории П. Рикёра, М. Дюфрена, интеракционистская теория М. Блэка, А. Ричардса, Е. Киттэй) строятся именно на таком понимании генеза метафоры¹.

История развития теории метафоры, как мы попытаемся показать далее, есть попытка ответить на вопрос о сущности этого феномена и принять логические последствия такого решения².

1.1.2. Аристотель как основоположник теории метафоры

В своей работе *Семиотика и философия языка* Умберто Эко иронично отказывает большинству научных трудов, посвящённых метафоре, в существенных добавлениях к фундаментальным положениям Аристотеля³. Действительно, знаменитое определение, данное в *Поэтике* – «Переносное слово, или метафора, есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 2000 : 54] – принималось за основу изучения этого феномена на протяжении последующих двух тысячелетий. Однако, обращаясь к введённому выше разделению теорий метафоры на орнаментальные и сущностные, представляется немаловажным отметить, что, к какому бы варианту исследователь не склонился, он может сослаться в качестве аргумента *ad hominem* на положения Аристотеля.

Далее, Аристотель поясняет каждый из четырех выделяемых им видов

¹ На проблематичность такой категории как сходство неоднократно указывали различные исследователи, см. у Дж. Сёрля: «Similarity ... has to do with the production and understanding of metaphor, not with its meaning» [Searle 1998 : 92] – «Сходство ... связано с порождением и пониманием метафоры, а не с её значением».

² В данном диссертационном исследовании не ставилась задача представить полный обзор истории изучения метафоры; подобных работ можно найти достаточное количество, см. например Глазунова, 2000.

³ См. эссе Поля Рикёра «Entre rhétorique et poétique: Aristote» в работе «Живая метафора» [Ricoeur 2007 :13-61].

метафоры, два из которых сегодня к метафорам относить не принято: «С рода на вид я разумею, например, в выражении «вон и корабль мой стоит», так как «стоять на якоре» есть часть понятия «стоять» [с. 55], и далее «С вида на род, например, «истинно тьму славных дел Одиссей совершает», то [поэт] воспользовался тут [этим словом] вместо «много» [ibid].

Третий же случай («С вида же на вид, например, “вычерпав душу медью» и «отсекши несокрушимой медью», так как здесь «вычерпать» в смысле «отсечь», а «отсечь» в смысле «вычерпать», а оба [эти слова] значат «отнять» что-нибудь [ibid]) и четвертый («А под аналогией я разумею [тот случай], когда второе относится к первому так же, как четвертое к третьему; поэтому [поэт] может сказать вместо второго четвертое ли вместо четвертого второе» [ibid]) бесспорно относятся к таинственному явлению метафоры.

Аристотель также вводит *когнитивное* измерение в риторический по настрою текст *Поэтики*, задавая эвристическую потенцию метафоры. Так, например, он описывает загадку: «... идея загадки та, что, говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное. Посредством связи общеупотребительных слов достичь этого нельзя, а посредством метафоры возможно...» [Аристотель 2000 : 57]. Еще конкретнее он выражает эту мысль в *Риторике*: «естественно, что всякому приятно легко научиться чему-нибудь, а всякое слово имеет некоторый определенный смысл, поэтому всего приятнее для нас те слова, которые дают нам какое-нибудь знание. Слова необычные нам непонятны, а слова общеупотребительные мы понимаем. Наиболее достигает этой цели метафора, например, если поэт называет старость стеблем, остающимся после жатвы, то он научает и сообщает сведения с помощью рядового понятия, ибо и то и другое – нечто отцветшее» [Аристотель 2000 : 291].

Определенно, эти слова могли бы стать одним из опорных пунктов в манифесте когнитивистов, если бы их автор при этом не являлся традиционно признанным основателем собственно риторического подхода к метафоре как

декоративному элементу.

Именно у Аристотеля впервые – после софистов и Платона – задаётся экстралингвистическое измерение риторики, связь слова с практикой и действием [Détrie 2001 : 35]. Однако, именно в его адрес и звучат обвинения современных метафорологов: как говорит П. Рикёр, Аристотель на многие столетия привязал метафору к слову как сегменту речи [Ricoeur 2007 : 20], классическая риторика и лингвистика занимались её исследованиями в рамках сугубо внутриязыкового контекста (*sémantique intralinguistique*), и только с появлением работ Э. Бенвениста, строго разграничивших сферы семиотики и семантики, произошёл сдвиг в изучении дискурсивной метафоры, перенос внимания с результата – готовой метафоры – на процесс – метафоризацию [Détrie 2001 : 10]. Сегодня против внутриязыковой семантики постоянно выступают ряд исследователей (Ж. Клебер, П. Лера), утверждающих, что «*les figures de sens sont des figures d'énoncés, non de mots*» [Lerat 2005 : 58], «семантические фигуры принадлежат не словам, а фразам».

1.1.3 Наследие античной традиции и «риторический поворот» Фридриха Ницше

Последователи Аристотеля в позднейшей риторической традиции (прежде всего, Цицерон в своём трактате *De oratore*, Квинтилиан в *Institutio oratoria*) упустили из виду важнейший компонент его рассуждений, а именно, признание познавательного значения метафоры, её статуса, выходящего за рамки чисто декоративного элемента. В трактатах Цицерона и Квинтилиана роль метафоры низводится до приёма простой лексической замены, основанной на отношениях подобия. Цицерон ополчается против метафорических излишеств именно в силу прагматического стремления к абсолютной ясности: для него было достаточно выражений буквальных, уже наличествующих в языке.

Классическая средневековая риторика, наследующая античной традиции,

настаивала на моральном аспекте метафоры, напрямую связанном с библейским употреблением.

Полемицировать с традиционным взглядом на метафору как на речевое украшение начинают поэты (С. Т. Колдридж, П. Б. Шелли) и философы романтического направления, объявив её принципом языка, «фатальной неизбежностью, единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления» [Арутюнова 1990: 11]. Уже И. Кант рассматривает метафору как проявление работы воображения, творческих способностей человека, при этом её значение для познания напрямую не устанавливается.

В XIX в. о важности метафоры для познания заговорил Джанбаттисто Вико, впервые провозгласивший её обширное присутствие во всей языковой системе [Parente]. Идея об *изначальной метафоричности* – так называемая *conception de figure originaire* [Bordas 2003: 72] – восходит к этим романтическим представлениям Вико, а также Э. Б. де Кондильяка и Ж.-Ж. Руссо: язык ребёнка и язык “примитивного человека” равно метафоричны. Однако, эта первозданная метафоричность для современных метафорологов не является *образной*: по выражению Н. Шарбоннель, это «иллюзия метафоры»¹

Заслуга решающего утверждения когнитивной роли метафоры принадлежит Фридриху Ницше, которому мы обязаны так называемым «риторическим переворотом» [Kremer-Marietti 2001], утверждением эстетической / символической природы познания, помещением фигуры в центр языка, наконец, удивительным определением «Знание – это ничто иное, как работа с любимыми метафорами». В работе 1873 года *Об истине и лжи во вненравственном смысле*, Ницше определяет истину следующим образом: «Что есть истина? Движущаяся армия метафор, метонимий и антропоморфизмов, короче говоря, сумма человеческих отношений, которые были поэтически и

¹ Nanine Charbonnel: «Elle (= une illusion de la métaphore) est au discours collectif ce que le 'mot d'enfant' est au discours individuel: la lourde fatalité des mécanismes psychiques non encore dominés» цит. по: [Bordas 2003 : 73] – «Она (=иллюзия метафоры) относится к коллективному дискурсу так же, как 'детская речь' к дискурсу индивидуальному: тяжкая неизбежность психических механизмов, с которыми ещё не справляются».

риторически сублимированы, переставлены и приукрашены постоянным использованием. Люди же их считают твердой, каноничной и неизбежной реальностью. Истина – это иллюзия, об иллюзорной природе которой все позабыли, это *метафоры, которые много использовались, истерлись, потеряли свой оттиск и теперь больше выходят за простой металл, нежели за монету*» (курсив наш – К.Ф.).

Современные исследования в области метафоры во многом созвучны ницшеанским построениям. Так, в *Весёлой науке* (III, § 111) Ницше описывает «процесс мыслей и логических заключений в нашем современном мозгу» как отвечающий «процессу и борьбе импульсов, которые сами по себе весьма нелогичны и предвзяты». Мыслитель считает, что в сознании тем самым запускается древний механизм, сложившийся на заре антропогенеза, но запускается настолько быстро и неосознаваемо, что мы способны осознать только «результат этой борьбы».

Таким образом, Фр. Ницше представляет генезис современной когнитивной деятельности. Более того, он говорит о том, что инстинкт, толкающий нас на создание метафор, является базовым – утверждение, с которым напрямую перекликаются современные идеи Стивена Пинкера (2004). Для Фр. Ницше риторическая деятельность есть древнейшая деятельность мозга; она и сегодня автоматически запускается при использовании любого, даже максимально логического, когнитивного механизма; её работа фиксируется в языке. С точки зрения мысли, абстракция есть продукт символических процессов метафорического происхождения, застывшая в памяти. По определению А. Кремер-Мариетти, Фр. Ницше попытался создать «феноменологию знания, восходящую к первоистокам», берущую начало за рамками самой метафоры, в первичном зарождении биологической жизни, в изначальном ощущении удовольствия или неудовольствия [Kremer-Marietti 2001].

Высказанные Фр. Ницше идеи в корне изменяют направление философского осмысления метафоры. С 40-х годов XX века метафора уже

больше не рассматривается как фигура речи, новым подходом становится, по выражению Поля Рикёра, теория отклонения и нулевой риторической степени («de l'écart et du degré rhétorique zéro»).

Новые горизонты открываются перед метафорой, когда Эрнест Кассирер (1946) в своей монументальной работе о взаимной зависимости мифа и языка утверждает, что радикальная метафора присутствует в самом произнесении фонемы, так как даже примитивное вербальное выражение предполагает перенос когнитивного или эмоционального переживания в звуковую форму [Molino 1979: 110].

1.1.4. Классификация современных теорий метафоры

К 70-м годам XX в. в гуманитарной науке складываются полемично настроенные по отношению друг к другу течения, посвящённые метафоре. На это время приходится очередной пик интереса к метафоре, в связи с чем один из историографов науки в шутку написал, что если количество студентов, занимающихся метафорой, будет увеличиваться, сохраняя такие темпы роста, то в двадцать первом веке исследователей метафоры будет больше, чем людей [Лакофф 2004: 7]. При этом, если количество литературы, посвященной исследованию метафоры, впечатляет, не менее удивительно и качество этого исследования, количество подходов и точек зрения, применимых сегодня к этому феномену [Bustos 2002: 1]. Полярность позиций сохраняется, однако, по-новому заостряется «основной вопрос» философии языка: формулировка подобной антитезы предполагает *наличие внеположных систем образного и буквального языка*, а значит, наличие значения буквального и метафорического.

Сформировавшиеся к 70 гг XX века направления в изучении метафоры неоднократно классифицировались. Последовательное рассмотрение этих классификаций позволяет выявить их принципиальное сходство.

1. Одной из наиболее авторитетных в современной лингвистике и

философии языка является классификация Айвора Ричардса, который подразделяет теории метафоры соответственно на:

- **теории сравнения** – метафора есть свёрнутое сравнение, указывающее на объективное сходство между сопоставляемыми понятиями;
- **теории субституции** – метафора используется для замещения буквального обозначения, при необходимости может быть перевыражена средствами нефигурального языка;
- **теории интеракции** – в результате соположения в рамках одной метафоры двух концептуальных полей возникает некое третье, собственно метафорическое пространство, в котором, благодаря взаимодействию (интеракции) этих полей и образуется собственно метафорическое значение, не выводимое самостоятельно ни из одного из двух сопоставляемых полей.

2. Монро Бирдсли в своей классификации выделяет четыре основных теоретических кластера, объединяющих сходные точки зрения:

- **эмотивные теории** (Поль Рикёр, Мишель Дюфрен), согласно которым метафора предполагает «структурную аналогию между когнитивным, имагинативным и эмоциональным компонентами полного метафорического акта» [Рикёр 1990 : 433], являясь благодаря этому процессом эвристики мысли. Творение нового смысла происходит на возникающем третьем поле эмоционального напряжения, обусловленного психологической невозможностью воспринять два поля, сводимые воедино метафорой, буквально. Нам представляется возможным ввести в эту же группу так называемые **контроверзные** теории, например, теорию аномалии Уилкса (1978). Согласно этой теории, реальности соответствует буквальное значение, а значит, буквальное прочтение фигурального выражения приведёт интерпретатора к концептуальной аномалии, к нестандартной структуре значения. После этого в сознании интерпретатора будет запущен некий модуль обработки метафорических выражений (интуитивная догадка – такой механизм должен существовать). Получается, что восприятие метафоры – процесс двухфазный,

распадающийся на первичное обнаружение аномалии и её последующее «исправление», приводящее к альтернативной трактовке.

- **компаративные теории**, делающие акцент на принципе аналогии, переносу имени по сходству, и как следствие, трактующие метафору как эллиптическое сравнение. Значение метафоры фактически приравнивается к значению соответствующего ей сравнения.
- **теории иконического значения** (Нельсон Гудмэн, Пауль Хенле), апеллирующие к логическим способам референции, соотносящие знак и внеязыковую действительность. Логик и номиналист, Н. Гудмэн работает только с единичными сущностями, отказываясь в своей онтологии от свойств и классов, что отнюдь не упрощает его теорию метафоры, которая в результате рассматривается как один (непрямой) из двух возможных способов референции [Goltzberg].
- **интеракционистские теории** (Айвор Ричардс, Макс Блэк, Ева Ф.Киттэй), которые делают акцент на возникновении собственно метафорического значения в результате взаимодействия привлекаемых концептов.

А. Ричардс (1936) понимает метафору как органический феномен языка, проявляющийся глубинно во взаимодействиях концептуальных структур, стоящих за словами. В отличие от простого концептуального сложения, комбинирования, это взаимодействие (интеракция) подразумевает деформацию обеих вовлекаемых концептуальных структур с результирующим возникновением третьей. В этой третьей концептуально сближаются взаимодействующие компоненты, обмениваются своими предикатами или ассоциациями, и происходит «*фундаментальное перекрестное заимствование мыслей*».

М. Блэк (1954) в своей аналитической философии языка развивает мысли Ричардса. Он полагает, что метафора работает посредством наложения на главную тему системы характеристик, ассоциированных с темой вторичной, причем говорит он прежде всего о метафорах новых. По сути дела, именно

Блэку принадлежит основная заслуга в переносе изучения метафоры с уровня слов на уровень концептов. Именно в его работах впервые метафора рассматривается как когнитивный механизм, оперирующий не отдельными лексическими единицами, а концептами. Работы Блэка подвергались критике за их «эзотерический» характер (Indurkha, 1992), утверждалось даже, что его теоретические построения лучше считать мета-теорией, «руководством к тому, как на самом деле создать теорию метафоры».

3. Классификация Карла Османа интересна своей альтернативной терминологией: автор сводит теоретические построения в области метафоры к дихотомии «**оригинативизм**» – «**редукционизм**», основываясь на диаметрально противоположном понимании эвристической функции феномена. В первом случае (К. Тёрбэйн, Н. Гудмэн, Г. Поллио) метафора порождает языковые значения (в крайних вариантах теории – вплоть до сегментов мира), во втором случае (Э. МакКормак) служит приблизительным эквивалентом буквальному языку, принципиально заменяема некой аналогией или эксплицитным сравнением. Сходно с данной классификацией деление М. Пранди, который говорит о наличии двух «альтернативных тропологий»: классической субститутивной, восходящей к риторике Фонтанье, и интерактивной метафорологии [Prandi 1992 : 103].

4. В зависимости от отношений, которые выстраивает исследователь между метафорой, коммуникативной ситуацией и экстралингвистической реальностью, возможно разделить теории метафоры на **прагматические** и **семантические**. В таком случае, к семантическим теориям можно отнести все рассмотренные выше варианты.

Впервые дискуссия была переведена в прагматический план в работе Джона Сёрля (1979), который заговорил о буквальных и метафорических высказываниях исходя из теории речевых актов. Фактически, это видоизменённая теория субституции: высказывание обладает значением высказывания говорящего, подразумеваемым значением высказывания (*Speaker*

Utterance Meaning) и буквальным значением высказывания (*Literal Sentence Meaning*), значением фразы и значением высказывания, следовательно, одна и та же идея может быть выражена буквально и образно.

В первом случае значение объективно, определено совокупностью условий истинности, во втором случае решающую роль играет значение говорящего, то есть его идеологические, интенциональные, прагматические установки. Если намерение говорящего и значение высказывания совпадают, мы называем высказывание буквальным, если наблюдается разрыв между интенцией и тем, что можно понять в высказывании без учёта этой интенции, мы имеем дело с фигуральным значением. Прагматический подход к метафоре в рамках современной риторической традиции предлагает Мишель Ле Герн, а вслед за ним – теоретик аргументации Мариана Туцеску.

Согласно этим исследователям, метафора является либо стратегией аргументации, задействующей коннотативный ресурс языка, либо способом изменения эстетического отношения к действительности. Как следствие, мы имеем дело либо с метафорами **аргументативными**, нацеленными на убеждение, либо с метафорами **поэтическими**, нацеленными на эстетическое воздействие. Туцеску утверждает, что аргументативные метафоры информируют нас о языковой семантике, в то время как поэтические метафоры, прежде всего, характеризуют идиолект поэта; отсюда можно сделать вывод, что аргументативными исследователь называет метафоры традиционные, языковые, а поэтическими – риторический, во многом индивидуальный приём. Поэтическая – «авторская» – метафора работает не с ядерной семой, а с семой второго ранга, «виртуемой» (*virtuème*) [Tutescu 2003].

Напротив, аргументативная метафора, нацеленная на иной прагматический результат (убеждение), должна рассчитывать на то, что избираемая для метафоризации сема будет адекватно воспринята и правильно интерпретирована всеми потенциальными адресатами. Устойчивой характеристикой аргументативных метафор является мобилизация оценочных

сем, или «субъективем» (subjectivèmes, термин К. Кербра-Орекьони, 1980)

В рамках прагматического подхода можно рассматривать и теоретические построения Дональда Дэвидсона (1984), который занимает достаточно тенденциозную позицию на общем фоне. Дэвидсон отрицает какую бы то ни было когнитивную функцию метафоры, подразумевая под ней всего лишь способ использования буквального языка, даже если этот способ содержит в себе определённую «изюминку». «Метафоры означают только то (или не более того), что означают входящие в них слова, взятые в своём буквальном значении» [Дэвидсон 2003: 336]. При этом философ отказывается и от возможности дать семантическое объяснение специфики метафорического значения. Аргумент, традиционно используемый для доказательства уникальности метафорического значения – так называемый аргумент о несводимости метафоры – Дэвидсон также выворачивает наизнанку: если метафору нельзя переформулировать, значит, в ней просто ничего нет, никакого скрытого содержания.

Некоторые критики Д. Дэвидсона трактуют его теорию следующим образом: автор слишком акцентирует значение, свободное от контекста, и именно поэтому не может объяснить специфику метафорического значения. Так, Е. Киттэй в ответ ему приводит три аргумента:

- некоторые контексты требуют буквальной интерпретации, даже если их образность в нормальных условиях не вызывает сомнения;
- интерпретация никогда не свободна от ожиданий, обусловленных контекстом, и от фоновых установок;
- полисемия вездесуща, и любой новый контекст потенциально способен создать новое значение слова, поэтому бесполезно пытаться рекурсивно характеризовать значение слова вне контекста.

Вывод, который Киттэй делает: разделение на прагматику и семантику не совпадает с оппозицией контекстуально связанные/ контекстуально свободные значения, так как последних вообще не существует.

5. Наконец, заслуживает внимания недавно сложившаяся теория метафоры, ориентирующая исследователя на природу понимания фигурального выражения. Термины «*аналитическая*» и «*синтетическая метафора*» были введены в работе Nueckles & Janetzko, 1997. Авторы показали, что те элементы значения, которые принадлежат пересечению черт источника и топики, как правило, надсубъектны, в то время как метафорические новообразования, не относящиеся ни к топику, ни к источнику, трактуются субъективно.

Интерпретация аналитической метафоры определяется посредством анализа значения компонентов метафоры. Несколько моделей анализа:

- пересекающиеся черты (*overlapping-feature model*) – у топики и источника присутствует набор накладывающихся друг на друга черт, их совокупность есть значение метафоры;
- перенесение (*mapping model*) – структурное соответствие между полями;
- перенос сходства (*feature-transfer model*) – некоторые черты источника переносятся на топик, тем самым, придавая значение метафоре.

Каждая из этих моделей подвергалась в свое время более детальному изучению и описанию. Главной характеристикой аналитической метафоры признается культурно устойчивое значение компонентов, которое обуславливает наложение интерпретаций разных людей, как следствие, недвусмысленное восприятие всей метафоры представителями этой культуры.

Значение синтетической метафоры, напротив, не складывается из анализа значений ее компонентов. Эти значения называются некомпозиционными. В сходных ситуациях Бипин Индурка ранее использовал такие термины, как *проективная метафора* или метафора, создающая сходство. В отличие от аналитической, синтетическая метафора создает новые значения за счет синтеза семантических компонентов. Синтез этот во многом субъективен, что обуславливает множественные интерпретации этого типа метафор. Каждый компонент синтетической метафоры апеллирует к своему прямому значению, как семантическому и концептуальному, так и перцептивному, активируя при

этом эпизодическую память субъекта. В результате в сознании возникает некая симуляция, по выражению Л. Барсалоу (Barsalow, 1999), заданной в метафоре ситуации. Перцептивная образность и эпизодическая память субъекта обеспечивают индивидуальный, личностный характер трактовки синтетической метафоры. Активированные смысловые элементы частично резонируют, частично взаимоуничтожаются, и, возможно, запускают новые гештальты или концептуальные схемы, которые центрированы на те или иные элементы.

В качестве заключения, представляется интересным посмотреть на упрёки, которые всем вышеуказанным теориям делает современная когнитивная лингвистика. Так, чилийский исследователь Эмилио Ривано в своей апологии когнитивной лингвистики (1997) выделяет два существенных, по его мнению, недостатка, характеризующих практически все теории метафоры. Во-первых, отсутствует систематическая работа с разнообразным языковым материалом; во-вторых, не устанавливается терминологическая граница для понятий «концепт» – «языковая единица». Как следствие, проводимый анализ поверхностен и сводится по преимуществу к разбору частных примеров, извлечённых из художественных текстов, или же к абстрактному теоретизированию на предмет искусственно построенных выражений [Rivano 1997].

Если первый упрёк отражает строгую установку когнитивной лингвистики на анализ фактического материала по принципу «чем больше, тем лучше» [Janda 2006], что представляется не всегда оправданным усложнением исследования, второе замечание достаточно серьёзно, особенно когда с точки зрения исторической перспективы становится очевидной плодотворность концептуального анализа метафорики.

Итак, на фоне такого разнообразия противоречивых мнений о природе метафоры и научных тенденций в её изучении в США зарождается когнитивная семантика.

1.1.5. Когнитивная теория метафоры

Когнитивная теория метафоры, по формальному статусу расположенная в списке теорий когнитивной лингвистики¹, в действительности претендует на самостоятельное объяснение языка, мышления, когнитивной деятельности как таковой. Эту теорию также называют «ядром когнитивной лингвистики второго поколения» [Кравченко 2004]

Отсчёт её истории² следует начинать с публикации статьи Майкла Редди (1979), озаглавленной *The Conduit Metaphor* (переиздано: Reddy 1998). Благодаря детальному анализу метафоры, используемой при концептуализации процесса коммуникации в английском языке, автор впервые продемонстрировал на примере ограниченной, отдельно взятой области, что повседневный, обыденный, разговорный язык насквозь пронизан метафорами, причём эти последние принадлежат не языку, а мысли, конвенциональному способу понимания мира: «The logic of the framework runs like threads in many directions through the syntactic and semantic fabric of our speech habits» [Reddy 1998: 176] – «Логика этой основы разбегается как нити во многих направлениях сквозь синтаксическую и семантическую ткань наших речевых привычек».

В 1980 году в свет выходит книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Метафоры, которыми мы живём (Metaphors We Live By)*, ставшая впоследствии одним из классических, основополагающих текстов когнитивной лингвистики. В качестве эпиграфа к данной работе – довольно пафосной и претенциозной апологии метафоре – следовало бы поставить слова Х. Ортега-и-Гассета (1923): «От наших представлений о сознании зависит наша концепция мира, а она в свою очередь предопределяет нашу мораль, нашу политику, наше искусство. Получается, что всё огромное здание Вселенной, преисполненное жизни,

¹Основные положения когнитивной лингвистики как дисциплины см., например, в обзорных работах Бабич, 2006; Баранов, Добровольский, 1997; Демьянков, 1994; Кубрякова, 1994; Рахилина, 2002; Селиверстова, 2002; Dirven & Verspoor, 1998; Evans & Green, 2006; Gärdenfors, 1999.

² История когнитивной теории метафоры – отдельный вопрос, которому посвящены самостоятельные исследования; см., например, работу Jäckel (1999), посвящённую анализу влияния трудов И. Канта, Х. Блюменберга и Х. Вайнриха на складывание данной теории.

покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры». Суть авторской концепции действительно выражается крайне похожим тезисом: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф 2004: 25].

В рамках данной теории метафора рассматривается как базовый когнитивный механизм, заключающийся в переносе структуры одной понятийной области – источника – на другую – область цели. При этом область источника изначально является понятной, освоенной, *познанной*, в то время как область цели подлежит осмыслению, *пониманию*. Иначе говоря, область источника соответствует конкретному, материальному, хорошо структурированному, физически осязаемому «куску» действительности, воспринимаемому нами при помощи наших доконцептуальных структур, с опорой на опыт нашей телесности, моторной активности, пространственной ориентации. Область цели является ментальным пространством абстрактной, нематериальной сферы, манипулирование которым должно быть опосредовано нашими доконцептуальными структурами¹. Отсутствие необходимого доконцептуального опыта обуславливает запуск механизма концептуальной метафоры, *воплощающей* сферу абстрактных сущностей одного ментального пространства в онтологически соответствующий ей ряд конкретных сущностей другого пространства.

Получаемое посредством такого переноса ментальное образование является концептуальной метафорой. Так как по определению этот конструкт подразумевает ряд структурных и онтологических соответствий между сближаемыми областями, каждая концептуальная метафора реализуется во множественных конкретных языковых выражениях, каждое из которых отражает заданную метафорическую стратегию. В качестве иллюстрации

¹ «One of the most fundamental properties of the human conceptualising capacity is its tendency to structure concepts or domains relating to introspective experience in terms of concepts that derive from sensory experience» [Evans & Green 2006: 65] – «Одно из фундаментальных свойств человеческой способности концептуализации – это тенденция структурировать концепты или области, относящиеся к интроспективному опыту, в терминах концептов, производных от опыта чувственного».

воспользуемся одним из многочисленных примеров Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф 2004: 75-76]:

IDEAS ARE FOOD What he said left *a bad taste* in my mouth. All this paper has in it are *raw, half-baked ideas, and warmed-over theories*. There are too many facts here for me to *digest* them all. I just can't *swallow* that claim. That argument *smells fishy*. Let me *stew* over that for a while. Now there's a theory you can really *sink your teeth into*. We need to let this idea *percolate* for a while. That's *food* for thought. He's a *voracious* reader. We don't need to *spoon-feed* our students. He *devoured* the book. Let's let that idea *simmer on the back burner* for a while. This is the *meaty* part of the paper. Let that idea *jell* for a while. That idea has been *fermenting* for years.

При этом концептуальная метафора, как правило, не является единственным способом описания области источника; различные способы концептуализации вполне могут противоречить друг другу, так как концептуальные системы не являются монолитными, логически выстроенными сущностями. Например, любовь может с равным успехом концептуализироваться в сознании американцев следующими способами: ЛЮБОВЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА; ЛЮБОВЬ – ЭТО ПАЦИЕНТ; ЛЮБОВЬ – ЭТО БЕЗУМИЕ; ЛЮБОВЬ – ЭТО МАГИЯ; ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА; ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, и т.д.

В зависимости от природы объекта, подлежащего концептуализации, в сознании используются различные *виды концептуальной метафоры*

- **Ориентационные метафоры**, организующие одну систему концептов относительно другой; многие из них связаны с пространственной ориентацией, то есть, основой для создания метафоры служат доконцептуальные структуры, позволяющие осознавать позиционирование нашего тела в пространстве: образы-схемы ВЕРХ-НИЗ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ, ВНУТРИ-СНАРУЖИ, и т.д. Примером может служить метафорическая градуальная система СЧАСТЬЕ ВВЕРХУ, ПЕЧАЛЬ ВНИЗУ; ХОРОШЕЕ ВВЕРХУ, ПЛОХОЕ ВНИЗУ. Такие метафоры наиболее существенны для сознания человека, они образуют базис концептуальной системы, однако, сами по себе эти модели не очень богаты, они способны задавать бинарные оппозиции и градуальную шкалу изменения

качества.

• **Онтологические метафоры** рождаются из опыта обращения с материальными телами и задают различные способы восприятия нематериальных сущностей (идей, эмоций), а также действий, состояний, событий, в терминах материальных объектов и веществ. Частным случаем онтологической метафоры является феномен персонификации и метонимии. Примерами могут служить такие метафоры, как МОЗГ – ЭТО МАШИНА, АРГУМЕНТЫ – ЭТО ЗДАНИЯ, ИНФЛЯЦИЯ – ЭТО СУЩНОСТЬ.

• **Структурные метафоры** представляют собой принципиально иной уровень когнитивной деятельности: «они дают нам возможность использовать одно высоко структурированное и чётко выделяемое понятие для структурирования другого» [Лакофф 2004 : 97]. Так, опираясь на концепты, образованные ориентационными и онтологическими метафорами, мы получаем такие сложные образования, как РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОР – ЭТО ВОЙНА, РИСК – ЭТО АЗАРТНАЯ ИГРА, МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС. Структурные метафоры направляют ход политических и экономических процессов, конструируют философские системы, определяют эвристики научно-технического прогресса; перефразируя приводимую выше цитату, действительно «получается, что всё огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце *структурной* метафоры».

Своеобразным семантическим развитием теории концептуальной метафоры выступает предложенная Марком Тёрнером и Жилем Фоконье гипотеза *концептуальной интеграции*. Авторы предлагают заменить стандартную бинарную модель, вовлекающую в когнитивный процесс только области источника и цели, на мультипространственную модель [Turner 1995] и вводят понятие *смешения* (blending) для обозначения выделяемого ими когнитивного механизма. Бинарная модель рассматривается как составная часть более общей схемы концептуальной проекции. Предлагаемая авторами модель

задействует как минимум четыре ментальные области: два вводящих поля, которые практически соответствуют областям цели и источника – с ними непосредственно проводится ментальная работа; два промежуточных поля, под которыми понимаются общее пространство со скелетной структурой, свойственной обоим вводящим полям, и смешанное пространство, насыщенное семантическое поле, интегрирующее части специфических структур каждого из вводящих полей. Смешанное поле часто характеризуется структурой, несвойственной ни одному из вводящих полей [Turner 1995].

Если когнитивные лингвисты традиционно отходят от проблемы сходства и предлагают другие объяснения для создания метафорических когнитивных моделей (например, процесс отбора качеств [Ibarretxe-Antuñano 1999 : 34]), Дж. Грэди обращает внимание на необходимость описания в терминах когнитивных механизмов перцепции и категоризации тех феноменов, которые построены именно на восприятии сходства [Grady 1999 : 96]. Он выделяет два класса метафор: построенные на сходстве (*resemblance class*), включая подкласс ОБЩЕЕ – ЭТО ЧАСТНОЕ и построенные на соотнесённости (*correlation class*), куда относятся и первичные метафоры [Grady 1999 : 96].

Начатые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном исследования были активно продолжены не только многими представителями когнитивной лингвистики; интерес к высказанным ими идеям проявили также специалисты в области биологии, медицины, нейроанатомии, психологии, психолингвистики. Материалистическая предпосылка, на которой базируется теория концептуальной метафоры, в частности, теория воплощения значений (*embodiment*) – процессы высшего ментального порядка построены на основе процессов низшего порядка – позволила задать смелое направление для возможной верификации. Теория концептуальной метафоры предполагает, что должны обнаружиться физически существующие связи между отделами головного мозга, которые отвечают за семантику, и отделами, связанными с сенсорным восприятием [Rohrer 2001]. Если действительно правы в своих

утверждениях лингвисты, значит, нейробиологам удастся предоставить свои объективные доказательства в виде физического субстрата механизма концептуальной метафоры, а психолингвисты смогут опытным путём продемонстрировать её реальность (см. исследования D. Casasanto, L. Boroditsky). Работа в этом направлении ведётся с большим энтузиазмом; так как детальное освещение данной проблемы выходит, к сожалению, за рамки данного исследования, ограничимся следующим соображением: на данный момент результаты нейрофизиологов скорее подтверждают теоретические выкладки когнитивной лингвистики, чем опровергают их.

Немецкий исследователь Олаф Йекель обобщил основные положения современной когнитивной теории метафоры в виде «девяти постулатов» [Jäkel 2002], последовательное рассмотрение которых позволяет получить достаточно полное представление о направлениях исследований, проводимых в данной области¹.

1. **Гипотеза вездесущности** (ubiquity hypothesis). Любая сфера использования языка оказывается буквально пронизанной метафорами, так как, по словам Дж. Лакоффа, метафорическое мышление неизбежно.
2. **Гипотеза областей** (domain hypothesis). Большинство метафорических выражений следует рассматривать как языковые реализации концептуальных метафор, глубоких, неосознаваемых структур, заложенных в сознании.
3. **Гипотеза моделей** (model hypothesis). Под данной формулировкой подразумевается теория идеализированных когнитивных моделей – сложных гештальт-структур организованного знания, которые функционируют как прагматические упрощения ещё более сложной реальности. Их реконструкция также возможна благодаря когнитивному анализу повседневной речи. Когнитивные модели непосредственно связаны с культурными конструктами, в которых они напрямую задействованы.
4. **Гипотеза диахронии** (diachrony hypothesis). В плане исторического развития

¹ Вариантов таких обобщений когнитивной теории метафоры существует несколько, см. например, Баранов, 1991; Будаев, 2007.

языков большинство метафорических расширений значения демонстрируют связи между концептуальными областями.

5. **Гипотеза однонаправленности** (unidirectionality hypothesis). Как правило, метафора «X есть Y» связывает абстрактную, сложную понятийную область X (объясняемое) с более конкретной областью источника Y (объясняющее), где Y проще структурирована и открыта для чувственного восприятия. Отношение между этими областями однонаправленно и необратимо. Осмысление области источника в терминах области цели практически невозможно и в естественных условиях функционирования сознания и речи – то есть, пока концептуальная система латентна, не осознаваема субъектом – не произойдет никогда.
6. **Гипотеза инвариантности** (invariance hypothesis). Определённые смысловые элементы переносятся из области источника в область цели без изменения базовой структуры – набора онтологических сущностей и системных отношений между ними, что обеспечивает эмпирические основания для объяснения абстрактного концепта.
7. **Гипотеза необходимости** (necessity hypothesis). Метафоры выполняют объяснительную функцию, предоставляя человеку возможность оперировать абстрактными категориями, работать со сложными нематериальными понятиями. Посредством соотнесения последних с чувственным восприятием, они обеспечивают биофизическую, телесную основу познания, обуславливая тем самым единство и связность человеческого опыта.
8. **Гипотеза креативности** (creativity hypothesis). Значение метафорического выражения, в виду его огромного семантического потенциала, несводимо к буквальному без потери элементов смысла. Этим обусловлена креативная функция метафоры как стратегии реконструкции разрозненных элементов мышления. В научном дискурсе метафора может выполнять эвристическую функцию, организует терминологические системы, обеспечивает существование отвлеченных сфер абстрактных научных категорий.
9. **Фокусирующая гипотеза** (focussing hypothesis). Метафора предлагает лишь

частичное описание и объяснение осмысляемой области цели, выделяя одни её аспекты и маскируя другие. Эта разница в фокусе и определяет возможность наличия нескольких альтернативных метафор, предоставляющих многогранное понимание одного и того же концепта.

Рассмотренные выше основные положения теории метафоры, разработанной когнитивными лингвистами, позволяют говорить о том, что этот современный подход, во-первых, вписывается в более широкий теоретический контекст, и во-вторых, не только не исключает, но и напротив, во многом предполагает проведение анализа на уровне метафоры риторической.

Тремя базовыми источниками когнитивной теории метафоры являются:

- с точки зрения гипотезы вездесущности и гипотезы креативности – философия Фр. Ницше и осуществлённый им риторический переворот;
- с точки зрения гипотезы необходимости – философия И. Канта, идея о воплощении значения есть ни что иное, как трансформация теории априорных форм чувственности;
- гипотеза областей и гипотеза моделей фактически являются развитием – точнее, абсолютизацией – идей М. Блэка и А. Ричардса.

Когнитивная теория метафоры возникает как протест против логического позитивизма и теории истинности в семантике (А. Тарский, Г. Фреге)¹, и установление оппозиции с традиционной риторикой в развитии новой исследовательской программы вторично. Конкретные метафорические выражения рассматриваются как реализации глубинных структур, что при этом не отменяет возможности риторического анализа.

С точки зрения современной антропологии, адекватное исследование связи языка и мышления должно приводить доказательства соответствий между языковой системой и неязыковой системой верований и поведенческих установок, на индивидуальном или общественном уровне [Lucy 1996 : 44]. Однако, когнитивная лингвистика зачастую вызывает у антропологов

¹ См. подробнее об этом в Лакофф, 2004.

смешанные чувства. Если лингвисты стремятся к поиску семантических универсалий, антропологам свойственна большая осторожность в данном вопросе¹. Основополагающей гипотезе Дж. Лакоффа и М. Джонсона также предъявляется ряд претензий, в частности некоторые исследователи считают, что теория концептуальной метафоры нивелирует значение культуры для человеческого сознания, и что метафора неизбежно вписывается в более широкую культурную модель («there is more to culture than just metaphor» [Quinn 1991 : 57]).

Когнитивные лингвисты, в свою очередь, неизменно призывают психологов и психолингвистов к совместным экспериментальным исследованиям, направленным на всестороннюю проверку когнитивной теории метафоры [Gibbs 1996 : 317].

1.2. Зрительная сцена как теоретический конструкт в антропологических, лексико-семантических и когнитивных исследованиях

1.2.1. Зрение как предмет изучения: место лингвистики

¹ Ср. высказывание Стивена Левинсона: «If our knowledge of grammatical universals is still relatively primitive, our knowledge of universals in lexical semantics is still more so» [Levinson 1996 : 136] – «Если наши знания о грамматических универсалиях до сих пор относительно примитивны, наши знания об универсалиях в лексической семантике – тем более» или Джеймса Фернандеса: «The search by cognitive linguists for universals of mental operations – such things as principles of metaphoric entailment or underlying image schemas that determine metaphorical choice – also enters in where most anthropologists are cautious to tread» [Fernandez 1991 : 9] – «В своих поисках универсалий ментальных операций – как, например, принципов метафорического следствия или образов-схем, определяющих метафорический выбор – когнитивные лингвисты заходят на территорию, куда большинство антропологов опасается ступить».

В настоящее время зрение, взгляд, визуальность как таковая выходят на первый план во многих антропологических дисциплинах, что позволяет некоторым авторам говорить об «изобразительном повороте» («pictorial turn»), который приходит на смену «повороту» лингвистическому («linguistic turn») в гуманитарном знании¹ [Jay 1996:3]. Лингвистические дисциплины также активно разрабатывают это направление исследований², чаще всего обращаясь к изучению организации концептуального поля зрения и его всевозможных семантических расширений.

Первазивное уподобление знания зрению как когнитивная стратегия для европейских языков³ неоднократно описывалось в научной литературе (A. Dundes, 1972; W.Ong, 1977; A. Viberg, 1983; J. Hill, 1988; T. Matlock, 1989; M.Danesi, 1990; E. Rivano, 1997; E. Sweetser, 1990; G. Lakoff and M. Johnson, 1980; A. Wierzbicka, 1996; B. Nerlich, 2002; Т. В. Леонтьева, 2003 et al.). Учитывая биологическую роль зрения в жизни человека, некоторые исследователи берутся утверждать «визуальную ориентированность» [Рябцева 2005:230] как всего человеческого интеллекта, так и языка, им порождаемого⁴; указывают на использование разных параметров зрительного восприятия – его

¹ «Perception... has come back in postobjectivist, postpositivist, even postphenomenological forms». [Jay 1996 : 3] – «Восприятие.. вернулось в постобъективистских, постпозитивистских, даже постфеноменологических формах».

² «A good metaphor sometimes enables us to learn not only more about the nature of the thing illustrated but, through it, more about the nature of its literal meaning. Accordingly, through a detailed study of vision we may learn more about language» [Turbayne 1962 : 102] – «Хорошая метафора иногда позволяет нам узнать больше не только о природе того, что она иллюстрирует, но и, сквозь неё, о природе буквального значения. Соответственно, через подробное изучение зрения мы можем больше узнать о языке».

³ См. анализ зрительной метафорики на материале нескольких европейских языков: английского – E. Sweetser, 1990; A. Deignan, 2005; Z. Kövecses, 1992; испанского – E. Rivano, 1997; немецкого – С. Baldauf, 1997; шведского – S. Sjöström, 1999; французского – J. Picoche, 1986. За пределами индо-европейской семьи языков, интересен анализ китайской метафоры N. Yu, 2004. В качестве контраргумента можно привести полемическую работу Sh. Kanaana, 2005 против универсализации зрения на основе арабских сенсорных метафор. На критическом рассмотрении зрительной метафоры останавливается также В. J. Hibbitts, 1994: по его мнению, в дописьменных обществах эта «одержимость зрительным измерением опыта» отсутствует, например, в языке хауса глагол «видеть» (*gani*) практически никогда не используется для концептуализации понимания. См. также работу I. Ibarretxe-Antuñano, 2008 и её анализ Evans & Wilkins, 2000, которые настаивают на примате слуховых метафор в ряде австралийских языков. Чтобы не вмешиваться в столь глобальную дискуссию, мы сознательно ограничимся в данной работе европейскими языками.

⁴ См. например T. Givón, The visual information-processing system as an evolutionary precursor of human language. In: Givón, Talmy & Bertram F. Malle (Eds.) 2002. *The Evolution of Language out of Pre-Language*. Amsterdam: John Benjamins. 2002. Pp. 3 – 50.

ракурса, места и модуса – в формировании значения [Верхотурова 2004:14]. Также подчёркивается преимущественно визуальная база для многих абстрактных категорий¹ [Amm 2000:226]. На различном языковом материале демонстрируется первазивность регулярной многозначности зрительной лексики: например, «все глаголы зрительного восприятия в русском языке могут обозначать интеллектуальное восприятие абстрактных понятий» [Чудинов 1984 : 21].

В области антропологии понятие «визуального знания» было введено Дж. Гиллисоном (1997) для обозначения витального для определённой культуры знания, которое передается, в отличие от привычных для нас письменного или устного способа передачи, при помощи специфических способов визуализации [Demmer 2004 : 107]. Соответственно, вводится и термин «визуальное понимание» (M. Banks and H. Morphy, 1997) – это система интерпретации увиденного [Demmer 2004 : 114].

Зрение в некоторых случаях рассматривается как вторичный концепт по отношению к базовому восприятию света. В силу исключительной значимости и повсеместного присутствия данного концепта в европейском культурном пространстве, метафоризацию света начинают рассматривать как «био-психический механизм мышления» [Marchetti 2001]. Звучат призывы к созданию «семантической теории света», которая должна строиться одновременно с опорой на понятие света как физического феномена и на понятие света как феномена психологического, не смешиваясь, однако, ни с первым, ни с последним [Fontanille 1995 : 22].

Философские и научные теории зрительного восприятия нашли отражение в работах целого ряда исследователей, в том числе, когнитивистов (Rudolf Arnheim, 1967; Pierre Buser et Michel Imbert, 1992; Gérard Simon, 2003; Pierre Jacob, 2004; Trinh Xuan Thuan, 2007). В отечественной лингвистике анализом перцептивной лексики занимались представители Московской

¹ См. примеры, которые приводит М. Амми: *the mind's eye, the public eye, Jean Starobinsky's living eye, the private eye, the third eye ...*[Amm 2000 : 226]

семантической школы (Ю. Д. Апресян, Г. И. Кустова, Е. В. Падучева) [Иванова 2004 : 107].

Когнитивная лингвистика, вероятно, много более склонна анализировать языковое отражение зрительного восприятия, чем другие направления лингвистического исследования. Одним из основополагающих – и, возможно, самых интересных [Zlatev 1999 : 173] – постулатов когнитивной лингвистики является тезис о воплощённом значении (*embodied meaning*), который сводится к утверждению о том, что некоторые части нашей концептуальной системы и языка несут на себе отпечаток структурного строения наших тел и особенностей их функционирования [Goschler 2005 : 35]. В контексте данной теории, зрение как практически универсальный физиологический феномен неминуемо играет важную роль в организации воплощённой семантики. Ключевой элемент базового сенсорного опыта, зрение активно используется в качестве «конкретного», данного в ощущениях материала, области источника, для создания когнитивных образований, опосредующих понимание более сложных сущностей и феноменов – концептуальных метафор.

Зрительная метафора¹ рассматривается в рамках более широкой «перцептивной метафоры», которая, в свою очередь, строится на основе концептуальных моделей различных перцептивных способностей [Balaban 1999 : 131]. Зрение, по данным множественных исследований, в области, например, грамматикализации эвиденциалов (см. T. Matlock, 1989; E. Gomez-Imbert, 2003) воспринимается как самый непосредственный источник информации, дающий наиболее достоверное знание о мире, в то время как показания других органов чувств соотносимы со знанием непрямым, выводным². Вслед за И. Ибарретксе-Антуньяно, исследовавшей глаголы

¹ Необходимо строгое разграничение терминов «зрительная» и «визуальная» метафора; если под первой понимается *языковая* метафора, в которой задействована антропологическая зрительная сцена, последняя рассматривает метафору *неязыковую*, реализующуюся в зрительно воспринимаемых изображениях или объектах, см. исследования визуальной метафоры в рекламе (Forceville, 1994, 1995, 1996), в кино (Carroll, 1996; Moragi, 2008), карикатурах (Kennedy, 1993; Morris, 1993) и т.д. [El Refaie 2003 : 78]. В области визуальной метафоры также успешно применяется когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, примером чему может служить работа Э. Эль Рефайе (2003).

² См. рассуждения о категории надёжности (reliability) при построении гипотезы на основании данных

обоняния, логично предположить, что причина того, что термины зрительного восприятия могут использоваться для выражения других, не перцептивных значений, кроется в нашей концептуализации и в нашем опыте зрения как такового [Ibarretxe-Antuñano 1999 : 34-35]. В целом же, модель ЗНАНИЕ ЕСТЬ ЗРЕНИЕ как составная часть перцептивной метафоры, восходит к ещё более общей когнитивной стратегии СОЗНАНИЕ КАК ТЕЛО (MIND AS BODY), описанной в Lakoff and Johnson, 1980 и Sweetser, 1990.

Принимая во внимание относительную разработанность проблемы, представляется необходимым рассмотреть ряд наиболее значимых работ, посвящённых анализу зрительной метафоры. При обращении к данному материалу, исследователь вынужден определиться с базовым концептом, вокруг которого он собирается выстраивать анализ: считает ли он «семантическим примитивом» само *видение* как процесс [Wierzbicka 1996 : 81] или, называя базовым переживанием свет (и темноту) [Kövecses 2002 : 19], раскладывает видение на составляющие *восприятие света* [Sjörström 1999 : 69].

В области видения мы останавливаемся на концепциях А. А. Кретова и И. Свитсер; отдельное исследование света представлено работой Э. Дейнан; холистская интерпретация зрительной сцены рассмотрена на примере работ С. Съёрстрёма и Ж. Пикош; наконец, предложенный в рамках когнитивной лингвистики вариант анализа первичной зрительной сцены описывается с точки зрения возможных модификаций и адаптации его к семантическому анализу.

Отметим, что не все работы, рассматриваемые здесь, ставят перед собой цель собственно *метафорического* анализа; так, А. А. Кретов занимается лексико-семантической прогностикой, Э. Дейнан демонстрирует методологию корпусной лингвистики, Дж. Грэди, прежде всего, иллюстрирует предложенный им теоретический конструкт первичной метафоры. В данном диссертационном исследовании мы остановимся на антропологической стороне выполненного анализа.

органов чувств и её отражения в грамматическом классе эвиденциалов [Ibarretxe-Antuñano 2008 : 23].

Зрительная сцена, как нам представляется, должна быть описана с учётом трёх неотъемлемых составных частей, имманентно присущих любому зрительному эпизоду: это **субъект** восприятия, **объект** восприятия, и то, что можно условно обозначить как **свет / среда** между ними¹. В сводной таблице (табл. 1) представлены элементы зрительной сцены, с которыми преимущественно работают рассматриваемые нами авторы.

Таблица 1

**Представление различных элементов зрительной сцены
в лингвистических исследованиях**

ИССЛЕДОВАНИЕ	ЭЛЕМЕНТ ЗРИТЕЛЬНОЙ СЦЕНЫ		
	СУБЪЕКТ <i>зрение как процесс, его свойства</i>	ОБЪЕКТ <i>свойства видимого</i>	УСЛОВИЯ <i>свет, зрительное поле, его свойства</i>
1. А.А.Кретов, 2006	+	-	-
2. E. Sweetser, 1990	+	-	-
3. S. Sjöström, 1999	+	+	+
4. A. Deignan, 2005	-	-	+
5. J. Picoche, 1986	+	-	+
6. J. Grady, 2003	+	-	-

**1.2.2. А. А. Кретов: двенадцать пресуппозиций
зрительного эпизода**

Работы Алексея Александровича Кретова характеризуются большим вниманием к экстралингвистическому анализу зрительной ситуации; в то же

¹ Психолингвистические эксперименты показывают, что при понимании текста в сознании выстраивается зрительная симуляция описываемого, причём довольно точная: в частности, воссоздаётся качество среды и соответственная лёгкость / затруднённость зрительного восприятия (ср. пример в работе Yaxley & Zwaan, 2007 «с трудом видел сквозь запотевшие очки» // «ясно видел сквозь чистые очки») [Yaxley & Zwaan 2007 : 234].

время, в соответствии с генеральными задачами своего исследования в области лексико-семантической прогностики, он ограничивается рассмотрением зрительного восприятия как процесса². Однако исследователь намечает перспективу расширенного использования знаний об окружающей действительности и выводимых на их основе умозаключений: «указание на цвет, размер, форму и положение объектов в пространстве можно трактовать как косвенное указание на зрительное восприятие этих объектов говорящим» [Кретов 2006 : 119]. Кроме того, при выделении объекта – глаголов зрительного восприятия – А. А. Кретов рассматривает только те способы представления зрительного эпизода, «в которых активным мыслится субъект зрительного восприятия, а не объект – отсекаются случаи типа *являются* чьему-л. *взору*», и которые выражены лингвистически при помощи глаголов и глагольно-именных фразосочетаний [Кретов 2006 : 118].

Внеязыковой зрительный эпизод рассматривается как совокупность двенадцати пресуппозиций – обязательных аспектов ситуации, которые не находят эксплицитного выражения в лексическом её описании, и выявляются исключительно посредством анализа ситуации «нереализовавшегося видения»: при конструировании предложений, в которых глагол видения употребляется в отрицательной форме. Соответственно, ответ на вопрос *почему X не видит Y?* выявляет одну из пресуппозиций зрительного восприятия [Кретов 2006 : 119].

Этими пресуппозиционными семами, имплицитно присутствующими в нашем концептуализации успешного зрительного эпизода, являются: 1) Принципиальное наличие воспринимающего субъекта; 2) Принципиальное наличие воспринимаемого объекта; 3) Принципиальная зримость субъекта; 4) Принципиальная зримость объекта; 5) Актуальное наличие воспринимающего субъекта; 6) Актуальное наличие воспринимаемого объекта; 7) Актуальная

² Употребив данное слово, мы невольно входим в противоречие с ключевым терминологическим разграничением *акт vs процесс*, ср. у Л.В. Молчановой: «Для описания субъектостремительного ЗВ важна ещё характеристика видения как акта, а не как процесса, что является принципиальным положением в нашем исследовании» [Молчанова 2007 : 28]. Мы сознательно снимаем это противопоставление в целях работы с «предикатом субъекта зрительного восприятия».

зрячесть субъекта; 8) Актуальная зримость объекта; 9) Направленность взгляда воспринимающего на воспринимаемое; 10) Направленность внимания воспринимающего на зрительное восприятие; 11) Формирование визуального образа (выделение объекта из фона, классификация впервые встреченного или узнавание знакомого объекта); 12) Запоминание визуального образа объекта [Кретов 2006 : 119-120].

После данного детального анализа зрительного эпизода, А. А. Кретов предлагает классифицировать глаголы зрительного восприятия в соответствии с направлением восприятия: к субъекту извне – глаголы видения; от субъекта вовне – глаголы смотрения [Кретов 2006 : 121]. Вне оппозиции по данному признаку находятся глаголы созерцания, специфику которых составляет природа объекта: «большой (не охватываемый одним взглядом), сложный по форме и окраске, подвижный и изменчивый объект, сливающийся с окружающим фоном» [Кретов 2006 : 122].

Взгляд как неотъемлемый элемент зрительной ситуации рассматривается в совместной работе О. О. Борискиной и А. А. Кретьова в рамках двух базовых метафор ВЗГЛЯД – ЭТО СВЕТ и ВЗГЛЯД – ЭТО РУКА. Их интерпретация данных метафор основана на филогенетическом подходе к формированию языка и сознания: если первая стратегия «восходит к первоначальному синкретизму субъекта и объекта» [Борискина 2003 : 134], то уподобление связки «свет – зрение» руке признаётся «в полном и чистом смысле метафоричным» [Ibid.]. При этом авторы апеллируют к эволюционной первичности осязания. Результирующая метафора «свет – зрение – рука» называется «ключевой, фундаментальной, основополагающей» [Ibid.], так как метафорический спектр зрения складывается на её основе. Такие свойства зрения / взгляда, как *подвижность, острота, температура, жидкообразность* ассоциируются у авторов с рукой, так как рука есть подвижный орган осязания.

Выстраивается следующая логика развития данной метафоры:

- «взгляд – свет» (потому что зрение без глаз равно невозможно, как и без света

[Борискина 2003 : 135]);

- свет долгое время напрямую ассоциировался с огнём – метонимическая связка «взгляд, зрение – огонь, пламя»;
- образуются производные метафоры «взгляд – свет» и «взгляд – жар»;
- из уподобления зрения свету и пламени выводится метафора «взгляд, зрение – вода»;
- метафора «взгляд – рука», «зрение – свет – осязание».

Данная трактовка дополняется анализом реликтовой метафоры Аргуса в русском языке: способность ощущать на себе взгляд объясняется через древнее представление о стоглазом создании, вся поверхность тела которого покрыта глазами. А. А. Кретов выделяет здесь значение «осязания зримого» [Борискина 2003 : 161]. Утверждается, что в метафоре *щупать глазами* глаза уподобляются руке, а в метафоре ощущать взгляд затылком, которая является второй «лингвистической стороной» той же самой осязательной метафоры, кожа всего тела уподобляется глазам, что позволяет сохранить образ «зрения без глаз и до глаз» [Борискина 2003 : 162].

Таким образом, теория О. О. Борискиной и А. А. Кретьова представляется альтернативной антропологической точке зрения, построенной на древнем представлении об *экстремиссии* — о световом луче, который выходит из глаза смотрящего и касается созерцаемого объекта¹. Возможно поставить вопрос, зачем изменять тезису о необратимости концептуальной метафоры [Jäkel 2002 : 21] и рассматривать *осязание взгляда* (всей кожей) через зрение (у объекта наблюдения), если зрение уже концептуализируется как осязание (со стороны субъекта наблюдения), чтобы сделать возможным это дистантное прикосновение. Тем не менее, неоспоримым достоинством данной теории является опора на филогенетические реконструкции и апелляция к мифологическому комплексу Аргуса-наблюдателя.

¹ Ср. наблюдение Д. Младеновой: в традиционной балканской культуре и балканских языках «глаза воспринимаются как светящие, а потому видящие, а небесные светила (и другие источники света) как смотрящие и, следовательно, светящиеся» [Младенова 2002 : 83]. Античная теория экстремиссии подробно описана в работах G. Simon, 2003 и T. Thuan, 2008.

Анализ же зрительного предиката, выполненный с опорой на понятие пресуппозициональной семы, действительно можно считать исчерпывающим. В рамках нашего исследования, направленного на описание метафоризации целостного зрительного эпизода, выделяемые А. А. Кретовым пресуппозиции должны быть рассмотрены каждая по отдельности, как в контексте позитивном – пресуппозиция выполняется –, так и в негативном – пресуппозиция не выполняется, зрение как законченный акт невозможно.

1.2.3. Семантическая структура и диахрония: Ив Свитсер

... we need to continue investigating the least surprising etymologies we can find, like see > know, the boring semantic histories are really the most interesting ones for our current state of research, because they allow us a more transparent view of the general principles underlying them¹.

Sweetser, 1990 : 48

Одной из основополагающих работ в области когнитивной лингвистики вообще и исторической когнитивной семантики² в частности стало исследование Ив Свитсер (1990), в котором она выступает за необходимость методологического синтеза между синхроническим и диахроническим направлением в изучении языка. И. Свитсер рассматривает семантическую сеть глаголов чувственного восприятия в индоевропейских языках, их этимологию и

¹ «... мы должны продолжать исследовать самые банальные этимологии, которые можно найти, вроде видеть > знать, скучные семантические истории в действительности самые интересные для современного состояния научных исследований, потому что они открывают нам самый прозрачный вид на общие принципы, лежащие в их основании».

² «I will begin by applying a cognitive-semantic approach to a well-recognized set of Indo-European etymologies in the hope of explaining a hitherto mysterious fact: certain changes occur over and over again throughout the course of Indo-European and independently in different branches across an area of thousands of miles and a time depth of thousands of years. I will show that a cognitive semantics that allow for metaphorical mapping within the conceptual system can explain such facts straightforwardly, while a truth-conditional approach to semantics cannot» [Sweetser, 1990:9] – «Сначала я применю подход когнитивной семантики к хорошо известному ряду индо-европейских этимологий в надежде объяснить до сих пор загадочный факт: определённые изменения происходят снова и снова на протяжении всего индо-европейского развития и независимо в разных ветвях на расстоянии в тысячи миль и на промежутке в тысячи лет. Я покажу, что когнитивная семантика, допускающая метафорические наложения в рамках концептуальной системы, может объяснить такие факты напрямую, в то время как подход к семантике с критериями истинности не может».

последующие метафорические переносы перцептивной лексики на новые области. Нарочитая схематичность работы (так, используется довольно ограниченный ряд примеров из этимологии нескольких языков, преимущественно английского) и критикуемая некоторыми вольность обращения с этимологическими данными¹ [Nyskees 1997 : 52] не мешает автору выстроить разветвлённую сеть семантического развития на экспериенциальной основе зрительного восприятия.

Зрительные глаголы, согласно её трактовке, восходят к:

1. физической природе зрения (свет, глаза, мимические движения...)
2. метафорам зрения
 - 2.1. манипуляция, прикосновение
 - 2.2. управление, контроль
3. базовым индо-европейским корням.

Областями для последующего переноса при развитии значения у зрительных глаголов становятся:

- знание, познание (*intellection*);
- внутреннее (*mental*) зрение.

Интересны объективные факторы, которые приводит автор в объяснение данной двойственной стратегии метафоризации.

Во-первых, зрение способно фокусироваться на произвольно выбранном объекте – и эта возможность концентрировать внимание, с одной стороны,

¹ Полемично по отношению к работе И. Свитсер настроен Венсан Никеес, который обвиняет её в ошибочных этимологических трактовках, ср.: «On peut alors s'étonner de voir Sweetser reconduire (pp. 33-34) une interprétation erronée de l'étymon indo-européen (**weid-*) de lat. *videre*, invoquant le passage d'un voir purement physique et passif à un voir "intellectuel" ("savoir, comprendre"), alors qu'Ernout et Meillet eux-mêmes, volontiers cités par Sweetser, soulignent à l'inverse que *le sens initial de videre était relatif à la connaissance, non à l'acte de "voir" ou d' "observer"* et que **weid- indique la vision en tant qu'elle sert à la connaissance* (Ernout et Meillet 1985, p. 734)» [Nyskees 1997 : 52] – «Итак, удивительно видеть, как Свитсер проводит (С. 33-34) ошибочную интерпретацию индо-европейского этимона (**weid-*) в латинском *videre*, говоря о переходе видения чисто физического и пассивного к видению 'интеллектуальному' (знание, понимание), в то время как сами Эрну и Мейе, которых Свитсер охотно цитирует, наоборот, подчёркивают, что *изначальное значение videre было связано со знанием, а не с самим актом зрения или наблюдения, и что *weid- обозначает зрение в той мере, в которой оно служит знанию*».

позволяет возвести зрительные глаголы к прикосновению и физической манипуляции объектом (область этимологического источника), и с другой стороны, структурно роднит зрение с мыслительной деятельностью (область метафорического расширения значения). Из других чувств такая осознанная избирательность доступна только слуху, хоть и в гораздо меньшей степени.

Во-вторых, зрение связано с интеллектуальным полем как главный источник объективных данных о мире¹.

В-третьих, зрение, как и мысль, способны «работать» на расстоянии – видеть то, что недоступно другим органам чувств, думать о том, чего нет рядом. Расстояние же, по мнению И. Свитсер, соотносимо с объективностью представлений (в противоположность близости – эмоциональной и субъективной).

Наконец, зрение понимается как интерсубъектный процесс: мы принимаем как данность, что люди, которые находятся на одном месте, видят примерно одно и то же. Опять же, это усиливает мотив объективности как при концептуализации зрения, так и при осмыслении интеллектуальных процессов.

Таким образом, работа И. Свитсер строится на анализе *зрения* как феномена; она не затрагивает вопрос о соотношении различных концептуализаций света в понимании зрительной сцены. На наш взгляд, важным нюансом в рассуждении И. Свитсер является анализ источников самой зрительной лексики: это предполагает обращение к источникам концептуализации зрения как такового, предшествующей построению зрительной метафоры. На необходимости этого ключевого этапа – описание культурно опосредованной модели зрения², предвещающей переход к описанию

¹ «...crosslinguistic studies of evidentials show that direct visual evidence is considered the strongest and most reliable source of data» [Sweetser 1990 : 39] – «исследования эвиденциалов на материале разных языков показывают, что непосредственное зрительное свидетельство считается наиболее надёжным источником информации».

²Зрение – это всегда «dès son exercice spontané, un fait de culture. En tant qu'elle permet de décoder et de coder le réel, elle s'appuie elle-même sur un code primaire, où sont en jeu le statut conféré aux choses visibles, et l'idée qu'on se fait du regard. Un entrelacs est toujours d'emblée tissé entre voir, savoir qu'on voit et savoir ce que c'est que voir» [Simon 2003 : 59] – «с момента своего осуществления, факт культуры. Поскольку оно позволяет декодировать и кодировать реальность, оно само опирается на первичный код, в котором задействованы статус, придаваемый видимым объектам, представление о взгляде. Всегда сразу сплетается узор из видения, осознания видения и

зрительных метафор – в последнее время настаивают антропологи¹ (cf. Teresa Brennan, 1996; Martin Jay, 1993, 1996; Antonio Marazzi, 2002; Georges Simon, 2003).

1.2.4. Развитие идей Ив Свитсер: Сёрен Сьёрстрём

На материале словарей синонимов шведского языка Сёрен Сьёрстрём рассматривает семантическую сеть, построенную на метафорических значениях зрительной лексики. В отличие от Ив Свитсер, которая занималась исключительно глаголами, он не накладывает ограничений на части речи слов, описываемых в работе.

Крайне интересной представляется нам антропологическая сторона анализа С. Сьёрстрёма. Он верно замечает, что в работе И. Свитсер само зрение выступает в роли концептуального примитива, однако при детальном семантическом анализе, оно должно рассматриваться как *способность воспринимать свет*²; поэтому С. Сьёрстрём выбирает базовым концептом для организации своего анализа семантического поля именно *свет* [Sjörström 1999 : 69].

Антропологической по сути является и постановка вопроса, с которого автор начинает исследование: «понять, как язык структурирует область

знания о том, что есть видение».

¹С другой стороны подходят к данной проблеме исследователи научного дискурса: зрение как исходно “понятная” область в повседневном опыте становится чрезвычайно сложной абстрактной темой для научного описания, которая может быть понята в рамках, например, следующего сценария: зрительные стимулы прокладывают себе дорогу в зрительный отдел коры головного мозга, где они обрабатываются, как информация на компьютере [Goschler 2005 : 46].

²Если И. Свитсер просто не задаётся этим вопросом, Ж. Пикош его перед собой ставит и, отвечая на него, высказывает противоположную точку зрения: «la puissance des cinétismes de *voir* est beaucoup plus grande que celle de l'unique cinétisme de *lumière*; il est parfaitement possible de définir *voir* sans faire intervenir le mot *lumière*, mais qu'il n'est pas possible de définir *lumière* sans faire intervenir *voir*: On peut donc penser qu'en “chronologie de raison” *voir* est premier et que *lumière* vient ensuite» [Picoche 1986 : 115] – «Мощность кинетизмов *видеть* намного больше мощности единственного кинетизма *света*; можно прекрасно определить *видеть*, не задействуя слово *свет*, но *свет* нельзя определить, не задействовав *видеть*. Итак, можно считать, что в “хронологии разума” *видеть* первичен и затем идёт *свет*». Вероятно, логика теории воплощённой семантики (embodiment) и антропоцентризма как меры всех языковых значений должна привести нас к подобному выводу независимо от Ж. Пикош. Однако, занимаясь языковыми представлениями о ситуации зрения, исследователь заинтересован в деталях; именно антропологический анализ ситуации зрения представляется нам сильной стороной работы С. Сьёрстрёма.

зрительного восприятия» [Sjörström 1999 : 69], при этом он использует термин «folk semantic» в отношении проводимого анализа, что объясняется осознанным отказом от использования «научных» – физических, физиологических и психологических – знаний при анализе феномена зрения¹.

Структура поля зрения в работе С. Сьёрстрёма задаётся бинарным отношением между субъектом (a perceiver, usually understood as an agent) и объектом (a perceived object)². Кроме того, в описание зрительного эпизода автором вводятся: свойства субъекта; свойства объекта; внешний источник восприятия (external cause of perception). Под внешним источником восприятия С. Сьёрстрём понимает освещение: *illuminate, darken, dazzle...*

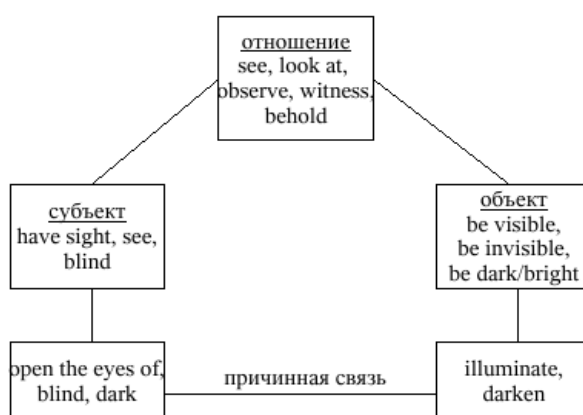
Опираясь на эту структуру зрительной ситуации, автор выделяет четыре класса слов, составляющих поле:

- переходные глаголы или непереходные глаголы с предлогом, которые выражают зрительное восприятие как отношение;
- прилагательные;
- непереходные глаголы, которые выражают свойства субъекта или объекта восприятия;
- переходные глаголы, описывающие влияние внешних факторов на отношение субъекта и объекта, на субъект или на объект (рис. 1).

¹ Эту установку разделяет большинство исследователей, например, Ж. Пикош, мотивируя свой отказ от «научных» определений вроде *свет = энергия*, использует в данном случае термин «formalisation» scientifique de l'univers, научная «формализация» мира [Picoche 1986 : 114].

² Ср. в работе Т. Л. Верхотуровой, которая оперирует более широким понятием **наблюдаемости** – языковой категории, которая отражает представление в языке чувственного восприятия, во всех его пяти модусах – «в модели ситуации наблюдаемости выделяются три компонента – Наблюдатель (Субъект восприятия) + Состояние/Процесс/Акт наблюдения + Наблюдаемое» [Верхотурова 2004 : 15]. Автор не выделяет в качестве особого компонента анализа свет и среду между наблюдателем и наблюдаемым, однако, нельзя не согласиться с её утверждением о том, что следует анализировать актуализацию выделяемых компонентов в конкретных реализациях общей модели наблюдения [Верхотурова 2004 : 16]. Нам представляется, что этот тезис о работе со специфическими ситуациями наблюдаемости прекрасно совместим с более детальной схемой анализа, которую предлагает С. Сьёрстрём.

Рис. 1. Описание зрительной сцены С. Сьёрстрёма

Мы приводим результаты анализа Сьёрстрёма в виде таблицы, сохраняя только английские примеры автора и заменяя шведские на русские эквиваленты¹ (табл. 2).

Таблица 2

Структура лексического поля зрительного восприятия и его метафорических коррелятов в работе С. Сьёрстрёма

ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ	МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ	ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ
Зрительное восприятие – когниция	1. видение – понимание	see – <i>видеть</i> , watch, look at – <i>смотреть на</i> , contemplate, regard – <i>рассматривать</i> , observe – <i>обозревать</i> , notice, note, behold, – <i>замечать</i> , witness – <i>свидетельствовать</i> , see with one's inner eye – <i>видеть внутренним взором</i> , dawn upon – <i>осенить</i> , get a flash of genius – <i>озарить</i> , have one's eyes opened to – <i>открыть глаза на</i>
	2. не видение – не понимание	+ отрицание
	3. стараться не видеть – избегать получения информации (и ответственности)	shut one's eyes to – <i>закрывать глаза на</i> , not wanting to see – <i>не хотеть видеть</i> , making oneself blind (and deaf) to – <i>притворяться слепым</i> , wink / connive at, be lenient with – <i>смотреть сквозь пальцы</i>

¹ «The relative ease of translating the Swedish examples into English indicates a high degree of similarity between Swedish and English in the use of expressions related to light for the expression of cognition» [Sjörström 1999 : 83] – «Относительная лёгкость, с которой шведские примеры переводятся на английский, указывает на высокую степень схожести между шведским и английским в использовании выражений, относящихся к свету, для выражения когниции». Нам остаётся только добавить, что перевод английских и шведских примеров на русский также не представляет особых трудностей, мы находимся в рамках индо-европейской традиции, столь удачно описанной И. Свитсер. Особый интерес представляют слова зрительного поля в шведском, которые не имеют зрительной семантики в русском языке, ср. *талант*.

	4. активно видеть (смотреть) – искать информацию	see if – <i>смотреть, нет ли</i> , look at – <i>смотреть на</i> , inspect – <i>надзирать</i> , survey, examine, scrutinize – <i>пристально рассматривать</i> , overlook, look through – <i>просматривать</i> , revise – <i>делать обзор</i> , view – <i>видение</i>
	5. специально не смотреть – не принимать во внимание определённые факты	disregard, leave out of consideration, leave out of account, not take into consideration – <i>не обращать внимания, упускать из виду</i>
	6. как видеть – как понимать	view of – <i>взгляд на</i> , total view, basic view, overview, outlook, approach, visual angle – <i>угол зрения</i> , angle, aspect, perspective – <i>перспектива</i> , point of view – <i>точка зрения</i> , opinion
	7. видеть больше, чем обычное поле зрения – трактовать как возможности, надеяться	views – <i>виды</i> , prospects, to hold views – <i>иметь виды</i> , vision, to keep a look-out
	8. смотреть назад – вспоминать	retrospect – <i>ретроспектива</i> , flashback – <i>флешбек</i> , retrospection – <i>ретроспекция</i> , review – <i>обзор</i>
	9. смотреть мимо предмета – упускать что-л. из виду	overlook – <i>просмотреть</i>
	10. смотреть в определённом направлении – иметь особое намерение	aim, aim to, refer to, be in sight of – <i>иметь виды на</i> , intend; cast a covetous eye in the direction of – <i>заглядываться, поглядывать в сторону чего-л. (с завистью, желанием)</i>
	11. удерживать объект в поле зрения – контролировать его	to supervise – <i>надзирать</i> , oversee, look after, see to – <i>присмотреть за</i> , have one's eyes on, choose, pick out, observe – <i>наблюдать</i> , survey, closer inspection – <i>(при) ближайшем рассмотрении</i>
	12. видеть в / сквозь предмет – понимать этот предмет	insight – <i>инсайт, озарение</i> , knowledge, acquaintance, glimpse, discrimination, judgement, consciousness, discovery – <i>открытие</i>
	13. смотреть вперёд – предсказывать, ожидать	foresee – <i>предвидеть</i> , anticipate, expect, await, look forward to
Свойства субъекта	1. быть слепым, не мочь видеть – не мочь понимать	blind, dazzled, hidebound, one-sided, biased, uncritical, rash, unreflecting, reckless, wearing blinkers – <i>зашоренный</i>
	2. быть освещённым – быть одарённым	enlightened – <i>просвещённый</i> , with spiritual horizon, genius, brilliant – <i>блестящий</i> , talent
	медитировать	reflect – <i>отражать</i> , think, meditate
	4. не отражать свет – слабо понимать, разбираться в общих вопросах	unreflecting, spontaneous
	5. иметь хорошее зрение – хорошо понимать	be clear-sighted, sharp-eyed, have a penetrating eye – <i>быть проницательным</i>
	6. видеть то, что не видят другие – иметь сверхъестественные знания	second-sighted, clairvoyant – <i>ясновидящий</i> , prophet – <i>пророк</i> , seer

	7. иметь широкое поле зрения – хорошо планировать, уметь воспринимать новое	far-seeing, far-sighted – <i>дальновидный</i> , wide-sighted – <i>с широкими горизонтами</i> , indulgent, tolerate, clairvoyant
	8. иметь ограниченное поле зрения – плохо планировать, не воспринимать новое	short-sighted – <i>недальновидный</i> , not see longer than the tip of one's nose – <i>дальше носа своего не видеть</i> , narrow-minded, with small views, near-sighted
	9. иметь особый взгляд – иметь особый талант	have an eye for
	10. смотреть вперёд – быть осторожным	far-sighted, far-seeing, careful, cautious, prudent
	11. иметь большие глаза – проявлять удивление	large-eyed, round-eyed – <i>с круглыми глазами</i>
	12. любить темноту – быть противником знания	obscurant
Свойства объекта	1. быть видимым – свидетельствовать	be visible – <i>быть видимым</i> , appear to be – <i>казаться</i> , it will show, evidently - <i>очевидно</i> , as far as you can see, visual, clear, lucid, outlook, views, obviously, conspicuous – <i>бросающийся в глаза</i> , well-seen, appreciated, unconcealed, unveiled, open - <i>открытый</i> , visible
	2. быть более заметным для зрения чем что-л. - доминировать	outshine, outshadow, block, dim – <i>затемнять</i> , obscure
	3. свет – знание	light – <i>свет</i> , bright (idea) – <i>блестящая идея</i> , explanation – <i>объяснение</i> , clearness – <i>ясность</i> , transparency – <i>прозрачность</i> , gleam, flash, glimpse, lightning, illumination, enlightenment – <i>просвещение</i> , limelight, public knowledge
	4. быть светлым – быть понятным	get light, dawn – <i>осенить</i> , <i>озарить</i>
	5. быть прозрачным – быть легко понимаемым	clear, as clear as daylight – <i>ясный как день</i> , getting clear, transparent <i>прозрачный</i> , discernible - <i>различимый</i> , visibility, view
	6. темнота – неведение	darkness – <i>темнота</i> , ignorance – <i> невежество</i> , blindness – <i>слепота</i> , mist, haze, barbarism, unenlightenment, dusk, gloom
	7. быть непрозрачным – быть непонятным	impenetrability, imperviousness, non-transparent – <i>непрозрачный</i> , diffuse, blurred – <i>смазанный</i> , smoke screening – <i>дымовая завеса</i> , <i>намеренное сокрытие</i> , hazy, getting more unclear, getting less transparent, inexplicable – <i>необъяснимый</i> , unaccountable
	8. быть тёмным – быть непонятным	dark, uncertain, doubtful, mysterious, puzzling, enigmatic, obscure, cloudy, gloomy, misty, hazy – <i>туманный</i> , confused, incalculable
	9. блеск, не являющийся прямым светом – заблуждение	apparent, seeming – <i>кажущийся</i> , phantom – <i>призрак</i> , shadow – <i>тень</i> , light, glare, gleam, hypocritical, fraudulent, delusion, illusion – <i>иллюзия</i> , picture – <i>изображение</i> , silhouette – <i>силуэт</i> , mirage – <i>мираж</i>

	10. наблюдаемая часть – понятная часть	aspect – <i>вид</i> , outlook, appearance, looks, look like, face, facial expression, countenance, field of vision – <i>поле зрения, обозрение</i> , point of view – <i>точка зрения</i> , gleam, flash, glimpse, reflected image – <i>отражённый образ</i> , attention – <i>внимание</i> , stir
Причины восприятия – причины понимания	1. причины восприятия – причины понимания	explain – <i>объяснять</i> , make clear – <i>прояснять</i> , shine – <i>осеять</i> , glare – <i>озарять</i> , gleam – <i>забрезжить</i> , enlighten – <i>просвещать</i> , make known, throw light on – <i>бросать свет на</i> , spread light over – <i>проливать свет на</i> , put the spotlight on, mirror – <i>отражать</i>
	2. делать невидимым – делать недоступной к-л. информацию	darken – <i>затемнять, темнить</i> , obscurantist – <i>обскурантист, противник знания</i>
	3. вызывать слепоту – препятствовать пониманию	turn smb's sight, blind, dazzle – <i>ослеплять</i> , throw sand in the eyes of smb – <i>пыль в глаза пускать</i> .
	4. вызывать блеск – создавать заблуждение	make pretence of, pretend – <i>притворяться</i> , make a show of – <i>выставлять напоказ</i>

Главным достоинством работы С. Съёрстрёма, на наш взгляд, является перенесение акцента с «семантического примитива» *видеть* на ещё более базовое понятие *свет*, а также антропологически ориентированный, комплексный подход к семантическому анализу зрительной сцены. Однако, несмотря на детальный разбор элементов зрительной сцены и весьма удачное их подразделение по принципу триады *субъект – объект – отношения между ними*, автор не достаточно подробно останавливается на самом феномене света, который он столь рельефно обозначает в качестве базового. Также анализ С. Съёрстрёма мог бы значительно выиграть от более тщательного исследования категории «причин восприятия».

Фактически, анализ зрительной сцены как таковой уже выполнен в трудах антропологов (R. Bruyer, 2000; P. Jacob, 2004; N. Sève-Ferrieu, 2001; A. Weil-Barais, 1998). На наш взгляд, лингвистам следует позаимствовать принципы описания зрительного эпизода в данных работах и искать лексические соответствия с опорой на существующие в реальности экспериенциальные структуры.

1.2.5. Семантика Г. Гийома и снятие проблемы метафоры:

Жаклин Пикош

Работа Жаклин Пикош *Семантические структуры французской лексики* (1986) представляет сразу два автономно выполненных анализа, которые непосредственно интересуют нас в рамках данного исследования: это знаменитая классификация значений глагола *видеть* и *потенциальные поля*¹ (*champs puissanciels*) зрительного восприятия.

Отдавая дань специфике французской лингвистической традиции в отношении смешения образного и буквального, Жаклин Пикош утверждает, что в не перцептивных употреблениях глаголов «видеть» или «слышать» никогда не было «ни малейшей метафоры» [Picoche 1986 : 64]. Заимствуя теоретическую базу в работах Гюстава Гийома, Ж. Пикош выстраивает следующую классификацию употреблений глагола *видеть* – *voir*:

1. Исключительно сенсорное значение (мыслительная деятельность субъекта минимальна, если прямое дополнение выражено конкретным существительным, несколько возрастает, если в качестве дополнения используется пропозиция, ср. *Je vois passer la voiture de Jean / Je vois que la voiture de Jean passe* – Я вижу, как проезжает машина Жана).
2. Значение с возможной двойственной интерпретацией (*Je vois que Sophie est malade* – Я вижу, что Софи больна / *Ce grand garçon je l'ai vu naître* – Этот большой мальчик, который родился у меня на глазах – идёт ли здесь речь о зрительной сцене или о логическом умозаключении?).
3. Не сенсорное значение, строго производное от сенсорного, где мыслительная активность субъекта сводится к констатации факта (*J'en ai vu passer des gouvernements* – Я видел, как сменялись правительства / *Je vois l'hypocrisie de*

¹ Потенциальные поля, согласно рассуждениям Ж. Пикош, образуются на пересечении потенциальных означающих (*signifié de puissance*) сопоставляемых слов: описание поля предполагает анализ организации их полисемии, прежде всего, направления, в котором идёт движение субдукции, и его результаты. Индикатором наличия потенциального поля является: (i) вхождение одного слова в определение другого на уровне семы (*видеть* определяет *свет* и *цвет*); (ii) антонимические отношения между отдельными значениями полисема.

Sophie – Я вижу лицемерие Софи).

4. Не сенсорное значение с повышенной мыслительной активностью искомая констатация, например, полученная в ответ на вопрос (*Chaque matin, en entrant dans la chambre de Sophie je vois si elle va mieux – Каждое утро, входя в комнату Софи, я вижу, стало ли ей лучше / Voyez-vous, à votre place, j'agirais autrement – Видите ли, на Вашем месте, я бы поступил иначе*); создание мысленных образов (*Tu vois Paul vivre dans ce pays-là? – Ты можешь себе представить, чтобы Поль жил в этой стране? Et moi, tu m'y vois? – А меня ты там себе представляешь?*).
5. Не сенсорное, очень устойчивое значение с нулевой мыслительной деятельностью (*L'année 1789 a vu le début de la Révolution française – В 1789 году началась французская Революция; букв. * год увидел начало / Je n'ai rien à voir avec ces gens-là – Я не имею отношения к этим людям; букв. * мне нечего видеть с этими людьми*).

Объяснение данной полисемической сети, предложенное автором, выдержано в традиции теории Г. Гийома¹: континуум значений одного слова отражает движения мысли, которая следует оси от однозначно сенсорного до однозначно интеллектуального значения глагола; мысль останавливается на определённой точке оси, актуализируя в речевом произведении одну из семантических возможностей данного слова.

Отталкиваясь от организации полисемии для глагола зрительного восприятия, Ж. Пикош выстраивает свой анализ потенциального поля *voir, lumière, clair (et ses dérivés et antonymes), couleur* [Picoche 1986 : 114-123].

Основными элементами этого поля являются:

¹ “Le S de P de *voir* comporte donc une acception plénière et deux cinétismes... Le cinétisme 1 élimine par subduction des sèmes spatiaux et sensoriels pour ne conserver qu' “activité d'esprit”... Le cinétisme 2 élimine les sèmes sensoriel et intellectuel et passe de relations spatiales à des relations temporelles, puis à la notion pure et simple de relation et à un usage quasi grammatical où l'inaction du sujet est utilisée à construire un auxiliaire de passivité” [J. Picoche 1986 : 29] – Итак, потенциальное значение *видеть* включает одну полную акцепцию и два кинетизма... Кинетизм 1 устраняет посредством субдукции пространственные и сенсорные семы, сохраняя только «деятельность духа»... Кинетизм 2 устраняет сенсорную и интеллектуальную семы и переходит от пространственных ко временным отношениям, затем к понятию собственно отношения и к почти грамматическому употреблению, где бездействие субъекта используется для построения вспомогательного глагола пассивности.

1. *Lumière* – свет описывается в терминах движущейся жидкости, как вездесущей/неисчисляемой, так и точечной/исчисляемой. Множественные характеристики света – такие, как его связь со временем и пространством, перемены интенсивности и цвета – не позволяют выйти за рамки конкретных употреблений. Единственная возможность абстрактного употребления слова свет, по наблюдениям Ж. Пикош, связана с тем, что свет *позволяет видеть*: так, закономерны употребления *lire à la lumière d'une lampe* – читать при свете лампы и *comprendre une affaire à la lumière d'un témoignage* – понять дело в свете свидетельства; можно *mettre un objet en (pleine) lumière dans une exposition* – расположить объект в (полном) свете на выставке и *un détail, dans une affaire* – деталь, в каком-то деле; *la lumière du soleil nous éclaire* – солнечный свет освещает нас, как и *celle de la raison* – свет разума. Исчисляемость данного существительного (*une lumière*) объясняется возможным точечным характером света. Автор полагает, что слово *свет* имеет намного больше конкретных черт, чем глагол *видеть*.
2. Употребления прилагательного *clair* – ясный, светлый¹ – по мнению Ж. Пикош, практически всегда восходят к идее *света* – излучённого, полученного, встречающего препятствия. Автор устанавливает следующую аналогию: абстрактные употребления *clair* восходят к конкретным, также как абстрактные употребления *lumière* к конкретным, также как интеллектуальные значения *voir* – к сенсорным². Крайне важна, как нам представляется, логическая линия, связующая прилагательное *clair* с глаголом зрения³.
3. Существительное *clarté* – ясность лишь частично передаёт диапазон значений соответствующего прилагательного. Ж. Пикош рассматривает отношения

¹ Исследованию данного прилагательного посвящена диссертация и некоторые исследования Клода Кортье, ср. Cortier, 2003, который, в частности, подробно разбирает процесс перехода от зрительной семантики к семантике аудиальной (чистый, ясный голос / звук...).

² “Les acceptions 9 et 10 sont subduites des premières comme les acceptions abstraites de *lumière* sont subduites des acceptions concrètes, et comme les emplois intellectuels de *voir* sont subduits de ses emplois sensoriels”[Picoche, 1986:116].

³ “Ce que l'esprit *voit*, ce sont des relations entre les différents éléments d'un tout; un esprit *clair voit* facilement ces relations et aide les autres à les *voir*; un style *clair* les expose, les fait *voir* facilement; une situation *claire* est une situation peu complexe, dont les relations internes se laissent *voir* facilement”[Picoche, 1986:116].

между значениями *lumière* и *clarté*, как конкретными, так и абстрактными. Прежде всего, слово *clarté* практически не сочетается с показателями точности, как временной (начало, конец – *allumer, éteindre*), так и пространственной (источник – *foyer, source*); она неделима (не применимы её подразделения на *points, touches, rais, rayons*), не поддаётся внешнему оперированию (её нельзя *projeter* – *отбрасывать*, *intercepter* – *поглощать*, нельзя с её помощью *réaliser des jeux de lumière* – *устраивать игры света*); сложно представить контексты её прерывистости (со светом возможны сочетания глаголов *scintiller, clignoter, papilloter, trembler*; такие характеристики света как *lumière brève, intermittente* – *свет краткий, прерывистый* не встречаются со словом *clarté*) и исчисляемости (*apercevoir une, plusieurs petites lumières* – *заметить один, несколько маленьких *светов*, но не **clartés, tenir à la main une lumière* – *держат в руке *свет*, но не **une clarté*). Далее, в области абстрактных значений, Ж. Пикош прослеживает сохраняющуюся оппозицию *точечное / протяжённое; исчисляемое / неисчисляемое*: *clarté* в данном случае – это продолжительное, если не постоянное, свойство разума, идей, способа их выражения. Интересно также следующее наблюдение: как *lumière*, так и *clarté* могут динамически варьироваться по степени интенсивности (*apparaître, grandir, faiblir, disparaitre; être faible, douce, pâle, vaporeuse, intense, vive, pleine...*). Однако, прилагательные, выражающие чрезмерную интенсивность, негативно коннотированную, потому как она становится неприятна, как правило, не сочетаются с *clarté*, хоть и могут характеризовать *lumière*: например, *aveuglante, insoutenable, éblouissante, crue, éclatante, franche, cruelle, brutale*. Положительно коннотированная интенсивность света, с другой стороны, даёт религиозные употребления¹ (*Dieu est lumière*, а не *clarté*).

¹«Dans les saisies plénières et concrètes du mot *lumière*, il est impossible de faire figurer le sème “valeur”, qui pourrait être traduit par l'adjectif *bon*, parce qu'elles incluent emplois scientifiques et l'intensité maximale. Ce sème ne fait donc pas partie du S. de P. de *lumière*; les emplois mélioratifs de *lumière* sont certes nombreux et importants, mais doivent être considérés comme des faits de discours, tandis que des adjectifs affectifs entrent nécessairement dans la formulation du S. de P. de *clarté*, “qualité d'un objet qui rend *facile et agréable* l'acte de voir, voir pouvant être pris dans un sens concret (emplois plénières) ou dans un sens abstrait (emplois subduits)”» [Picoche, 1986:115] – «В полных и конкретных перехватах слова *свет* невозможно выявить сему “ценность”, которая могла бы передаваться прилагательным *хороший*, потому как они включают научные использования и максимальную интенсивность.

Руководствуясь этими наблюдениями, Ж. Пикош делает вывод: *clarté* вторично по отношению к *lumière*, это частный случай света, характеризующийся длительностью, непрерывностью, а также определёнными аффективными и субъективными значениями; это свет приемлемой и даже приятной яркости, оптимальной для зрения [Picoche 1986 : 118].

4. Автор также подробно рассматривает семантические различия между тремя глаголами *éclairer*, *éclaircir*, *clarifier*, восходящими к понятию *clair*, однако, различными по сочетаемости. Интересна попытка разобрать, какому именно употреблению *clair* соответствует тот или иной глагол; подчёркивается мелиоративный характер всех трёх, что продолжает положительную оценочность ряда *clair – clarté*.
5. В заключение, Ж. Пикош обращается к антонимам слова *clair – sombre* и *obscur*. В области конкретных значений, оба эти антонима намного бедней по валентным возможностям: *sombre* применим только к рассеянному свету, полученному или отражённому; *obscur*, ещё более ограниченный в сочетаемости и более интенсивный по значению, передает полное отсутствие света. В области переносных же значений семантические расхождения становятся настолько драматичными, что об антонимии, по мнению Ж. Пикош, говорить сложно. Она рассматривает ряд примеров, некоторые из которых мы представили в виде следующей таблицы (табл. 3); очевидно, на её взгляд, присутствие семы «негативной аффективности», причём для *clair* и *obscur* лучше всего подходит формулировка «лёгкое и приятное восприятие» и «трудное и неприятное восприятие», в то время как для *sombre* применим вариант «вызывающий неприятное впечатление или чувство». Именно этот вывод Ж. Пикош нам чрезвычайно интересен: в дальнейшем мы покажем, что на примере двух данных «словарных» антонимов прослеживается расхождение

Таким образом, эта сема не входит в потенциальное значение *света*; мелиоративные употребления *света*, конечно, многочисленны и важны, но они должны рассматриваться как явления дискурса, в то время как аффективные прилагательные обязательно входят в формулировку потенциального значения *ясности*, «качества объекта, которое делает *лёгким* и *приятным* акт видения, где видение может быть взято в конкретном значении (полные употребления) или в абстрактном значении (употребления с субдукцией)».

метафоризации зрительного эпизода на область оценочности, аксиологических высказываний – *этической зрительной метафоры* – и на область понимания, суждения, описаний интеллектуальной жизни – *эпистемической зрительной метафоры*.

Итак, несмотря на то, что автор отказывается от термина метафоры, системный характер развития полисемии у слов, описывающих одно концептуальное поле, показан в её работе очень хорошо; и если когнитивный лингвист увидел бы в этих данных организацию концептуального метафорического переноса, Ж. Пикош прослеживает здесь логику движения мысли (кинетизм и субдукции) и устанавливает некую «хронологию разума»: «видеть» предшествует «свету», так же как «свет» предваряет «ясность» [Picoche 1986 : 115].

Таблица 3

Сочетаемость прилагательного *clair* и его словарных антонимов

сочетание с прилагательным <i>clair</i>	сочетание с прилагательным <i>obscur</i>	сочетание с прилагательным <i>sombre</i>
<i>pensée claire</i> = ясная, отчётливая мысль	<i>pensée obscure</i> = мысль невнятная, неясная	<i>pensée sombre</i> = грустная мысль
<i>un avenir clair</i> = легко предсказуемое будущее	<i>un avenir obscur</i> = будущее, полное неизвестности	<i>un avenir sombre</i> = несчастное будущее
* <i>les heures les plus claires de notre histoire</i> = ???	* <i>les heures les plus obscures de notre histoire</i> = ???	<i>les heures les plus sombres de notre histoire</i> = самые мрачные часы нашей истории -> антоним: <i>les heures les plus radieuses, lumineuses</i>

Движение субдукции, считает Ж. Пикош, идёт от конкретного зрительного восприятия к акту констатации, абстрактного интеллектуального постижения, и это движение является общим для всех рассмотренных лексем: глагол *видеть* присутствует в каждом из этих слов, сохраняя в них большую часть своей полисемии [Picoche 1986 : 120].

1.2.6. Зрительная метафора в корпусной лингвистике:

Элис Дейнан

На материале английского языка корпусное исследование лексем, обозначающих свет и тьму, было проведено Элис Дейнан (2005). Уподобление света известному и темноты неизвестному имеет экспериенциальную природу, следовательно, по мнению автора, основывается на метонимическом переносе. Light и dark однозначно метонимичны в области восприятия и цвета, метафоричны в области когниции и эмоции. Также экспериенциальной мотивацией можно пытаться объяснить и коннотации, связанные со светом и с тьмой.

Основные выводы Э. Дейнан таковы: свет задействован в трёх концептуальных переносах KNOWN IS LIGHT / ИЗВЕСТНОЕ – ЭТО СВЕТ, GOODNESS IS LIGHT / ДОБРО – ЭТО СВЕТ, HAPPINESS IS LIGHT / СЧАСТЬЕ – ЭТО СВЕТ, из которых наиболее частотным является KNOWN IS LIGHT; тьма, соответственно, выступает в роли источника для концептуальных метафор UNHAPPINESS (AND NEGATIVITY) ARE DARK / НЕСЧАСТЬЕ (И ВСЁ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ) – ЭТО ТЬМА, UNKNOWN IS DARK / НЕИЗВЕСТНОЕ – ЭТО ТЬМА, EVIL IS DARK / ЗЛО – ЭТО ТЬМА, из которых наиболее частотна UNHAPPINESS IS DARK [Deignan 2005 : 184].

Если статистические данные Э. Дейнан вызывают бесспорный интерес, нам не вполне понятна уместность подобного подразделения на самостоятельные концептуальные переносы GOODNESS/HAPPINESS и EVIL/UNHAPPINESS (AND NEGATIVITY), тем более что автор указывает на множественные случаи смешения оценочности (*неизвестность* может одновременно получать *негативную оценку* через употребление прилагательного dark). При объединении в одну стратегию NEGATIVITY (AS

EVIL AND UNHAPPINESS), где UNHAPPINESS, по сути, является частным и субъективно переживаемым случаем EVIL, самым частотным становится перенос NEGATIVITY IS DARK.

Выделяя концептуальные переносы для света, Э. Дейнан утверждает, что метафора KNOWN IS LIGHT может рассматриваться в контексте более широкой стратегии KNOWING IS SEEING / ЗНАНИЕ – ЭТО ВИДЕНИЕ¹. Представляется, что подобное совместное рассмотрение совершенно необходимо, концептуализация света неразрывно связана с концептуализацией зрения; именно этим, на наш взгляд, должна объясняться частота употреблений переноса KNOWN IS LIGHT.

Иначе говоря, судя по данным Э. Дейнан, с точки зрения концептуализации света, light чаще актуализирует сценарий *зрительной эпистемической метафоры*, в то время как его лексический антоним dark чаще отсылает к *этической зрительной метафоре*. Вопреки ожиданиям, light и dark редко используются как антонимы² для описания области цели, будь то эмоция, знания или аксиологическая оценка. Метафоризация по-разному затрагивает части речи: light, как правило, является существительным, dark при метафорических употреблениях – прилагательное [Deignan 2005 : 189].

Для нашей работы также интересно следующее наблюдение Э. Дейнан: концептуальные метафоры, построенные на метонимии, демонстрируют меньшую систематичность, чем «собственно» концептуальные метафоры³. При этом автор развивает логическую цепочку: если устойчивое выражение является метафорой, которая в свою очередь строится на метонимии, данное когнитивное образование можно рассматривать как *гештальт*, «a tiny fragment

¹ Данные корпусного исследования Z. Kövecses (1992) подтверждают привлечение световой метафоры к переносу KNOWING IS SEEING.

² Исключения составляют устойчивые выражения (be) in the dark vs shed/cast/give light и light (up) vs darken [Deignan 2005 : 190].

³ «If it is correct that the metonymically-based are less systematic than pure conceptual metaphors, then the target domain semantic relations between the key terms will be less consistent with source domain relations than was found for plant metaphors» [Deignan 2005 : 184] – «Если действительно метафоры, основанные на метонимии, менее системны, чем просто концептуальные метафоры, тогда семантические отношения между ключевыми терминами области цели будут менее последовательно согласованы с отношениями внутри области источника, чем в растительной метафоре».

of physical experience which can stand for the emotions it is often associated with» [Deignan 2005 : 190] – «крошечный фрагмент физического опыта, способный представлять эмоции, с которыми он часто связан». В качестве примера автор приводит выражения *be in the dark* – *быть в темноте* > *быть неведении*, *see something in a particular light* – *видеть что-либо в особенном свете* > *специфически понимать что-либо*, *see the light of day* – *увидеть свет дня* > *стать известным, доступным публике*.

Это утверждение в работе Э. Дейнан прописано очень сжато. Между тем, феноменологическая направленность данного вывода, его объяснительный потенциал в антропологическом контексте, на наш взгляд, заслуживают намного более пристального внимания.

1.2.7. Лексикологический анализ между феноменологией и лингвистикой

Глагол *видеть* как организующий концепт для многих исследователей неоднократно становился предметом детального изучения¹, в рамках самых разнообразных подходов. В целом, современная французская лингвистика зачастую склонна обращаться к анализу зрения как экспериенциального гештальта.

Последователи *семантики Антуана Кюльоли*, Д. Лееман и М. Сахокья Жиро начинают свою работу с критики лексикографических описаний данного глагола. Они упрекают словари в отсутствии единого определения, которое унифицировало бы все его употребления – как перцептивные, так и ментальные². Далее, авторы выступают против традиционного деления на

¹ На материале французского языка, см. Н. Bat-Zeev Shyldkrot, 1981, 1984; J. François, 2001; J. Picoche, 1986; J.-J. Franckel et D. Lebaud, 1990; J. Dubois et F. Dubois-Charlier, 1997; G. Gross et M. Prandi, 2004; D. Leeman et M. Sakhokia Giraud, 2007.

² Корпусное исследование употреблений глагола *voir*; проведённое при подготовке «Словаря французских глаголов», показало, что в 59% случаев слово это имеет «психологическое» значение – что, казалось бы, противоречит интуитивным ожиданиям [Leeman 2007 : 64]. Аналогично, на материале английского языка, значение «понимать» у глагола «to see» более частотно, чем значение «видеть» [Cruse 2000 : 199].

значения буквальные и переносные; именно имплицитное принятие этого подразделения и проявляется в традиционном термине *глагол зрительного восприятия*, где восприятие впоследствии получает семантическое расширение на область интеллектуальных инференций на основе данных зрительного восприятия (*Je vois à ta mine que tu as mal dormi – Je vois que tu as mal dormi: Я вижу по твоему лицу, что ты плохо спал – Я вижу, что ты плохо спал*). Аналогично, авторы высказывают свою критику по поводу общепринятого объяснения, согласно которому значения развиваются от конкретного к абстрактному; приводя в пример историю значений глагола *videre* в латинском языке и *voir* во французском, они показывают, как лексикографы классифицируют значения согласно этому убеждению, вынесенному из референциалистской семантики [Leeman 2007 : 59].

Как известно, семантика Кюльоли и наследующая ей французская лингвистическая традиция занимается поиском единых «схематических форм», которые позволяют объяснить на наиболее абстрактном уровне максимум возможных конкретных употреблений, весь полисемический спектр исследуемых языковых единиц¹.

Теория семантических форм Пьера Кадьо и Ива-Мари Визетти (P. Cadiot et Yves-Marie Visetti, 2001, 2006) во многом является логическим продолжением и развитием семантического учения А. Кюльоли. В этом направлении выполнена работа Абделаали Талменссора (A. Talmenssour, 2007), посвящённая употреблением *частей тела* как источника создания полисемии, идиоматических выражений и паремий, в берберском языке ташельхит.

Оставаясь в рамках современной индексальной семантики Франсуа Немо (Fr. Nemo, 2002), автор понимает имя объекта «глаз» как указатель на присущие

¹ «... si “verbe de perception” ou “percevoir par la vue” paraît correspondre directement au mot *voir*, il ne s'agit guère que d'une indication, d'ailleurs circulaire et partielle, de l'un des sens seulement du verbe, qui ne peut valoir comme caractérisation de son signifié – lequel doit précisément subsumer l'ensemble de ses acceptions observables en discours» [Leeman 2007 : 62] – «... если “глагол восприятия” или “воспринимать зрением”, кажется, напрямую соответствует слову *видеть*, речь здесь идёт всего лишь об указании, к тому же циркулярном и частичном, на только одно из значений этого глагола, которое не может рассматриваться как характеристика его значения – которое как раз должно включать в себя всю совокупность его употреблений, наблюдаемых в речи».

ему свойства и прагматические значения (так, *глаз* отсылает ко *взгляду* как функциональный гештальт, параллельно активируя понятия *слёзы*, *плач*, *плакать*, *хныкать*...) [Talmenssour 2007 : 161], а также включает в анализ ряд немаловажных антропологических признаков, ассоциированных со зрительной сценой, в частности:

- горизонт, граница поля зрения;
- поле зрения;
- острота зрения.

Нам представляется интересной перспектива интеграции антропологических принципов анализа зрения как гештальта, слова как индекса, указывающего на область прагматических значений.

Сильной стороной французской лингвистической традиции, вероятно, является именно эта восходящая к работам Г. Гийома свобода оперирования конкретным, точечным значением, обращение к понятию смыслового континуума, в котором практически любое слово может послужить указателем на практически любой смысл. Американская когнитивная лингвистика, изначально возникшая как оппозиционная референциалистской семантике течение, во многом повторяет те ошибки, с которыми она была призвана бороться, в частности, её теперь можно в излишнем увлечении базовыми схемами и предопределёнными направлениями переносов значения¹ [Ritchie 2006 : 54]. Возможно, продуктивным направлением является именно совмещение двух этих подходов, работа с постулируемыми когнитивными

¹ «What struck many readers as revolutionary about Lakoff and Johnson's (1980) analysis of *conceptual* metaphors was the effective denial of the concept of 'literal' meanings... of the entire idea of any kind of one-to-one mapping of linguistic element to meaning. Yet much of the work that has been accomplished by their colleagues... has had the effect of re-lexicalizing metaphorical concepts, assigning a one-to-one relationship of metaphorical expression to underlying 'root' metaphor, devising complex computational apparatus... that rebuilds pretty much the same kind of formally structured, code-theoretic temple that Lakoff and Johnson so boldly tore down in 1980» [Ritchie 2006 : 54-55] – «То, что многим показалось революционным в анализе концептуальных метафор Лакоффа и Джонсона (1980) было как раз отказ от понятия 'буквальных' значений... самой идеи любого однозначного наложения языкового элемента на значение. Однако большинство работ, выполненных их коллегами... заново сводили к лексике метафорические концепты, задавая однозначное отношение между метафорическим выражением и лежащей в основе 'корневой' метафорой, разрабатывая сложные вычислительные аппараты... что вновь выстраивает почти такой же формально структурированный, кодированный, теоретический храм, который Лакофф и Джонсон так смело разрушили в 1980 году».

моделями и последующее глубинное семантическое описание. Следовательно, наше обращение к теории Джозефа Грэди не отменяет изложенных выше и принятых нами за рабочие принципы семантического анализа, кристаллизовавшихся во французской лингвистической традиции.

1.2.8. Первичная метафора и зрительная сцена:

Джозеф Грэди

Джозеф Грэди, автор одного из четырёх современных направлений, реформирующих и развивающих классический вариант теории концептуальной метафоры¹, высказывает интересные предложения для работы со зрительной сценой.

В конце девяностых годов XX века было проведено разграничение между двумя ключевыми типами концептуального переноса (J. Grady, S. Taub & P. Morgan, 1996; J. Grady, 1997). Разделение проводилось с учётом гипостазируемой эмпирической основы их создания: *первичные (primary) метафоры*, организующие поля, «напрямую и повсеместно связанные в опыте» (*directly and ubiquitously associated in experience*), и более сложные *составные (compound) метафоры*, которые могут быть культурно специфичными [Evans 2003].

Впоследствии данное рассуждение было принято и продолжено основоположниками когнитивной теории метафоры (G. Lakoff & M. Johnson, 1999). Любая метафора, таким образом, оказывается либо основанной на комбинации других, менее абстрактных, метафор, либо непосредственно строится на сенсомоторном опыте. Как следствие, было выдвинуто вполне логичное предположение: первичные паттерны представляют собой относительно небольшой и ограниченный набор универсалий². Соответственно,

¹ Этими четырьмя направлениями являются теория конфляции Кристофера Джонсона (1997), теория первичных и составных метафор Джозефа Грэди (1997), нейрологическая теория метафоры Срини Нараяна (1997) и теория концептуальной интеграции Жилия Фоконье и Марка Тёрнера (1998) [Ritchie 2006 : 36].

² Универсалии эти антропологического порядка см. переосмысление вопроса о «примитивах» в работах

исследователями ставится вопрос о критериях, позволяющих исключить основной массив конвенциональных метафор из ряда первичных¹ [Evans 2003]. Были предложены следующие критерии: (i) ограничения, налагаемые на области источника и цели и на отношения между ними; (ii) структурная целостность результирующей концептуальной метафоры.

Прежде всего, область источника должна быть выражена простым концептом-образом, который описывается через обработку непосредственного чувственного восприятия внешней реальности. Область цели, в свою очередь, представляет собой концепт реакции, получаемый на основе обработки субъективно воспринимаемого проприоцептивного опыта.

Определяющей и естественной мотивацией для осуществления метафорического переноса между первичными областями цели и источника является так называемая *первичная сцена*, что в терминологии Дж. Грэди означает «recurrent patterns of experience, in which simple dimensions of perception are associated with simple dimensions of meaningful interpretation or response» – «повторяющиеся структуры опыта, в которых простые перцептивные сцены соотносятся с простыми сценами осмысленной интерпретации или реакции». Именно первичные сцены связывают единичные концепты и служат базой для элементарных метафорических ассоциаций. Эти последние в конечном счёте поставляют ключевые структурные и содержательные элементы для организации субъективного ментального опыта [Evans 2003]. Особое значение в теории Грэди придаётся структурной целостности первичной метафоры; она не должна иметь пробелов в сфере ассоциативных метафорических связей, построенных на онтологических

Ж. Пикош: «Allant plus loin dans cette perspective extra-linguistique, on pourrait appeler 'primitif', d'une façon générale, les grandes contraintes physiques qui trouvent leur reflet dans le domaine linguistique» [Picoche 1997 : 312] – «Дальше развивая эту экстралингвистическую перспективу, можно в общем назвать 'примитивом' главные физические ограничения, которые находят отражение в области языка».

¹ Во многом сходно с конструктором первичной метафоры понятие «архетипичная метафора» Майкла Осборна (1962), несмотря на «некогнитивный», риторический характер его теории. Этот статус «архетипичной метафоры» он присваивал метафоризации света и тьмы: «... when speakers wish to place figurative value judgements upon subjects, they will more often prefer a light or darkness association over an association with Cadillac or Edsel...» [Osborn 1967 : 116] – «... когда говорящие хотят предоставить слушающим образные ценностные суждения, они скорее предпочтут ассоциацию света или тьмы, чем ассоциацию Кадиллака или Эдзеля...».

соответствиях между сопоставляемыми областями. Если соответствие неполное, исследователь имеет дело с более сложным когнитивным паттерном – составной метафорой [Evans 2003].

Дж. Грэди указывает на то, что сама сцена в свою очередь является сложным образованием, состоящим из подсцен – динамически и за крайне ограниченный период времени разворачивающихся измерений повторяющихся, локально определённых типов опыта¹. С учётом двух базовых типов опыта – внутреннего, субъективного, и внешнего, объективного, выделяются две подсцены – перцептивная и когнитивная. Так как происходящее в перцептивной подсцене неразрывно связано с происходящим в подсцене когнитивной, любое изменение в данных чувственного восприятия, согласно логике авторов, влечёт за собой интроспективные изменения. Например, первичная сцена «извлечение объекта из контейнера» выглядит следующим образом (рис. 2) [Grady 2003 : 539]:

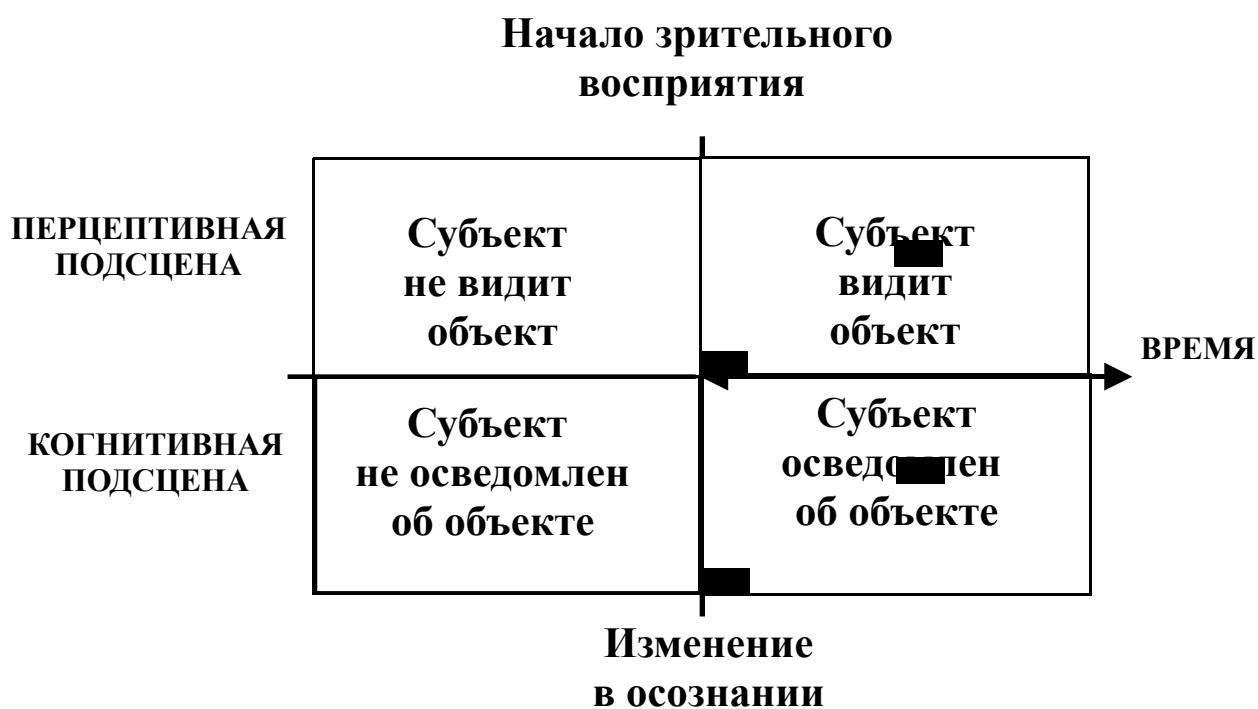
Рис. 2. Первичная сцена извлечения объекта из контейнера

¹ «...primary metaphors are motivated by tight correlations between distinguishable dimensions of recurring, locally defined experience types. We refer to these dimensions, which unfold dynamically (over very brief time spans), as subscenes» [Grady 2003 : 540].

Несколько по-иному расставив акценты, Дж. Грэди рассматривает в качестве первичной сцены зрительный эпизод, в ходе которого происходит получение информации об объекте, посредством зрительного восприятия субъект становится осведомлён о его существовании (рис. 3) [Grady 2003 : 541]. Схема данной первичной сцены даёт представление о зрении как о ключевом способе познания.

Рис. 3. Первичная зрительная сцена

Вслед за Х. Элверсоном, мы принимаем условность использования такого антропологического конструкта, как сцена¹. Однако, работа Дж. Грэди и К. Джонсона интересна именно тем, что анализ зрительного эпизода как целостной динамически развивающейся ситуации полностью переносится в

¹ «the use of the image of the scene to understand lexical sense is always intentional, which is to say the scene is not a brute visual sensation, but rather signifies in terms of categories (including image schemas) in the language» [Alverson 1991 : 115] – «использование образа сцены для понимания лексического значения всегда интенционально, то есть, сцена – это не необработанное зрительное ощущение, но скорей означающее в терминах категорий (включая образ-схемы) в языке» .

контекст концептуальной метафоры, структурные соответствия устанавливаются между элементами двух сценариев – перцептивного и когнитивного; тем самым открывается выход на непосредственный лингвистический анализ. В связи с этим, нам кажется продуктивным интегрировать предложенные нами элементы антропологического анализа зрительного эпизода в перцептивную подсцену первичной зрительной метафоры.

1.2.9. Описание первичной зрительной метафоры: необходимые дополнения

Рассмотрение вышеизложенных работ, посвящённых анализу языкового отражения зрительной ситуации, а также обращение к антропологическим исследованиям по данной проблематике, позволяет нам несколько модифицировать схему первичной зрительной метафоры, предложенную Дж. Грэди.

Перцептивная подсцена, как нам представляется, должна быть описана с учётом трёх неотъемлемых составных частей, имманентно присущих любому зрительному эпизоду: это **субъект** восприятия, **объект** восприятия, и то, что можно условно обозначить как **свет / среда** между ними. Каждый из трёх компонентов может быть охарактеризован по двум основным параметрам: его *действие* и его *свойства*¹ – что обеспечивает сохранение логической структуры субъект – предикат – признак. Тогда лексическое наполнение реализации метафорической стратегии должно распределяться следующим образом (табл. 4).

Иначе говоря, при описании зрительного эпизода необходим учёт таких внешних и внутренних по отношению к субъекту восприятия компонентов, как:

¹ Вероятно, до сих пор непревзойдённым в области антропологического анализа свойств объекта восприятия остаётся учение Аристотеля о 22 свойствах видимого (*visibilia*), построенное на системах градуальных шкал: *свет, цвет, расстояние, положение, размер, форма, покой, движение, объёмность, разделение, сходство, отличие, протяженность, число, неровность поверхности, гладкость поверхности, прозрачность, матовость, тень, темнота, красота, безобразие* [Simon 2003 : 173]

- **объективные условия** зрительного восприятия (наличие/отсутствие света, его природа и источники; поле зрения как среда, его прозрачность; поле

Таблица 4

Структура описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

зрения как пространство, наличие в нём посторонних деталей, затрудняющих восприятие объекта);

- **субъективные условия** зрительного восприятия (физическая способность видеть / слепота, острое зрение / близорукость, открытые / закрытые глаза, концентрация внимания / отвлечённость, положение субъекта в пространстве по отношению к объекту);
- **объективные характеристики** визуализируемого объекта¹ (удалённость от субъекта, величина, чёткость контура, яркость цветовой характеристики, блеск, излучение света);
- **субъективные характеристики** результирующего образа (чёткость видимой картинки, яркость складывающегося образа, степень восприимчивости к деталям).

Перцептивная подцена, в силу онтологических характеристик зрения как процесса, будет напрямую соотноситься с когнитивной подценой, в которой также необходимо осуществить соответствующие модификации, а именно, установить корреляты вводимых нами компонентов.

¹ Ряд исследований в области зрения и когниции, см. особенно Aginsky & Tarr, 2000 позволил установить, что цвет играет менее важную роль в конфигурации зрительной сцены, по сравнению с такими свойствами объекта, как его форма, положение в пространстве, траектории движения; значительно быстрее данные о цвете утрачиваются при построении ментальных репрезентаций [Connell 2007 : 484]. Объяснение Л. Коннелл строится на эволюционном подходе: «первичные свойства» объекта (в терминах Дж. Локка), такие, как форма, размер, движение, являются мультимодальными, воспринимаются различными органами чувств, и высоко значимы для построения целостного зрительного эпизода, что сыграло огромную роль в ходе филогенетического развития визуально ориентированного человека; в то же время, «вторичные свойства», цвет, вкус, запах, доступны только одному из чувств и не столь важны для конфигурации зрительной сцены и ориентации в ней [Ibid].

- **объективные условия** зрительного восприятия соответствуют объективным условиям успешного познания объекта (наличие вспомогательных элементов, облегчающих понимание, доступ к источникам информации; метагносеологические процессы, сопутствующие акту познания);
- **субъективные условия** зрительного восприятия соотносятся со способностью осуществлять когнитивную деятельность (физическое состояние субъекта, его самочувствие; уровень интеллектуального развития, наличие преинформативного запаса, который может способствовать оптимальному пониманию проблемы);
- **объективные характеристики** визуализируемого объекта коррелируют с характеристиками объекта познания (его онтологическая природа и внутренняя структура – является ли он «лёгким» для понимания или заведомо «трудным»; возможность упрощения; наличие у него гносеологически богатых связей с объяснительной потенцией);
- **субъективные характеристики** результирующего образа также переносятся в когнитивный план (истинность / правдоподобность получаемого представления, степень сложности формирующегося концепта).

Итак, мы делаем предположение о существовании эквивалентных структур, состоящих из закономерных онтологических соответствий между сущностями двух областей и между пропозициями, которые их связывают. Перенеся выделяемые нами факторы на базовую схему Дж. Грэди, мы получим следующую модель (рис. 4):

Работа с конкретным языковым материалом, то есть анализ непосредственных реализаций описываемой метафорической стратегии, будет строиться в соответствии с предложенной моделью; необходимо дать ответы на следующие вопросы:

1) сохраняется ли логическая структура *субъект – предикат – признак* в отношении трёх ключевых компонентов зрительного эпизода;

2) находят ли последовательное соответствие субъективные и

объективные характеристики зрительной подсцены в метафоризации понимания и добра, иначе говоря, существуют ли гипостазируемая нами эпистемическая

Рис.4. Модифицированная схема первичной сцены

зрительная и этическая зрительная метафоры¹.

Под эпистемической зрительной метафорой мы понимаем концептуальную метафору, сферой источника которой является целостный зрительный эпизод, а сферой цели – абстрактная ситуация понимания. Мы полагаем, что структура отношений между компонентами зрительного эпизода последовательно переносится на структуру его метафорических вербализаций при концептуализации динамической ситуации понимания.

Под этической зрительной метафорой мы понимаем концептуальную метафору, сферой источника которой является целостный зрительный эпизод, а сферой цели – абстрактное понятие блага, источник которого локализован в объекте или в субъекте аксиологической оценки. Как и в

¹ Термины эти впервые использованы нами в работе Filatova, 2006.

предыдущем случае, происходит последовательный перенос структуры отношений между компонентами зрительного эпизода на область его метафорических вербализаций при концептуализации блага – внутреннего или внешнего по отношению к субъекту.

1.2.10. Зрительная лексика как предмет исследования: ограничение поля

...le lexicologue, parce qu'il ne peut tout traiter à la fois, choisira lui-même un trait limite, par une décision à la fois arbitraire (parce qu'il aurait pu choisir un autre trait) et conforme à la nature des choses (parce qu'il a découvert, et non forgé ce trait); il fixera les bornes de son «champs» là où il le jugera commode et utile¹ [Picoche 1986 : 105]

Прежде всего, данная работа использует терминологический аппарат концептуальной теории метафоры, что позволяет нам говорить о метафоризации зрительного эпизода и вводить понятия *этической зрительной метафоры* и *эпистемической зрительной метафоры*. Однако, с методологической точки зрения крайне важно определить принципы отбора языкового материала, на котором строится анализ этого зрительного эпизода. Мы предложили заимствовать описание зрительного эпизода в антропологических работах с целью интеграции антропологического подхода в исследование, задуманное в рамках когнитивной лингвистики; тем очевидней становится необходимость прояснить происхождение нашего материала в соответствии с лингвистической традицией.

Установление системных отношений между лексическими единицами

¹ «... так как лексиколог не может одновременно работать со всем, должен сам выбрать ограничительную линию, решением сколь произвольным (потому как он мог выбрать другую границу), столько и соответствующим природе вещей (потому как эту черту он открыл, а не придумал); он устанавливает границы своего поля там, где ему удобно и полезно».

является одним из приоритетных направлений современной лингвистики [Чудинов 1984 : 3]. Однако, ограничение предмета исследования традиционно сопровождается терминологическая путаница. Как минимум, следует развести понятия «лексическое поле» / «семантическое поле» / «ассоциативное поле», интересно также принять во внимание такие лингвистические конструкты, как «метафорическое поле» / «потенциальное поле» / «образное поле».

Традиционно понятие *семантического поля* генетически возводится к учению Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме слова и к теории «слов и вещей» Гуго Шухардта [Левицкий 2005 : 177]. Сам термин впервые появляется в работе Йоста Трира «Немецкий словарный состав в аспекте понимания» (1931). Его классическое определение звучит следующим образом: «Семантическое поле представляет собой группу слов, которые тесно связаны по смыслу и в своей взаимосвязи предопределяют значения друг друга» [Скляревская 1993 : 114]. Словосочетание *ассоциативные поля* впервые упомянул Ш. Балли, однако, строгого определения¹ он им не дал. Семантическое поле рассматривается как разновидность ассоциативного [Peeters, 1991:47]. Интересно также понятие элементарных семантических полей (*elementare Bedeutugsfelder*), введённое Порцигом: по сути дела, это минимальные сочетания, обусловленные прагматическими закономерностями, например, *смотреть* + *глаз* [Henry 1971 : 70-71].

Очень внимательно относится к терминологии исследователь Р. Мартен, который предлагает для описания наиболее общей лексики, обозначающей аудиальное восприятие (*bruit, son, acoustique, ouïe, entendre, auditif, oreille...*) использовать термин «*une composante connexe*²», совокупность узлов, выстраивающихся в граф вокруг *ноэмы* – «примитивного термина» [Martin 1983 : 84]. Морис Сводеш в данном случае говорит о “семантических

¹ «un halo qui entoure le signe et dont les franges extérieures se confondent avec leur ambiance» [цит. по: Peeters 1991 : 47] – «ореол, который окружает знак, и края которого смешиваются со своим окружением».

² «Dans tous les dictionnaires, ces vocables sont liés les uns aux autres et forment une “composante connexe”, c'est-à-dire un exemple des noeuds figurant sur une boucle ou rattachables à elle» [Martin 1983 : 84] – «Во всех словарях эти вокабулы связаны друг с другом и образуют связную составляющую, то есть, пример узлов, выстраивающихся на одной петле или прикрепляющихся к ней».

созвездиях”, которые он определяет как взаимное семантическое влияние, построенное на притяжении или отталкивании [Swadesh 1986 : 131], Э. Косериу и его последователи – об “ассоциативных созвездиях” или “конфигурациях”.

О. Г. Скворцов в своём исследовании лексико-семантического поля английских существительных, обозначающих СВЕТ и ТЕМНОТУ (2001), упоминая целый ряд способов или критериев выделения полей – структурный, психофизический, статистический, психолингвистический – останавливается на семантико-логическом способе, основанном на принципе идентификации Ш. Балли [Скворцов, 2001:50]. Неоспоримым преимуществом его предложения является сформулированная в работе «унифицированная дефиниция», в которой «как бы зеркально отражены содержание и структура всего ЛСП, которое объединяет лексические единицы, обозначающие как «физический свет», так и «интеллект» и «эмоции». Кроме того, модель взаимоотношений между вышеуказанными значениями является типичной для многих других слов поля, в семантической структуре которых также сосуществуют определённым образом взаимосвязанные значения: «свет физический», «интеллект», «эмоции»» [Скворцов 2001 : 51]. Это объединение трёх взаимосвязанных значений крайне близко по духу нашей работе.

В рамках нашего исследования интересен также специфический подход к наложению ограничений на анализируемый материал французского лексикографа Анни Моллар-Десфур. В своей серии словарей, посвящённых цветам во французском языке XX – XXI веков¹, автор опирается на понятие *хроматического «поля»*, позаимствованное в работе А. М. Kristol² (1978): это «семантическая область цвета, ощущаемая как единство в данном языке» [цит. по: Mollard-Desfour 2008 : XIV]. Причём при лексикографическом (и семантическом!) описании этого единства принимаются во внимание не только

¹ Замысел автора – создать одиннадцать словарей, соответствующих одиннадцати “хроматическим полям” современного французского языка; к 2008 году вышли в свет пять томов: Синий, Красный, Розовый, Чёрный, Белый.

² А. М. Kristol, Color. Les langues romanes devant le phénomène de la couleur. Romanica Helvetica, 88, Francke Berne, 1978.

синонимы и парасинонимы (ср. *blanc, blanchâtre, albâtre, blême, livide, pâle, lillial, nivéen*), но и этимологически родственные им слова (*candide, chenu, leucémie*), метафорические переносы этих слов (*le petit matin blême, saigner à blanc*), их участие в устойчивых выражениях (*avec les gants beurre frais, carte blanche*). При этом автор оставляет за собой право детально комментировать культурологические, антропологические компоненты значения. Итак, предметом изучения является область цвета, субъективно данная в ощущениях и освоенная в языке.

Т. Л. Верхотурова при работе с перцептивными глаголами использует термин «когнитивно-семантическое поле» и говорит, что существует «некое неопределённое лексическое множество, создающее это поле, ... являющееся “телом” вышеупомянутого множества» [Верхотурова 2004 : 16]. Обоснование, которое она приводит для объединения различных лексических единиц в материал для одного исследования, в принципе, конкордантно нашим убеждениям: «Мы объединяем глаголы для анализа в группу, которую называем группой перцептивных предикатов, поскольку все они в различных ракурсах (и весьма существенно различных) отражают содержание единой внеязыковой ситуации – восприятия, перцептивной реакции на информационное воздействие окружения и его когнитивную интерпретацию» [Ibid].

При рассмотрении лексики зрительного эпизода выявляются не только генерирующие направления концептуального переноса, но и единичные соответствия, которые его реализуют. В лексикографической практике они традиционно обозначаются как «переносные» значения «первичных» значений. Не комментируя на данный момент это разграничение, мы обращаемся также к концепту «метафорических полей» – *champs de métaphores* – которые, согласно Ж. Пикош, «перпендикулярно пересекают потенциальные поля» [Picoche 1986 : 135], включая в себя только относящиеся к данной метафоре значения (*assertions*) описываемых языковых единиц. Таким образом, если исходным материалом для нашего исследования является лексическое поле

зрительного эпизода, результатом его должно стать описание метафорических полей, которые это поле пересекают.

Итак, **критериями** отбора материала для нашего исследования становятся:

1. Принадлежность лексической единицы в одном из своих значений – традиционно, в первом словарном значении – к смысловой субсфере «Зрение», её использование для описания одного из компонентов зрительного эпизода;

2. Наличие у данной лексической единицы абстрактного, переносного, метафорического значения.

Отнесенность переносного значения к области описания познания, понимания, эпистемической ситуации позволяет нам классифицировать данную лексическую единицу как реализацию *эпистемической зрительной метафоры*; её отнесенность к области описания внутреннего или внешнего по отношению к субъекту блага – либо объекта, который получает аксиологическую оценку, либо субъекта, который испытывает эмоции – говорит в пользу классификации данной лексической единицы в рамках *этической зрительной метафоры*.

1.3.1. Выводы по первой главе

Представленный обзор литературы позволил сформулировать следующие положения, составляющие теоретическую основу для когнитивного исследования зрительной метафоры.

1. Рассмотрение ряда лингвистических работ, посвящённых проблеме языкового отражения зрительного эпизода, свидетельствует о перспективности описания зрительной метафоры на основании антропологического анализа зрительной сцены. Должны быть последовательно рассмотрены концептуализация зрения как процесса, природы видимого, света как неременного условия зрительного восприятия. При анализе метафоризации зрительного эпизода должна также приниматься во внимание логическая

структура описания сценария – субъект – предикат – признак –, сохраняющаяся при характеристике всех непосредственных компонентов данного эпизода.

2. В данной работе мы занимаемся рассмотрением *метафоризации зрительного эпизода*: соответственно, в рамках единой внеязыковой ситуации речь идёт о *смысловой субсфере* зрительного восприятия, которое выступает в качестве области источника для организации, посредством концептуальных метафор, двойственной области цели – этической, аксиологической лексики и эпистемической, ментальной лексики¹.

3. Мы полагаем, что единицы, относящиеся к лексическому полю зрения, являются лишь индексами, указателями на семантический континуум, который может ими актуализироваться (P. Cadiot, Y.-M. Visetti, Fr. Nemo). Данная методологическая установка обуславливает выбор материала для исследования: на основе моделируемой внеязыковой ситуации, при обращении к словарным источникам, составляется выборка лексики, относящейся к вербализации зрительного эпизода; по результатам осуществления данной выборки, мы работаем преимущественно с лексикографическими определениями полученных лексических единиц. Именно с опорой на толковые словари и прежде всего – на словарные дефиниции и выделяются системные связи слов [Бабенко 1989 : 18].

4. Когнитивная лингвистика избирается нами в качестве теоретико-методологической базы исследования в силу эпистемологической ориентации на работу с воплощённым значением (*embodied meaning*). Постулат об опосредованном доступе к абстрактному знанию через концептуализацию сенсомоторного опыта чрезвычайно важен при обращении к такому материалу,

¹ Мы признаём, что аксиологическое значение в принципе не отделимо от выражения смысла, будучи предопределено ценностным отношением человека к миру; (см. понятие аксиологического знания у Куляскина, 2002). Однако в данной работе мы накладываем ограничение на термин «аксиологическое значение» и используем его применительно к оценочным реализациям этической метафоры; если этическая метафора предполагает концептуализацию света как абстрактного блага, аксиологическая реализация этической метафоры конкретизирует оценочность световых признаков. Присутствие аксиологического компонента в эпистемической метафоре (ценностное отношение к знанию и понимаю) как проявление фрактальности заслуживает отдельного исследования, в рамках которого будет целесообразно рассмотрение терминов «эпистемически-аксиологическая» и «этически-аксиологическая метафора», предложенных проф. З. И. Комаровой при рецензировании данной работы (2009).

как зрительное восприятие и его лингвистические корреляты.

5. Когнитивная теория метафоры как аналитический инструмент когнитивной лингвистики позволяет комплексно рассматривать отражённое в языке метафорическое осмысление перцептивных процессов человека. Органично вписываясь в историю изучения метафоры, данная теория синтезирует целый ряд философских, антропологических, лингвистических идей, являясь при этом открытой для дальнейшего методологического синтеза.

ГЛАВА 2. ЗРИТЕЛЬНАЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

*La vision est la rencontre, comme à un carrefour,
de tous les aspects de l'Être.
Maurice Merleau-Ponty, L'Œil et l'Esprit¹*

Соотнесение света со знанием и, одновременно, с интеллектом человека – когнитивная стратегия, уходящая корнями в глубокое прошлое. Несмотря на кажущуюся разработанность, данная проблема интересна лингвисту, прежде всего, как перспектива изучения отражения в языке целостного зрительного эпизода, рассматриваемого с антропологических позиций: ведь наличие света предполагает и существование субъекта зрительного восприятия, и зрения как процесса, и объекта зрительного восприятия, который освещает данный свет. Так как именно *эпистемическую* метафору мы рассматриваем в первую очередь, её структура послужит нам впоследствии образцом для сравнения при работе с этической концептуализацией света. Среди базовых элементов рассматриваемого метафорического сценария чётко выделяются основные два.

1) **Свет: концептуализация признаков среды.** Свет как условие *sine qua non* для зрительного восприятия является важнейшим компонентом зрительной метафоры. Он может концептуализироваться либо как внутреннее условие для понимания – *интеллектуальные способности и характеристики субъекта восприятия* – или как внешнее условие, некая *дополнительная информация*, которая привносится в когнитивную сцену извне ради лучшего понимания. Предикативные формулы, в которых фигурируют различные действия над светом и со светом – так называемая ситуация «пролития света» на объект – зависят от того, как концептуализируются условия зрительного восприятия в конкретном контексте, представляются ли они внутренними или внешними по отношению к субъекту. Свет как интеллектуальная способность участвует в

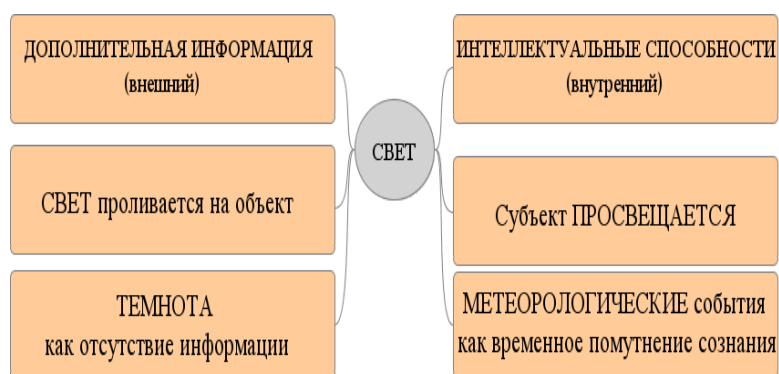
¹ «Зрение – это встреча, словно на перекрёстке, всех аспектов Бытия». М. Мерло-Понти, *Глаз и дух*.

просвещении субъекта восприятия: при том, что формально это действие находится «вне субъекта», его непосредственным результатом становятся качественные изменения во внутренних характеристиках субъекта, а именно, в его интеллектуальных способностях. Свет как информация проливается на объект, который, будучи помещён на свет, становится более видимым, более понятным для субъекта восприятия.

Концептуализация препятствий, которые возникают на пути света, либо полностью затмевая его, либо в различной степени понижая его яркость, также зависит от изначальной установки на внешние / внутренние условия. Если свет понимается как интеллектуальная способность субъекта, тогда препятствиями на его пути станут различные метеорологические состояния и события, которые не позволяют человеку видеть хорошо отчётливо. Эти события метафорически представляют *временные* помутнения, случающиеся в сознании, преходящие проблемы в ясном понимании / восприятии. Свет как дополнительная информация, напротив, противостоит в метафорическом плане абсолютной темноте, которая может соответствовать *полному* отсутствию информации по поводу объекта восприятия, совершенному неведению.

Метафоризация света, освещения как динамического процесса и препятствий, на которые свет может натолкнуться – прежде всего, темнота и различные метеорологические события и состояния – может быть представлена при помощи следующей схемы (рис. 5):

Рис. 5. Зрительная эпистемическая метафора (среда)

2) **Зрение: концептуализация признаков субъекта и объекта.** Вторым ключевым элементом описываемой зрительной сцены является собственно зрение как процесс. Концепт зрения сводит воедино взаимовлияния свойств субъекта зрительного восприятия и объекта зрительного восприятия – два оставшихся (после характеристики среды) компонента антропологической триады, анализу которой посвящена данная работа. Базовый перенос, эксплуатируемый в рамках зрительной эпистемической метафоры – это корреляция *качества зрения* и *качества понимания*. Качество зрительного восприятия или, точнее, результирующий образ, напрямую зависит от постоянных внутренних свойств субъекта (к которым относятся его априорная, принципиальная зрительность и острота зрения), от постоянных внешних свойств объекта (его априорная видимость, то есть достаточная яркость, чёткость контуров, размер), и от переменных свойств их обоих (для субъекта: открытые глаза, направление взгляда, сфокусированность внимания на объекте восприятия; для объекта: его расположение в зрительном поле субъекта). Среди признаков зрительного эпизода, которые зависят непосредственно от субъекта – мы обозначили их «внутренние условия зрительного восприятия» – следует упомянуть, прежде всего, остроту зрения. Эта базовая характеристика зрения определяется как способность чётко различать максимальное количество деталей созерцаемого объекта¹. На основании данной характеристики выстраивается градуальная шкала *острое зрение (зоркость) – близорукость – слепота*, которая концептуализируется как степень интенсивности проявления интеллектуальных способностей субъекта. В метафорических контекстах в первую очередь получает негативное переосмысление такое качество зрения, как близорукость / миопия. Возможно предположить, что дальнозоркость / гиперметропия, которая также является физиологическим пороком зрительного аппарата человека, сложнее соотнести с «недостатком» в наивном языковом сознании, так как способность чётко и хорошо видеть на большом расстоянии,

¹ См. современный словарь терминов зрения: Millodot, Michel. Le Nouveau Dictionnaire de la Vision. Paris, CLM éditeur, 2004. – 218 p.

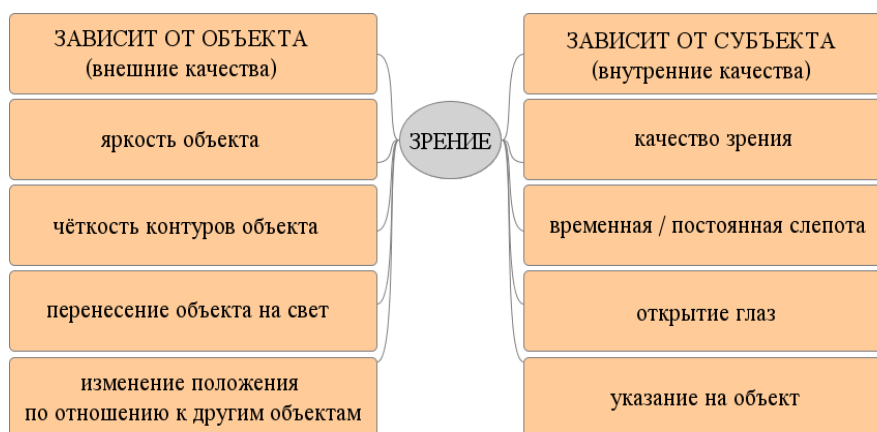
как правило, в первую очередь трактуется как острота зрения (особенно показательно в данном случае русское слово *зоркость*, которое входит в состав существительного *дальнозоркость*, неизбежно передавая некоторый заряд положительной коннотации). В то же время, способность видеть то, что находится в непосредственной близости от субъекта восприятия, обычно принимается как нечто само собой разумеющееся, что позволяет концептуализировать интеллектуальную близорукость как резко негативную характеристику. Антонимом к метафорически обозначенной интеллектуальной близорукости является *прозорливость, проницательность*. Если же зрение субъекта слишком хорошее, оно может быть связано со знанием эзотерическим, сокрытым от большинства, находящимся вне поля зрения человека с обычными способностями – речь идёт о феномене *ясновидения*. С другой стороны, абсолютное отсутствие зрения, *слепота*, соотносится с крайним состоянием непонимания, с полной неспособностью адекватно рассуждать и мыслить.

Если главной характеристикой субъекта в рамках зрительного эпизода является его зрение, необходимо признать, что свойства объекта равно важны для успешного процесса. К данным свойствам следует причислить размер объекта, яркость цветов, присутствующих на его поверхности, чёткость его контуров: крупные, яркие / цветные / светящиеся объекты с чётко определённой формой с большей вероятностью привлекают внимание, что в терминах зрительной метафоры сопряжено с более лёгким зрительным восприятием и, как следствие, с лучшим пониманием.

Ещё одним условием успешного зрительного акта является так называемая «актуальная зрячесть» [Кретов 2006 : 119] субъекта восприятия: его глаза должны быть открыты, взгляд направлен в сторону объекта восприятия, внимание сконцентрировано на нём. Если субъект физиологически способен видеть (в терминах А. А. Кротова это «принципиальная зрячесть»), но в контексте данного конкретного зрительного эпизода по какой-либо причине не видит априорно видимый объект, объект этот ему можно просто *показать*,

изменив направление взгляда смотрящего. Также потенциально возможным решением является попытка *открыть глаза*¹ субъекту. Открытие глаз и указание на объект могут быть классифицированы как действия, внешние по отношению к субъекту зрительного восприятия, производимые над ним, поэтому мы обозначаем данные манипуляции перцептивным процессом при помощи термина влияние, оказываемое на субъекта. Равноценное воздействие на объект восприятия с целью улучшить условия зрительного эпизода также возможно. Это воздействие включает в себя, во-первых, перемещение объекта в фокус света, при условии, что изначально этот объект находился в (относительной) темноте; во-вторых, изменение положения объекта по отношению к другим элементам в поле зрения, выдвигание его на первый план, если изначально между объектом и субъектом зрительного восприятия находились другие, загромождающие, мешающие предметы. Общая схема эпистемической концептуализации зрения представлена на рисунке 6:

Рис. 6. Зрительная эпистемическая метафора (субъект и объект)

Предложенное описание эпистемической метафоры складывается на основе детального описания пяти компонентов зрительной ситуации:

1. освещение как процесс, его динамика;
2. свет, его виды и характеристики;
3. препятствия на пути света;
4. объект зрительного восприятия, его свойства;

¹ В терминологии Е.В. Падучевой, глаза называются «инкорпорированным участником глагола *видеть*» [Падучева, 2001:26], являясь имплицитным элементом любого зрительного эпизода.

5. субъект зрительного восприятия, способность видеть.

Компоненты 1 – 3 относятся к характеристикам среды зрительного восприятия, 4 и 5 – к свойствам объекта и субъекта, соответственно. Лексические единицы, относящиеся к данной субсфере, семантизируются на основе метода словарной идентификации [Кретов 1994 : 86].

2.1. Освещение как процесс, его динамика

С точки зрения предложенной нами структуры описания метафорической перцептивной подсцены, модифицирующей схему Дж. Грэди и Кр. Джонсона [Grady 2003 : 541] – **субъект – предикат – объект** – данный элемент действительности относится к области действий среды и над средой восприятия (табл. 5):

Таблица 5

Место концептуализации динамики процесса освещения в структуре описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

2.1.1 Освещение как процесс, его динамика во французском языке

Ведущий глагол **éclairer** – освещать представлен в словаре Le Petit Robert как конкретными, так и абстрактными значениями. Базовым контекстом для конкретных значений является ситуация, в которой свет – естественный или искусственный – распространяется на объект. Французские лексикографы относят к этой же категории конкретных значений метафорическое употребление «распространять некое подобие света на (лицо); делать более

ясным» (*répandre une espèce de lumière sur (le visage); rendre plus clair*). Примеры, приводимые в этой словарной статье, демонстрируют метафорическое употребление (*Deux grands yeux éclairent son visage – Его лицо освещали большие глаза. Une joie subite éclaira son regard – Внезапная радость осветила его взгляд*¹). Возвратное использование глагола: *À ces mots, sa figure s'est éclairée – При этих словах его лицо осветилось*), в рамках которых глаза уподобляются источнику света,

LES YEUX, CE SONT DES SOURCES DE LUMIÈRE

а некая сопутствующая манифестация эмоции, причём эмоции исключительно положительной, сопоставляется со светом:

LUMIÈRE, C'EST BONHEUR

В данном случае доминирующим семантическим компонентом выступает именно положительная коннотация, такая характеристика душевного состояния человека, которая соответствует чему-то *светлому*, т.е., положительно оцениваемому говорящим. Такое употребление, следовательно, должно рассматривать в рамках этической метафоры LUMIÈRE, C'EST LE BIEN.

Абстрактные значения, выделяемые французскими лексикографами, всецело принадлежат полю действия описываемой нами концептуальной стратегии.

Éclairer qqn – просвещать кого-либо – выстраивается на зрительной подцене: просвещая человека, мы предоставляем ему такие объективные условия, в которых ему удается ясно увидеть объект, понять его, различить истину и заблуждения. Мы улучшаем его интеллектуальное видение, подсказываем адекватную точку зрения (*Mettre (qqn) en état de voir clair, de comprendre, de discerner le vrai du faux. éclairer le peuple – просвещать народ. Éclairez-nous sur ce sujet – *Проясните нас по поводу этого вопроса. Éclairer qqn de ses conseils – *Просветить кого-либо своими советами*).

¹ Здесь и далее в работе мы намеренно пользуемся буквальным, максимально близким к тексту оригинала переводом, осознавая его неблагозвучность, но также памятуя об известном утверждении Ж.-Ж. Лесеркля о том, что лучший способ увидеть диахронию в метафоре – перевести её на другой язык [Lecerclé 1990 : 176].

Éclairer qqch – осветить что-либо, сделав тем самым хорошо различимым во всех деталях, устранив всевозможные препятствия, затрудняющие зрительное восприятие. В русском переводе примеров необходимо употребить ещё один глагол из обсуждаемой метафорической области – **прояснять** что-либо (**Rendre clair**, intelligible. *Un commentaire qui éclaire la pensée de l'auteur – Комментарий, освещающий/поясняющий мысль автора. Maintenant tout s'éclaire, devient clair – Теперь всё проясняется; éclairer le jeu: jouer de façon à se faire comprendre de son partenaire – карточный термин – букв. освещать игру – играть так, чтобы ваш партнёр вас понял*).

Далее приводится военный термин, обозначающий такое продвижение войска, при котором вперед высылается разведывательный отряд. Здесь интересен, прежде всего, этимологический комментарий: составители словаря приписывают это значение наблюдавшемуся в XVI веке употреблению *éclairer* = надзирать, **наблюдать** (1834; du sens de «surveiller, observer» XVIe). Связь с семантическим полем зрения в подобном контексте говорит сама за себя.

Синонимами¹ данного глагола являются **allumer**, apprendre, avertir, balayer, **brillanter**, **briller**, **clarifier**, démystifier, désabuser, **dessiller**, **dessiller les yeux**, détromper, dorer, **éclaircir**, édifier, éduquer, **élucider**, **embraser**, endoctriner, **enflammer**, **enluminer**, enseigner, **étinceler**, **étoiler**, expliquer, faciliter, fixer, **flamboyer**, former, guider, **illuminer**, **illustrer**, informer, initier, instruire, **luire**, **ouvrir les yeux**, passer, payer, reconnaître, **reluire**, renseigner, répandre, **resplendir**. Рассмотрим глаголы, восходящие к световой семантике, развивающие эпистемические значения.

- **allumer** – глагол, определяющийся как «зажигать», применяется и в переносном значении, ср. TLFi: «делать блестящими, освещать» (о блестящих объектах, о взгляде, о глазах), *faire briller*, *illuminer*; отсюда развивается ещё одно значение –

¹ Здесь и далее, если в тексте не уточняется источник, синонимы приводятся по новому электронному словарю синонимов лаборатории CRISCO (Centre de Recherche Inter-langues sur la Signification en COntexte), Канский университет (l'Université de Caen), Франция. Данный проект составлен на базе семи классических словарей французского языка (*le Bailly*, *le Benac*, *le Du Chazaud*, *le Guizot*, *le Lafaye*, *le Larousse*, *le Robert*), содержит ок. 49 000 словарных статей и 396 000 синонимических связей. Словарь CRISCO доступен на сайте <http://www.crisco.unicaen.fr/>.

«освещать, представлять в выгодном свете¹» (*mettre en lumière, en valeur*). При сочетании с объектом одушевлённым – **allumer qqc. de** – получаем значение «пропускать свет сквозь, вдохновлять» (*pénétrer de lumière, inspirer*). Таким образом, данный глагол концептуализирует ситуацию привлечения внимания к объекту *горящему – освещённому*. Присутствующая в нём семантика огня и горения позволяет актуализировать идею как тепла, жара (*allumer le désir – разжигать желание*), так и разрушения, самопроизвольного возгорания (*allumer la guerre – разжечь войну*).

- световой глагол **clarifier** – «делать чистой, прозрачной жидкость» (*rendre clair, transparent un fluide, le purifier, l'épurer*) обладает выраженным эпистемическим значением: начиная с употребления с пометой «редкое» в TLFi: *clarifier qqn – просвещать кого-либо*, получаем самостоятельное метафорическое употребление «делать более ясным, более понятным то, что было двусмысленно, запутано, неясно, смутно; прояснять, пояснять, разъяснять» (*rendre plus clair, plus compréhensible ce qui était ambigu, confus, obscur, trouble; éclaircir, éclairer, élucider*). *Clarifier un problème; clarifier un concept, un débat, une formule, des notions, sa position; clarifier les (ses) idées sur un sujet – пояснить проблему; объяснить концепт, пояснить спор, формулу, понятия, свою позицию; объяснить свои идеи по какому-то поводу²*.
- Аналогичное эпистемическое значение развивает глагол **élucider**, который определяется как «делать ясным, объяснять то, что непонятно» (*rendre clair, expliquer ce qui est obscur*): *élucider sa pensée, le sens des paroles de qqn – объяснять свою мысль, смысл чьих-л. слов; élucider une énigme, un mystère – разъяснить загадку, тайну*. Эпистемическое значение данного глагола развивается в сторону усложнения ментальных операций, привлекаемых для понимания: «выводить на свет, проливать свет на явление, находя причину того,

¹ См. арготическое значение данного глагола – *allumer* – делать себя заметным, выставлять на показ (TLFi).

² В данном случае интересна история слова: первичной с этимологической точки зрения является этическая метафора, ибо по данным словаря TLFi, первые фиксации глагола в конце XII века имеют значение «делать выдающимся, прославлять» (значение библейского термина в латыни *clarificare*). Значение «пояснять текст» появляется веком позже.

что было непонятно, при помощи поиска, исследования» (tirer au clair, faire la lumière sur un phénomène en trouvant la raison de ce qui était incompréhensible, par recherche, investigation) – на русский язык лучше всего переводится при помощи глагола **выяснять**. *Élucider une maladie, les lois d'une science* – **выяснять (патогенез, причину) болезни; законы науки.*

- Ещё одним глаголом, восходящим к изначальному смыслу зрения, является **illuminer**, который в XIII веке обозначал “давать зрение” – «rendre la vue» (Le Petit Robert). Первое современное значение, сопровождающееся в словаре пометой “религиозное”, гласит *éclairer de la lumière de la vérité* – освещать светом истины, т.е. имплицитно задействует этический аспект концептуального комплекса. Далее указываются прямое значение – ярко освещать – *Éclair qui illumine le ciel.* – *молния, озарившая небо* – и метафорическое *Cela va illuminer ta journée* – *Это озарит мой день*. Расширительное “бросать яркий отсвет” приводит нас к уже знакомому *Ses yeux s'illuminèrent de joie* – *её глаза заблестали от радости*. Соответствующее существительное – **illumination** – в первую очередь отсылает нас к теологическому смыслу неземного света, который спускается с небес в душу человеческую. Расширительно от данного употребления, нивелируя религиозную семантику, произведено значение *озарения*, внезапного вдохновения, света, который возникает в рассудке (Inspiration subite, lumière soudaine qui se fait dans l'esprit). Конкретные значения всевозможных иллюминаций не нуждаются в подробных комментариях.

К этической зрительной метафоре следует отнести такие глаголы, как **brillanter** – «делать блестящим» (rendre brillant, donner de l'éclat, des reflets brillants; данный глагол способен развивать метафорическое пейоративное значение излишнего блеска); **briller** – «сиять» (répandre une lumière vive, intense, parfois diffuse), «выходить за рамки обычного, проявлять особенные качества»¹;

¹Ср. развёрнутый пример зрительной метафоры в словаре TLFi, а котором положительное аксиологическое значение (этическая метафорика) сочетается с эпистемической семантикой: *Esprit de flamme par sa nature, et non pas seulement éclairé, mais lumineux, Platon brille de sa propre lumière. C'est de la splendeur de sa pensée que son langage se colore. L'éclat en lui naît du sublime. J. JOUBERT, Pensées, t. 2, 1824, p. 153. - Пламенный дух по природе своей, и не только просвещённый, но и светлый, Платон сияет своим собственным светом. Именно этим сиянием мысли окрашивается его язык. Блеск в нём рождается от возвышенного.*

embraser – «зажигать; делать ярким, освещать, озарять» ([p. anal. avec la lumière qui rayonne du feu] rendre très lumineux, éclatant (avec des teintes souvent couleur de feu), метафорическое значение предполагает оживление / возбуждение чувств и эмоций; **enflammer** – аналогично, значение «зажигания» и приобретения связанных с ним световых характеристик (donner (à quelque chose) les tons chauds et éclatants de la flamme), а также придание жара, энтузиазма яркости чему-либо (remplir d'ardeur, d'enthousiasme; accroître la vivacité, l'intensité de); **étoiler** – «сиять» (о звездах и о глазах); **étinceler** – «искриться(ся)»; «светиться ярким блеском» (briller d'un vif éclat), что обеспечивает переносное значение «обладать качествами, которые делают заметным и выставляют в выгодном свете; блистать» (avoir des qualités qui font remarquer et mettent en valeur; briller d'un très grand éclat); также два глагола с ярко выраженным значением аксиологической оценки – **flamboyer** «пылать, сверкать» и **resplendir** «сиять, блистать».

В качестве антонимов для глагола **éclairer** приведена следующая группа слов: **Assombrir, obscurcir. Embrouiller. Abuser, aveugler**. Четыре из пяти слов в предложенном списке восходят к семантическому комплексу света и зрения (исключение составляет лексема **abuser**, которой присуще значение обманывать кого-либо, вводить в заблуждение). Глаголы **assombrir** и **obscurcir** напрямую связаны с концептом темноты, **aveugler** переводится на русский как «ослеплять», а глагол **embrouiller** этимологически родственен слову **brouillard** – туман, которому свойственно переносное значение неясности, запутанности через апеллирование к ситуации затрудненного зрительного восприятия (*Être dans le brouillard: ne pas voir clair dans une situation qui pose des problèmes – буквально быть в тумане – не видеть ясно в проблематичной ситуации*).

Первый из списка глаголов-антонимов, **assombrir** – «затемнять», обладает двумя значениями. Во-первых, конкретное значение – «делать тёмным» (Rendre sombre). Второе значение являет собой интересующую нас метафору – этический её вариант, причём в крайне любопытной филиации: объединены

такие дефиниции, как «делать грустным» (*Rendre triste. Les malheurs ont assombri son caractère – несчастья сделали его характер мрачным*), «делать беспокойным» (*Rendre soucieux. Cette nouvelle a assombri les visages – от этой новости помрачнели лица*), и наконец, «делать беспокоящим» (*Rendre inquiétant. De graves menaces assombrissent l'avenir – серьезные угрозы омрачают будущее*). Таким образом, глагол, обозначающий изначально потемнение некоего объекта – допустим, неба – начинает применяться для обозначения сферы негативных суждений или негативных эмоций, тем самым, устанавливая контрастную пару метафорического соответствия с **éclairer**:

ÉCLAIRER = IMPLIQUER JOIE, ASSOMBRIR = IMPLIQUER DANGER

Следующий глагол, столь же явно указывающий своей внутренней формой на связь с комплексом света – **obscurcir** – затемнять, обладает более разветвленной сетью значений. Прежде всего, естественно, он обозначает конкретные изменения зрительно воспринимаемого освещения. Логичным представляется расширительный переход к значению затруднения или нарушения зрительной способности как таковой, например, из-за объективного препятствия в виде слёз (*Troubler, affaiblir (la vue). Les yeux obscurcis de larmes*). Абстрактных значений два, и они различаются между собой по объекту, который сочетается с переходным глаголом. Если затемняется объект познания, то, на что направлены когнитивные усилия человека, то глагол приобретает значение «затемнять, делать малопонятным» (*Rendre obscur, peu intelligible. Mots difficiles qui obscurcissent le sens d'un texte – Сложные слова, затемняющие смысл текста*). Если же к глаголу присоединяются в качестве дополнения слова, относящиеся к семантическому полю интеллектуальных способностей субъекта познания, то значение его сводится к **помутнению рассудка** (*Rendre (l'esprit) incapable de discernement, de lucidité. – «делать (рассудок) неспособным к ясному суждению»*).

Итак, вторая выделяемая нами концептуальная оппозиция построена на отношении к процессу понимания, познания, то есть, в рамках предлагаемой

нами дихотомии этического и эпистемического тяготеет к последнему. Если хорошее освещение помогает ясно и четко видеть, и если темнота этому препятствует, точно так же, прояснение и просвещение какого-либо вопроса помогает понять его, а затемнение этого вопроса мешает понять суть дела.

ÉCLAIRER, C'EST AIDER À COMPRENDRE,

OBSCURCIR, C'EST EMPÊCHER DE COMPRENDRE

Третьим в предложенном нам словарём антонимическом ряду идёт глагол **embrouiller**, первое значение которого – «запутывать (нити, и т.д.)». Переносное значение, очевидно, восходит к этимологии¹, по сию пору ощущающейся носителями языка²: туманность есть естественное препятствие для ясного зрения и чёткого различения предметов, что, в рамках анализируемой нами мыслительной стратегии, становится достаточным основанием для переноса на область интеллектуального суждения. Отсюда значение «усложнять, делать тёмным» (*compliquer, rendre obscur*); «смутить кого-либо, заставить потерять нить рассуждения» *troubler (qqn), lui faire perdre le fil de ses idées: Il s'embrouille dans ses explications, il s'y perd. – Он запутывается в своих рассуждениях, он в них теряется.*

Получается, что метафора становится словно бы двухслойной: с одной стороны, она напрямую связана с запутывающимися нитями, мыслями, идеями, которые уподобляются этим нитям, а также с лабиринтами, в которых можно заблудиться и потеряться. Но, с другой стороны, остается действительной и метафора **тумана**, который может употребляться для обозначения спутанности мыслей, невозможности судить ясно, вообще неразберихи. И на фонетическом уровне туман (*brouillard*) присутствует в глаголе *embrouiller*, а значит, непременно вовлекается в концептуальное поле, пусть даже и косвенно.

Ещё один глагол, связанный с туманом, который нуждается в комментарии

¹ Этимологический комментарий словаря *Le Petit Robert* сообщает, что данный глагол был образован в XIV веке при помощи приставки *en-* и глагола *brouiller*; связь которого со словом **туман** прекрасно слышится и сегодня. Оба слова восходят к германскому **brod* – бульон, похлёбка, на которую туман, очевидно, походил своей консистенцией.

² Ср. мнение Э. Косериу: нельзя не учитывать современные метафорические связи, которые устанавливают носители языка, даже если технически объективная этимология была другая [Coseriu 1991 : 89].

– **obnubiler**, интересен, прежде всего, в силу того, что он утратил своё первое, конкретное значения. В Средние века он был зафиксирован со значением «покрывать облаками». Сегодня это употребление утрачено, и глагол означает процесс обволакивания будто бы туманом, причём французские лексикографы помечают в скобках, что обволакиванию в данном случае подвергаются умственные способности или чувства. (Envelopper (les facultés mentales, les sentiments) comme d'un brouillard. Генерализация позволяет применять эту лексему для обозначения любой навязчивой идеи, мечты, одурманивающей, препятствующей строгому логическому мышлению, нарушающей ясность сознания. (*Il est obnubilé par cette idée – Он одержим этой идеей*). В рамках истории одного слова осуществился переход от исторически первичного конкретного значения, непосредственно связанного со световыми характеристиками, к абстрактному значению, применяющемуся для описания сложных интеллектуальных состояний.

Таким образом, представляется возможным выделить онтологическое соответствие:

LE BROUILLARD, C'EST UNE CONFUSION D'ESPRIT

Последним глаголом из нашего списка антонимов является **aveugler** – ослеплять. Первое значение, естественно, буквальное. Расширительно, второе значение слова предполагает временное ослепление, вызванное слишком яркой вспышкой света, солнечными лучами и т.д. Интересный физиологический парадокс, так как для зрения избыток света приводит, в конечном счете, к ослеплению, и следовательно, к темноте, к полному отсутствию света. Третье переносное значение, предлагаемое нам в словаре, гласит: лишать рассудка, возможности рассуждать, а также препятствовать нормальному функционированию какой-либо способности (priver de l'usage de la raison, du jugement. *La passion vous aveugle – Страсть ослепляет вас. Il est complètement aveuglé par ses préjugés – Он совершенно ослеплен своими предрассудками. Empêcher de fonctionner normalement (une faculté). Дополнительное значение*

«закрывать источник чего-либо», например, заколачивать окна и заваливать колодцы, интересно само по себе и, несомненно, строится на очень древней метафоре окна и глаза, однако, в рамках данной работы мы воздерживаемся от её комментирования.

Само слово «освещение» – **éclairage** – принимает переносное значение способа описывать, представлять, точки зрения (*Manière de décrire, d'envisager; point de vue*). Тавтология определения красноречива: зрительная семантика актуализируется как в слове **envisager** – и по-русски, и по-французски, – так и в устойчивом сочетании **point de vue** – точка зрения, опять же на обоих языках. Логика метафорического переноса ясна: результат зрительного восприятия – получаемый образ – изменяется в зависимости от освещения –

ÉCLAIRAGE, C'EST LA MANIÈRE DE COMPRENDRE

а также в силу изменения положения наблюдателя –

POINT D'OBSERVATION, C'EST LA MANIÈRE DE COMPRENDRE

Последнее соответствие, отразившееся также в выражениях «точка зрения» (**point de vue**), «под этим углом» (**sous cet angle**), «при подобном освещении» (**sous cet éclairage**), «*в такой оптике» (**dans cette optique**), имеет двойственную метафорическую принадлежность: это одновременно и характеристика среды восприятия, которая предоставляет условия для зрения, и характеристика самого зрительного акта как процесса. Ради сохранения логики изложения, мы рассматриваем данный метафорический перенос в этой рубрике.

2.1.2. Освещение как процесс, его динамика в русском языке

В русском языке базовый глагол **осветить** в целом повторяет семантическую структуру французского **éclairer**: «сделать светлым, видимым; наполнить светом» (МАС). Зафиксировано переносное значение «оживить, сделать просветленным, радостным (лицо, черты лица)», где источником света становятся ГЛАЗА или УЛЫБКА, или же сама положительная эмоция, нигде не

локализованная. Данное употребление, как и в случае с французским языком, мы относим к области действия зрительной этической метафоры. В сфере эпистемических значений фиксируется употребление «изложить, истолковать что-л.»: *осветить в докладе какие-л. вопросы.*

Обратим внимание, что в русском языке происходит дифференциация значений глаголов освещения в соответствии с одушевлённостью / неодушевлённостью следующего за ними дополнения: так, французское **éclairer une question** переводится на русский как **осветить вопрос**, в то время как при переводе сочетания этого французского глагола с одушевлённым дополнением – **éclairer qqn**, как нами уже отмечалось, осуществляется при помощи глагола **просветить кого-л.** Можно предположить, что эта приставка **про-** иначе представляет динамику самого процесса: **про-**свещение означает, что свет *проходит сквозь* – в данном случае, сквозь субъекта, в то время как **о-**свещение предполагает внешний контакт на уровне поверхности.

Среди синонимов глагола **осветить** встречаем: **озарять, светить, бросать лучи, издавать (лить, струить) свет, обливать (обдавать) светом (лучами), осиять (осиявать), озлащать. Иллюминировать** город, сад.

Сразу отметим, что глагол **светить** не имеет эпистемической концептуализации – как мы предположили, в силу своей непереходности – и будет рассмотрен в рамках анализа этической зрительной метафоры.

Глагол **озарять** в первом значении определяется словарём МАС как синоним глагола «осветить». Переносным признается значение данного глагола «оживить, согреть, пронизать каким-л. чувством, настроением и т. п.». Дополнительный комментарий относительно аксиологической характеристики чувства и настроения не даётся; однако, в словаре Т.Ф. Ефремовой данное определение даётся более однозначно: «ярко освещать, заливать светом», «делать **сияющим, оживленным; освещать внутренним светом**». Внутренний свет, сияние предполагает освещение **ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИЕЙ**, что соответствует этической зрительной концептуализации. Второе переносное

значение является, напротив, эпистемическим – «**прояснять** чье-л. сознание, внушать кому-л. **ясность** мысли, делать кого-л. способным понимать что-л» (определение Т.Ф. Ефремовой); «неожиданно прийти на ум, прояснить чье-л. сознание» (МАС). Действительно, **озарение** предполагает понимание внезапное, что сопоставимо с резким переходом от невидения / темноты к чёткому зрительному восприятию / свету: «внезапное прояснение сознания, внезапное понимание чего-л.» (МАС).

Существительное **освещéние** определяется, помимо очевидного отглагольного «действие по значению глагола осветить—освещать», ещё и как «свет от какого-либо источника» (*вечернее, искусственное освещение*), «распределение света на картине, фотоснимке» (искусствоведческий термин), «техническое оборудование, дающее свет» (*электрическое освещение*), и наконец, переносное значение, обычно употребляющееся с определением – «объяснение, толкование чего-л., носящее тот или иной характер»: *дать правильное / новое освещение фактам*.

2.2. Свет, его виды и характеристики

Возвращение к модели описания метафорической перцептивной подценны **субъект – предикат – объект** позволяет расположить описываемый элемент действительности среди признаков среды восприятия (табл. 6):

Таблица 6

Место концептуализации света и его характеристик в структуре описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

2.2.1. Свет, его виды и характеристики во французском языке

Свет как неперемное условие нормального зрительного восприятия для человека занимает центральное место в когнитивном процессе концептуализации зрения и, как следствие, в метафорическом осмыслении интеллектуальной деятельности как таковой. Переносные значения слова **lumière** зафиксированы во французском языке довольно рано, уже в XII веке. Первое же определение – то, что освещает, просвещает дух – (Ce qui éclaire, illumine l'esprit) демонстрирует пресловутый тезис о неизбежности метафоры, ибо метафорическое значение слова свет определено через два метафорических глагола с первичной семантикой свечения.

Приведём примеры из Le Petit Robert к данной дефиниции: *les lumières de la raison* – свет разума, *la lumière de Dieu* – свет Бога, *les lumières de la foi* – *светы веры. В этой же словарной статье приводится абсолютное употребление данного существительного с определенным артиклем в значении Бога, Истины, Блага (*La Lumière, Dieu, la Vérité, le Bien*), а духи света как перифраз означают ангелов (*Les esprits de lumière, les anges*).

Второе определение понимает под словом свет то, что делает ясным (буквально, светлым), предоставляет объяснение, причём, что характерно, это значение реализуется преимущественно в глагольных сочетаниях, то есть, при передаче процессуальности (*ce qui rend clair, fournit une explication*) – как правило, свет проливается на объект: *L'auteur jette une lumière nouvelle sur la question.* – Автор проливает новый свет на этот вопрос. К устойчивым выражениям, приводимым в словаре под этой рубрикой, также относятся **Faire la lumière, toute la lumière sur qqch.**, что означает предоставлять все необходимые пояснения, и совпадающее с русским сочетанием **À la lumière des événements** – в свете событий.

Третье значение характеризует свет как состояние того, что видимо и очевидно для всех. Так, это переносное значение задействовано в создании выражения *agir, vivre en pleine lumière*, *действовать, жить на полном свету, открыто, ничего не скрывая (*sans rien dissimuler, ouvertement*). Аналогично, *pe*

pas craindre, ne pas redouter la lumière – не бояться света, (о человеке) не бояться, что его поступки станут известны: *N'ayant rien à se reprocher, il ne redoute pas la lumière* – Ему не в чем себя упрекнуть, он не боится света.

Отметим, что оба слова, **видимо** и **очевидно**, тавтологические по сути своей, как по-русски, так и по-французски достаточно красноречивы в своей внутренней форме и явно относятся к исследуемому нами концептуальному полю (*État de ce qui est visible, évident pour tous. Mettre en lumière, en pleine lumière, éclairer, signaler, rendre explicite* (cf. **Au grand jour**). – **выносить на свет**, или в русском варианте, **проливать свет на что-либо**).

Устаревшее значение **свет – знания** (*connaissance*) демонстрирует всё ту же стратегию; здесь, вероятно, можно предположить сначала метафорический перенос «свет как условие зрения – ясность как условие понимания», затем метонимический перенос с характеристики объекта на объект. Под той же рубрикой приведено значение слова свет, взятого во множественном числе и с определенным артиклем (**les lumières**), для обозначения собирательно интеллектуальных способностей, ума, а также совокупности всех приобретенных знаний¹ (*avoir des lumières sur qqch., sur un sujet – иметь знания по какому-либо предмету. J'ai besoin de tes lumières – Мне нужна твоя голова*). Именно это значение задействовано в создании устойчивого наименования XVIII века – **le siècle des lumières – Просвещение**.

Наконец, последнее в списке переносных значений, которое требует обращения со словом *свет* как с одушевлённым существительным: человек крайне большого ума, значимый человек, что соответствует русскому слову **светило**. (*Une lumière: une personne de grande intelligence, de grande valeur. Ce n'est pas une lumière: il n'est pas très intelligent. – Это не светило, т.е. он не очень умён*). Синонимом слова **lumière** в данном случае могут становиться

¹ См. трактовку, предложенную словарём Le Grand Robert (1996): «интеллектуальная способность, природная (ум) или приобретённая (знание, умение, наука)» (*la capacité intellectuelle, naturelle (intelligence) ou acquise (connaissance, savoir, science)*). Представляется, что подразделение интеллектуальных способностей на «врождённые» и «приобретённые» - вопрос достаточно спорный, в то время как локализация источника света по отношению к субъекту зрительного восприятия – подразделение на внутренний и внешний свет как условие зрения / понимания – вполне соответствует более глобальной логике концептуализации зрительной сцены.

существительные **flambeau** – букв. факел, **phare** – букв. маяк, фара².

На основании проанализированной словарной статьи представляется возможным выделить два онтологических соответствия. Во-первых, свет как условие *sine qua non* так же необходим для зрения, как наличие некоторых когнитивных способностей (вернее, вполне определенного уровня интеллектуального развития, который варьируется в зависимости от решаемой задачи) необходимо для понимания. Отсюда вытекает формула

LUMIÈRE, C'EST INTELLIGENCE

Во-вторых, в силу того, что естественный дневной свет обладает свойством угасать и появляться вновь, а освещение электрическое можно включать и выключать, существенной характеристикой является возможность произвольно осветить какой-либо объект, например, с целью его более пристального осмотра, или дожидаться, пока его осветит солнце. В данном случае свет выступает как вспомогательный элемент ситуации изучения, осмотра объекта, и введение этого элемента – *пролитие света* на что-либо – сопоставимо с привнесением дополнительной информации, необходимых пояснений, которые субъект когнитивной деятельности может получить при помощи некоего внешнего информационного источника. Очевидно, что информационный источник в этом контексте выступает в роли источника света.

LUMIÈRE, C'EST INFORMATION COMPLEMENTAIRE

Указанный нами источник света, в зависимости от степени своей

² Согласно трактовке словаря TLFi, логика метафоризации в данном случае следующая: раширительное значение от слова «маяк» - «любой мощный источник света, расположенный обычно на возвышении, который служит для освещения некой зоны, определённой площадки ночью». Отсюда развивается метафорическое значение – чаще всего книжное - «человек или объект, который освещает, излучает свет, который является гидом, моделью». (personne ou chose qui éclaire, rayonne, qui est un guide, un modèle): *Un des «phares» du cinéma muet, créateur du Septième Art ayant sa place aux côtés des Chaplin, Eisenstein et Griffith, Erich von Stroheim est un cinéaste mal connu (L'Express, 14 nov. 1966, p.47, col. 2) – Один из «маяков» немого кино, создатель Седьмого Искусства наравне с Чаплином, Эйзенштейном и Гриффитом, Эрих фон Штрохейм мало известен как режиссёр.* Точно также, слово *phare* может выступать как второй элемент составного существительного, придавая ему значение исключительного влияния: *écrivain-phare, livre-phare, film-phare, ville-phare.* Представляется, что в данном случае принципиальное значение имеет именно пространственная концептуализация освещения при помощи маяка, «вертикальная организация» оказываемого влияния, а световой семантический компонент обеспечивает этому влиянию / важности положительную аксиологическую оценку.

конкретности, также обладает набором интересных свойств, непосредственно сказывающихся на качестве освещения. Большое значение имеет такая характеристика, как *время пребывания наблюдаемого объекта в пятне света*.

- **Вспышка** есть внезапное качественное изменение освещения, в таком случае, объект, доселе находившийся в тени, вдруг оказывается в луче света, становится видимым. Это предполагает принципиальное изменение в качестве зрительного восприятия для субъекта. Онтологическим соответствием для данного явления будет **внезапное озарение** (само русское слово является метафорой, внутренняя форма очевидна: < **заря** >). Словарь Larousse предлагает выделить для слова **éclair**, с первым значением “молния” и со вторым значением “яркий и краткий свет” (*Lueur éclatante et brève*), особую третью дефиницию: «краткое проявление того, что имеет отношение к разуму» (*Brusque manifestation de ce qui a trait à l'intelligence: dans un éclair de lucidité. Éclair de génie – во время проблеска¹ сознания. Гениальное озарение*). Le Petit Robert не задействует в определении само понятие разума, ограничиваясь “внезапным и проходящим проявлением, кратким моментом чего-либо” (*Manifestation soudaine et passagère; bref moment. Un éclair de génie, de lucidité*), однако, приводимые примеры позволяют сделать вывод о сочетаемости слова в данном значении: *гениальность, сознание, идея*.
- Если **éclair** – непременно *яркая* вспышка, то с ней градуально сопоставим проблеск – **lueur**, определяемый как слабый, рассеянный свет, эфемерное свечение. Это слово используется, чтобы обозначить бледный, неверный свет (например, свечи), первые проблески дня и надвигающиеся сумерки. (*Lumière faible, diffuse; lumière éphémère. Lueur blafarde, pâle, tremblante, vacillante – проблеск блеклый, бледный, дрожащий, нетвёрдый. Les premières lueurs du jour – первые проблески дня. Lueur crépusculaire – сумеречный свет*). Уже знакомое нам метафорическое употребление слов с семантикой света для характеристики

¹ Eclair de lucidité приходится переводить как проблеск сознания, хотя éclair, с точки зрения яркости, - более сильное слово, чем lueur. Напряженное поле создается партнером – lucidité (см. далее), уже подразумевающим световую метафору, что оправдывает использование французского éclair. Русское существительное *сознание*, напротив, никак не работает на световую образность.

человеческих эмоций встречается здесь вновь. На этот раз, словом проблеск обозначаются сильные и мгновенно исчезающие выражения взгляда. (*Expression vive et momentanée (du regard). Une lueur malicieuse du regard – злобный блеск в глазах. Avoir une lueur de colère dans les yeux. У кого-либо в глазах светится ярость. Pas une lueur d'intelligence dans son regard. Ни единого проблеска ума в его взгляде*). Собственно переносное значение, предлагаемое в словаре Le Petit Robert, связывает рассматриваемое слово с внезапным освещением, слабым или мимолетным, лёгким налётом или следом от чего-либо (*Illumination soudaine, faible ou passagère; légère apparence ou trace. Lueur du souvenir – проблеск воспоминания. Lueur de raison, de lucidité. – проблеск разума, сознания. Une lueur d'espoir – проблеск надежды*). Наконец, последним в списке дефиниций значится употребляемое во множественном числе **lueurs** = «поверхностные знания по какому-либо вопросу» (*Connaissances superficielles sur un sujet. Avoir des lueurs, quelques lueurs sur qqch – кое-что знать о чем-либо; apporter ses lueurs sur un sujet – привнести свои скудные знания о чем-либо*). Интересна возникающая в данном случае оппозиция **lumières** – **lueurs**, соотносимая одновременно с количественной характеристикой световой интенсивности и с качественной характеристикой знаний.

Таким образом, различие между лексемами, устанавливающими онтологические соответствия с областью интеллектуальной деятельности, сводится к *градации степени проявления*. Чем ярче вспышка света, тем удивительней проявление когнитивных способностей субъекта. Эта качественная характеристика человеческого интеллекта сопоставима с яркостью света. Так и должна в идеале достраиваться цепочка логических связей в метафорическом комплексе: если СВЕТ это ИНТЕЛЛЕКТ, то чем ЯРЧЕ свет, тем СИЛЬНЕЕ проявляется интеллект.

LUMIÈRE, C'EST MANIFESTATION DE L'ESPRIT

ÉCLAIR, C'EST MANIFESTATION SURPRENANTE DE L'ESPRIT

LUEUR, C'EST MANIFESTATION MEDIOCRE DE L'ESPRIT

- В то время как *éclair* и *lueur* разнятся между собой в силу яркости, лексема **étincelle** – “искра” в качестве ведущей отличительной семы представляет размер. Искра есть ярко сияющая точка, отблеск. Опять, как мы уже наблюдали в предыдущих примерах, искры могут загораться во взгляде человека (*Regard qui jette des étincelles, où s'allument des étincelles*), а **блестящий** (NB!) успех может быть описан как **искрометный** (*Faire des étincelles: réussir brillamment*). Значение, предлагаемое нам в словаре Le Petit Robert – «искра как маленький отблеск» (*Petite lueur*) предполагает закономерный переход к световой метафоризации интеллекта. Подчеркивается в данном случае не степень/яркость, а количество/размер. (*Une étincelle de raison, de courage, un petit peu*. – искра разума, храбрости, т.е. немного).

Развивая начатое выше описание метафоризации свойств источника света, представляется возможным сказать, что если СВЕТ – это ИНТЕЛЛЕКТ, то ЯРКОСТЬ света – это КАЧЕСТВО интеллекта, а РАЗМЕР источника света – это КОЛИЧЕСТВО интеллекта.

LUMIÈRE, C'EST BEAUCOUP D'INTELLIGENCE

BRILLANCE, C'EST BEAUCOUP D'INTELLIGENCE

ÉTINCELLE, C'EST TRES PEU D'INTELLIGENCE

Таким образом, характерная взаимосвязь между яркостью и размером источника света, в принципе, коррелирует с взаимозависимостью количественного и качественного параметра интеллектуальных способностей. Обнаружение регулярных структурных соответствий между сопоставляемыми полями концептуальной метафоры, на что уже указывалось ранее, есть благоприятный прогностический признак, который позволяет с большей уверенностью утверждать, что описываемый метафорический перенос действительно функционирует.

Таким образом, с одной стороны, свет концептуализируется как *предоставление дополнительной информации* (внешнее по отношению к

субъекту познания), с другой стороны, он же воспринимается как **внутренне заложенная предпосылка для познания**. В обоих случаях, он создает ситуацию понятности, или ясности.

Охарактеризовав виды и источники света, подлежащие этической метафоризации во французском языке, обратимся к свойствам света.

Прилагательное **blafard** используется в первом своём значении применительно к свету и его временным вариациям (*en parlant de la lumière, du jour, du ciel, de la lune*) и определяется как «бледный, без яркости, беловатый (и кажущийся грустным)»: *soleil blafard; leur, lumière blafarde* [Mollard-Desfour 2008 : 116]. Последнее добавление, приводимое А. Моллар-Десфур в скобках, немаловажно, так как отсылает нас сразу же в область эмоциональной коннотации и, как следствие, аксиологической характеристики. Переносное значение данного прилагательного маркировано как «редкое»: «(о человеке, о стороне поведения): без интереса, без личности, без рельефности» (Пример А. Моллар-Десфур: *Mon ancien camarade... devenu depuis une si blafarde canaille... - Мой старый товарищ,... ставший с тех пор такой безвольной канальей*). Синонимом признаётся ещё одно световое прилагательное **blême**. Также слово употребляется для звуковой характеристики голоса: «бесцветный; монотонный, грустный». Производное существительное **blafardise** сохраняет оба основных значения – прямое и переносное – присущие данному прилагательному.

Синонимичное прилагательное **blême** также определяется через световой контекст: «о свете, источнике света, о конкретном объекте – чаще всего под воздействием освещения» («*en parlant d'une lumière, d'une source lumineuse, d'une chose concrète – le plus souvent sous l'effet de l'éclairage*»). В современном языке слово является устаревшим: «мертвенной белизны, очень бледный и блёклый; свет, которому не хватает силы, яркости, интенсивности» (*leur blême; clarté blême de la lune* – и метонимически, *l'aube blême; un jour, un matin blême*). При этом в ряду семантических ассоциаций присутствуют негативно коннотированные *le petit matin blême – утро смерной казни, l'heure blême – час*

смерти. Как правило, с негативной эмоциональной нагрузкой сопряжено и сочетание **blême de** + - бледный от; возможные варианты: *blême de frayeur, de colère, d'angoisse, de rage, de jalousie* – бледный от испуга, от гнева, от тревоги, от ярости, от ревности. Определение, которое предлагается для переносного значения, несёт на себе отпечаток этической метафоры: «бесцветный, плоский; без личности, без фантазии; прозрачный; неинтересный или меланхоличный (о художественном произведении; о характере человека)» (*auteur, écriture, vie blême* – бесцветный автор, меланхоличный стиль письма, тусклая жизнь). Интересен пример из М. Турнье, которые цитирует А. Моллар-Десфур: *...ce mot vague, blême et diaphane* – это смутное, бледное и прозрачное слово. Данный случай комплексной зрительной метафоры объединяет три свойства зрительного восприятия объекта: метафоризируются *чёткость контуров, яркость красок и прозрачность*.

Прилагательное **blet** сопровождается в словаре А. Моллар-Десфур пометой «пейоративное» в значении «тускло белый, бледный»; оно также применимо при характеристике света, неба, дня. Переносное значение маркировано как редкое: «тусклый, мрачный, печальный», «*terne, morne, triste*» [Mollard-Desfour 2008 : 173]).

Отметим устойчивое сочетание с гиперонимом **pâle** – бледный: **faire pâle figure** – «не блистать своими качествами; быть не заметным своими подвигами; быть тусклым (по сравнению с кем-то другим)» – «*ne pas briller par ses qualités; ne pas se faire remarquer par ses exploits; être fade (par rapport à quelqu'un d'autre)*» [Mollard-Desfour 2008 : 256]. В определениях выделяются выражения, содержащие метафорический компонент зрительной сцены, которые подчёркивают стратегию *яркость – заметность – степень качества*.

Прилагательное **clair** также может обозначать бледность в некоторых контекстах, прежде всего, при обозначении насыщенности цвета. Однако, как отмечает А. Моллар-Десфур, доминирующим семантическим компонентом в

данном слове является именно освещённость, свет¹, и следовательно, ему несвойственны те негативные коннотации, которые сопровождают синонимы *râle, blême*, и т.д.

Таким образом, мы можем отнести переносные употребления группы прилагательных, обозначающих бледный свет, к области действия метафорической стратегии

LUMIERE, C'EST LE BIEN

и, конкретнее,

ECLAT, C'EST LE BIEN

Блеск и яркость, как отмечалось раньше, концептуализируются как факторы, привлекающие взгляд, соответственно, всё то, что лишено интереса, всё монотонное, бесцветное, бесхарактерное, определяется при помощи прилагательных бледности: *blafard, blême, blet...*

2.2.2. Свет, его виды и характеристики в русском языке

Семантическая структура концепта *свет*, отражённая в русскоязычной лексикографии, во многом повторяет представленную выше структуру французского концепта *lumière*, однако, наблюдается ряд отличий в его концептуализации.

В толковом словаре В. И. Даля **свет** определяется от противоположного, как состояние, противоположное «**тьме, темноте, мраку, потемкам**, что дает способ **видеть**». В словаре Д. Н. Ушакова деление более дробно: свет понимается как «**освещение**, исходящее из какого-н. источника и воспринимаемое **зрением**» и, только в единственном числе, как «место, откуда исходит освещение, направление светового луча» (*Подойдите поближе к свету. Очутившись ночью в незнакомой местности, я пошел на свет. Стать против*

¹ «Mais clair, plus que la couleur, exprime la luminosité, la lumière, qualifie ce qui rayonne, illumine, permet de voir: *feu clair; temps clair; nuit claire; clair de lune*» [Mollard-Desfour 2008 : 257] – «Но *светлый* выражает скорее не цвет, а свечение, свет, характеризует то, что сияет, освещает, позволяет видеть: *светлый огонь, светлая погода, светлая ночь, лунный свет*».

света). Также в русском языке слово **свет** расширительно обозначает «светлое время» (*ни свет, ни заря*) или «освещённое, светлое пространство» (*летом свет во всю ночь, светло; выйти на свет*), а также, что весьма интересно и нехарактерно для языков Западной Европы, может обозначать мир: *не только свету, что в окне: на улицу выйдешь – больше увидишь* (в этом отношении свет характеризуется эпитетами *Божий, белый*) и людей, его населяющих (*по секрету всему белу свету*).

Указанное значение «Вселенная, мир, земля наша, шар земной» строится по принципу метонимического расширения, или, в терминах французской индексальной семантики, в контексте прагматологических связей: мир есть то, что освещено (и видимо): *Птичьего молока по всему свету не найдешь. Белый свет не клином стал (или сошелся), простору много. Не нами свет начался, не нами и кончится*. Вероятно, метонимический перенос **свет – освещённое пространство** лежит в основании пространственной концептуализации света; например, классический пример из Грибоедова: *Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!* Аналогично, употребление **на свете**: *жил-был на свете...*

Значение **свет – мир** получает интересное развитие в противопоставлении **этот свет – тот свет**, мир «подлунный» и мир «загробный». Стоит отметить, что в этом случае на уровне производного значения происходит отступление от традиционных представлений об отсутствии *физического света* в «потустороннем мире».

Так, например, в толковом словаре Д. Н. Ушакова приведены разговорные устойчивые выражения «отправить на тот свет» – убить; «отправиться на тот свет» – умереть. Эта логика продолжается в выражениях **явиться (появиться) на свет** или **увидеть свет** – «родиться; переносное: возникнуть, появиться; реализоваться; появиться в печати». Однако, здесь возможна и интерпретация через первичное, зрительное значение света: свет = условие зрения и объект зрения; начать видеть = начать жить; зрение = наиболее *очевидный* (для

субъекта) признак жизни.

Разграничение понятий *свет = мир* и *свет = люди* позволяет по-разному трактовать некоторые языковые употребления. Например, по-русски говорят *увидеть свет* – родиться, *издать книгу в свет / выйти в свет*, то есть, напечатать и пустить в продажу; при этом, выражение *покинуть свет*, в зависимости от контекста, может принимать значения *умереть* (покинуть свет как жизненное пространство), или *удалиться, уединиться, жить одиноко* (покинуть людей, общество), или *идти в монастырь* (отрешиться от мирской суеты).

В контексте пространственного употребления у В. И. Даля объясняется слово *преставленья света / светопреставленья*, страшный суд и конец миру. Нам всё же кажется, что было бы логичней рассматривать данное понятие в контексте значения «род людской, мир, община, общество, люди вообще» - ибо на страшном суде *преставляется* не только мир как пространство, но и, прежде всего, населяющие его люди. Сужение этого значения позволяет определить свет как «отборное, высшее общество, суетное в обычаях или условиях жизни» и, соответственно, производным от него является значение «суетность, мирщина; все земное, житейское, насущное, противополож. духовное, нравственное, Божеское».

Концептуализация света как физически объёмного, занимающего место в пространстве, конкордантна с устойчивым выражением **пролить** или **бросить свет на что-либо**, что, с пометой «книжное, переносное», означает «разъяснить что-н., сделать доступным для понимания, дать возможность понять, познать что-нибудь». Свет в своём первичном, «наивно физическом» значении, также свободно ассоциируется с положением в пространстве, возможны такие комбинации с предлогами, как разговорное и несколько устаревшее **в свету** – в освещенном месте, **на свет** – если посмотреть сквозь что-н. против света, **на свету** – при свете, при освещении.

Хоть это значение и не выделяется особо в толковых словарях русского

языка, свет толкуется как определённый способ видения и, шире, восприятия освещённого объекта; ср. *представляться в розовом свете; в невыгодном свете*.

Аксиологические ассоциации построены зачастую по принципу противопоставления света и тьмы. Употребление, восходящее к теории экстрамиссии – **свет глаз** – определяется как «блеск глаз, выражение какого-нибудь (доброе, нежного и т. п.) внутреннего состояния». В данном случае действует аксиологическое соотнесение света с чем-либо положительным.

Следующим значением, представленным в словаре В. И. Даля, является «освещение, что дает свет или светит» (в один ряд ставятся примеры *у вас какой свет? / у нас свет казенный и на дворе свет, светок*). Традиционно устанавливается и связь «просвет, простор для света», что на сегодняшний момент для литературного языка является устаревшим значением, как и французский аналог: *окно или дверь пяти, шести четвертей в свету; прорубить свет, окно*.

Ключевое семантическое сближение реализуется на уровне свет = «**видение, зрение, свет очей**, способность различать глазами, видеть»: *у него свет отнялся, свету нет, он темный, невидущий, невишиной, слепой, ослеп. Свет очей его погас. Бог ему свету не дал, свет отнял*. Интересно отметить в примерах В. И. Даля две возможные интерпретации: свет присутствует в глазах зрячего человека (экстрамиссия) или является внешним условием зрения (интрамиссия).

Эпистемическая зрительная метафора присутствует в концептуализации СВЕТА как ИСТИНЫ: «истина или правое ученье, наука, просвещение», причём у В. И. Даля здесь же фигурирует религиозное употребление, они в некотором смысле сливаются воедино: *свет веры, истины – Евангелие. Свет разума, ученье или наука. Ученье свет, а неученье тьма. Мы ныне свет увидали = наставились, просветились. Потемщики¹ света не ищут. Народ озарился светом христианства*.

¹ Cf. obscurantist

Употребление слова **свет** как ласкательного обращения (*свет, светик мой, свет очей моих*) также нехарактерно для европейских языков, хотя и демонстрирует общую тенденцию положительной коннотации, со светом сочетающейся: *Ты мой свет очной! Один брат – один свет милый.*

Получается, что в рамках так называемого «конкретного» значения слова **свет** в русском языке выстраивается следующая причинно-следственная метонимическая цепочка: СВЕТ происходит от ИСТОЧНИКА СВЕТА и непосредственно связан с ОСВЕЩЕННЫМ ПРОСТРАНСТВОМ, которое расширительно понимается как ВЕСЬ МИР и, далее, как ВСЕ НАСЕЛЯЮЩИЕ МИР ЛЮДИ; впоследствии значение сужается и включает в себя теперь только ИЗБРАННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛЮДЕЙ:

Дальнейшее развитие зрительных метафор строится «перпендикулярно» этой схеме (ср. Picoche 1986 : 135) и в общих чертах совпадает с моделью европейской концептуализации.

Следуя логике модели, описанной на материале французского языка, мы обращаемся к видам источников света и к различиям между ними.

Искра в конкретных своих значениях в толковом словаре Д. Н. Ушакова определяется как «мельчайшая частичка горящего или раскаленного вещества», затем, расширительно, «мелкая блестящая частица с переливающимся блеском», «мелкие крапинки другого цвета или оттенка». Толковый словарь В. И. Даля, на наш взгляд, удачней отражает сущностные характеристики данного концепта: он определяет искру не только через сему размера, но и через сему блеска и яркости: «горящая крошка, малейшая частица раскаленного или горящего вещества, огненная капля, брызг. Яркая, блестящая крошка, крупинка чего либо, особ. стекла или дорогого камня».

Как переносные помечены два значения: «здатки чего-н., зачаток какого-

н. чувства, какой-н. способности (книжн. поэт.)», например, *заронить в ком-н. искру, искра таланта*; а также «внезапное, поражающее проявление чего-н., особый блеск (книжн.)», например, *искры остроумия*. В.И. Даль определяет это значение – *искра ума, любви и пр.* – как *малейшую степень*.

Таким образом, определяющими для *искры* являются семы объёма источника света и, соответственно, количества света и его яркости – *мельчайшая, мелкая, задатки, зачаток*, – причём в переносном значении свет этот соотносится с положительно оцениваемым качеством, количество которого подлежит характеристике: талант, остроумие.

При рассмотрении паремий русского языка в толковом словаре В. И. Даля обращает на себя внимание потенция, в искре заложенная: несмотря на свой размер, она является огнём:

1. Противопоставление по количественному признаку в рамках единой онтологической сущности, мало огня – много огня: *От искры пожар рождается. От малой искры, да большой пожар; Пока искра в пепле, пока и шути (и туши)*;
2. Противопоставление по количественному признаку огня и противоположной ему горячей субстанции: *От искры сыр бор загорался. От малой искры сыр бор загорается. От искры (от копеечной свечки) Москва загорелась. Малая искра города пожигает, а сама прежде всех помирает (погибает)*.
3. Идея количественной недостаточности: *Искрами избы не натопишь*. Сюда же, на наш взгляд, можно отнести эмфатические отрицания вроде *нет в нем ни искры правды*.

Интересно отметить, что в русском языке глаза могут являться источником искр: *искры из глаз посыпались* (у В. И. Даля отмечен вариант *звёзды*), что означает в разговорной речи – в глазах *зарябило*, явилась *иллюзия рассыпавшихся искр*. Соотнесённость данного выражения со светом, который глаза излучают, вероятно, возможна, однако положительная аксиология в данном случае отсутствует совершенно.

Дериваты данного существительного – **искристый**, **искрить** = метать искры, **искриться** = блеснуть искорками, сверкать, **искромётный**, **искрящийся**, **искромётность** – довольно полно воспроизводят его аксиологическую световую семантику, однако, развитие значения уходит от семы количества в пользу актуализации, во-первых, семы яркости, а во-вторых, нейтрализации семы точечности, кратковременности: искристость и искромётность суть характеристики длительности, постоянного качества объекта, который непрерывно излучает малые – и яркие – количества света, что в сумме даёт нам в определении столь сильный синоним, как «сверкающий».

Проблеск определяется как «внезапно показывающийся или прорывающийся сквозь темноту блеск, свет» (*проблески зарницы*), в переносном же значении и, как правило, во множественном числе – как слабое появление чего-либо (например, *сознания, ума*). Также в переносном значении, этим словом может именоваться «кратковременный период чего-н. отрадного, желаемого»: *проблеск счастья, хорошей погоды*. В любом случае, свет здесь соотносится с мотивом присутствия, причём присутствия чего-либо, аксиологически воспринимаемого как должное / положительное. Проблеск образуется светом – в прямом или переносном смысле –, который встречает на своём пути препятствия – как то *темнота, обморок, кома, несчастье, непогода...*

На противопоставлении, контрасте света и тьмы строится значение слова **просвет**, которое определяется, прежде всего, как «светлая полоса или слабый луч света в неосвещённом пространстве» (*просвет окна, между деревьями, в тучах, в облаках*). Причём в словаре, например, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой подчёркивается мотив сопротивления свету со стороны темноты: «проникающий, пробивающийся через что-н. луч света или светлая полоса». Аналогично развивается и переносное значение этого существительного: на фоне негативно оцениваемого состояния, события, происходит «улучшение, облегчение; удача, счастье»: *жизнь без просвета*.

Остальные значения определяются метонимией: то, через что свет может проникнуть в неосвещённое пространство: «узкое отверстие для света», «ширина окна или двери между косяками» «промежуток» (*гонщики шли с просветом в несколько секунд*), «цветная продольная полоска на погонах».

Соответственно, слово **беспросветный** означает, с одной стороны, «совершенно темный» (*беспросветная тьма, беспросветный мрак*), с другой стороны, «очень мрачный, лишенный радости, без надежды на лучшее» (*беспросветная жизнь, тоска, беспросветное горе*).

2.3. Препятствия на пути света

Традиционно возвращаясь к модели описания метафорической перцептивной подсцены **субъект – предикат – объект**, мы располагаем описываемый элемент действительности среди признаков среды восприятия (табл. 7):

Таблица 7

**Место препятствий на пути света
в структуре описания зрительного эпизода**

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

2.3.1. Препятствия на пути света во французском языке

К числу объективных факторов, затрудняющих нормальное зрительное восприятие, следует отнести, прежде всего, темноту как имманентно присущую характеристику суточного цикла; метеорологические проявления разного рода, влияющие на видимость (туман, тучи, облака); наконец, физические свойства предмета, скрывающего от глаза наблюдателя интересующий его объект.

Экстраполируя данную структуру на поле когнитивной деятельности, получим неясность, непонятность как некую константу ситуации, характеризующую либо когнитивные способности субъекта, либо природу объекта познания; временные “неполадки” того и другого, затмевающие рассудок и создающие помехи на пути понимания.

Obscurité как отсутствие/недостаток света развивает три абстрактных значения: «отсутствие ясности, понятности (текста)» (Défaut de clarté, d'intelligibilité (d'un texte)), расширительно – состояние того, что является малоизвестным (État de ce qui est mal connu) – *Beaucoup de points restent encore dans l'obscurité – Много вопросов до сих пор покрыты мраком*. Сведение данной общей характеристики к уровню конкретных ситуаций позволяет применять это слово в качестве исчисляемого существительного для обозначения неясного отрывка/вопроса, непонятного происшествия (passage, point obscur; événement incompréhensible). Наконец, последним в ряду данных абстрактных значений является безвестность – ситуация *без блеска*, при которой субъект остается тёмным, неизвестным, непризнанным (Situation sans éclat, où l'on reste obscur, inconnu, ignoré). Таким образом, слово *obscurité* противостоит следующим антонимам: с одной стороны, **clarté, lumière** – как в конкретном прямом значении, так и в главном переносном значении; с другой стороны, **évidence, netteté** и **célébrité, renom**. Трансформируя ситуацию непонятного, покрытого мраком, в отсутствие информации для субъекта, и ситуацию безвестности в отсутствие информации о субъекте, получаем парное соответствие:

OBSCURITÉ, C'EST MANQUE D'INFORMATION

CLARTÉ, C'EST L'INFORMATION COMPLÈTE

В рамках этой же стратегии функционирует концепт сумерек – **ténèbres** –, результирующий в прилагательном **ténébreux**. Книжное слово на сегодняшний день, в прямом своем значении оно помечается в словаре как чаще всего имеющее моральную коннотацию (le plus souvent avec une valeur morale) *Où il y a des ténèbres, où il fait noir. – дословно: где есть мрак, где черно. Bois ténébreux*

– сумрачный лес.

Второе значение, многослойное с точки зрения реликтовой семантики, вовлекает одновременно метафорику этическую и эпистемическую: *Qui fait le mal en se cachant* – причиняющий зло, прячась; *Qui se cache, se trame dans l'ombre* – тот, кто прячется, интригует в темноте. *Une ténébreuse intrigue* – сумрачная интрига. *Ténébreux desseins* – Сумрачные намерения. Очевидно, имплицитная семантика угрозы, опасности, подразумевающая оценочность со стороны субъекта, сочетается в данном случае с неизвестностью.

Аналогично, двойственной семантикой обладает и третье значение – *Obscur pour l'esprit, difficile à comprendre, à élucider* – тёмный для рассудка, сложный для понимания, для прояснения и *Secret et dangereux* – тайный и опасный. *Une ténébreuse affaire* – Тёмное дело. При описании личности, слово это применимо к человеку мрачному и меланхоличному (*Sombre et mélancolique*), что в шуточном употреблении даёт “сумрачного красавца” (*un beau ténébreux*), литературную аллюзию на Амадиса Галльского.

Темнота, выступающая как препятствие *par excellence* для чёткого зрительного восприятия, не является при этом единственной составляющей данной подсцены соответствий. Ранее отмечавшийся нами перенос

LE BROUILLARD, C'EST UNE CONFUSION D'ESPRIT

уместнее всего рассматривать в рамках данного раздела. Так, прилагательное **brumeux** – туманный – получает переносное значение “недостаточно ясный” (*Qui manque de clarté*): *Une philosophie brumeuse* – Туманная философия. Основываясь на аналогичной метафоре, действуют прилагательные **fumeux** – дымный (*idées, explications fumeuses* – дымные идеи, объяснения), **nébuleux** – облачный, туманный (*auteur, philosophe nébuleux* – туманный автор, философ) и **nuageux** – облачный (*esprit nuageux* – затуманенный рассудок).

Так, могут быть определены частные варианты выделенного соответствия, объединяемые единой категорией метеорологических состояний, затрудняющих видимость:

LA FUMÉE, C'EST UNE CONFUSION D'ÉSPRIT

LE NUAGE, C'EST UNE CONFUSION D'ÉSPRIT

Препятствие прохождению световых лучей также выражается прилагательным **opaque** – матовый, непрозрачный (*verre opaque – непрозрачное стекло*), которое развивает дополнительные значения «очень тёмный, без света» (*Nuit, ombre opaque – непроницаемая ночь, темнота*) и переносное «не поддающийся пониманию, смысл которого не дан» (*Qui ne se laisse pas comprendre, dont le sens n'est pas donné*). Примерами употребления последнего могут служить выражения *mot opaque – непонятное слово; Un être, un personnage opaque – загадочный, непонятный человек, создание*.

TRANSPARENCE, C'EST COMPRÉHENSIBILITÉ

OPACITÉ, C'EST INCOMPRÉHENSIBILITÉ

Итак, концептуализация темноты задействована равным образом в этической и эпистемической метафорике; характеристики среды, затрудняющие видимость, систематически уподобляются условиям, препятствующим адекватному пониманию.

2.3.2. Препятствия на пути света в русском языке

Эпистемическая концептуализация препятствий на пути света предполагает метафорическое создание помех либо для света внутреннего по отношению к субъекту восприятия (помутнение сознания, нарушение ясности мысли), либо для внешнего (изменение степени освещённости объекта, препятствующее чёткому видению).

Среди антонимов, предложенных в словаре М. Р. Львова¹, находим систему противопоставлений: свет versus темнота, тьма, темь, мрак, мгла, сумрак, тень. Распределение данных антонимов между эпистемической и этической зрительной метафорой крайне неравномерно: метафорических

¹ **Словарь антонимов русского языка:** около 3200 антонимических пар. Автор М.Р. Львов. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2002. Доступен в Интернете по адресу: <http://www.gramota.ru/slovari/info/lv/>

значений, согласно трактовке МАС, не развивают существительные *тьма* (отсутствует в МАС, вместо него присутствует *темень*), *мгла*, *сумрак*; к этической области относится и существительное **мрак**, которое определяется в МАС как «полное отсутствие света, освещения; *тьма*, *темнота*»; *перен. чего* или *какой* «безотрадность, безнадежность». Идиоматическое сочетание **покрыто мраком неизвестности** — «совсем, совершенно неясно, неизвестно» всё же отражает концептуализацию неизвестности, фактора, который препятствует пониманию / суждению, при помощи мрака, затрудняющего зрительное восприятие. Также преимущественно этическая метафоризация свойственна существительному **тьма**. Исключение составляет выражение **навести тень** (на плетень, на ясный день) — «намеренно запутать, сделать неясным что-л.». Прослеживается определённая концептуализация зрительного эпизода: *тьма* здесь является скорее препятствием для зрительного восприятия со стороны субъекта, чем затемнением свечения, исходящего от объекта. Ухудшение зрения последовательно соотносится с недостаточностью понимания. Также в этом контексте следует рассматривать такие выражения как **оставаться / держаться / быть в тени** — «стараться быть незаметным, не выделяться, оставаться незамеченным» и **оставлять в тени что** — «не разъяснять, не освещать чего-л.». Отметим, что в двух приведённых определениях четыре смысловых глагола, через которые ведётся толкование — **выделяться**, **оставаться незаметным / незамеченным**, **разъяснять**, **освещать** — принадлежат к метафорической концептуализации зрительного эпизода.

К собственно эпистемической метафоре относятся такие антонимы света, как **темнота** (МАС определяет *темноту* в первом значении как «отсутствие света, освещения; *мрак*, *тьма*»); два переносных значения — «неясность, непонятность» и «невежество, культурная отсталость»); **тьма**¹: «темнота, *мрак*»; в переносном значении — «неведение, невежественность, культурная отсталость».

¹ При этом именно *тьма* сочетается с прилагательным, передающим абсолютную степень качества: *крошечная*

Интересно, что для русского языка характерно сугубо этическое метафорическое использование целого ряда лексических единиц со значением темноты. При помощи «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова¹ устанавливается следующий синонимический ряд для прилагательного **темный**: **мрачный, пасмурный, тусклый, беспросветный, непроглядный, непроницаемый**; ср. *неясный, подозрительный; невежда, неизвестный, неясный, подозрительный, преступный; безграмотный, дилетантский, малограмотный, невежественный, неграмотный, неуспевающий, серый; злополучный, злосчастный, черный.*

Такие прилагательные, как **мрачный**, «погруженный во мрак; темный» / «перен. **беспросветный**, гнетущий, тяжелый» / «погруженный в тяжелое раздумье, испытывающий чувство безотрадности, безнадежности; угрюмый»; «выражающий угрюмость»; «исполненный тяжелых, безрадостных мыслей, чувств»; **пасмурный** «с облаками, закрывающими небо; сумрачный»; «плохо освещаемый днем»; / «мрачный, невеселый, хмурый»; **тусклый** «мутный, непрозрачный»; «не имеющий блеска, потерявший блеск; «неяркий, выцветший, поблекший» (*тусклые краски*); «неясный, нечеткий (о контурах, очертаниях)» / (о свете, состоянии освещения) «неяркий, слабый», «серый, пасмурный, темный» (*тусклый день, тусклое небо*) / «без блеска, безжизненный, невыразительный (о глазах, взгляде)», «бессодержательный, неинтересный, скучный, серый»; «лишенный своеобразия и выразительности; бесцветный»; **непроглядный** «такой темный или густой, плотный, что ничего нельзя разглядеть; беспроглядный» / «перен. безрадостный, безотрадный».

Слово-синоним предыдущему прилагательному, **непроницаемый**, напротив, находится исключительно в рамках эпистемической зрительной метафоры. Первое конкретное значение в МАС предоставляет толкование для последующего семантического развития: «не пропускающий сквозь себя что-л.

¹ Словарь доступен на сайте <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?ab>

(воду, свет, звук и т. п.) || такой, через который нельзя проникнуть взглядом, очень темный, очень густой, плотный» (*непроницаемый мрак, непроницаемая масса деревьев*). Проникновение взглядом как процесс предполагает большую активность со стороны субъекта, нежели просто смотрение как таковое, это некое напряжённое вглядывание. Активная позиция субъекта, как нами было показано выше, часто приводит к концептуализации эпистемической. Вторая дефиниция отражает эту метафорику: «перен. такой, который нельзя понять или узнать, недоступный для других» (*непроницаемый для человеческого разума; непроницаемая тайна*). Третье значение, также производное от первого и очень близкое второму, предполагает перенос акцента с непонятности априорной на непонятность, намеренно моделируемую объектом: «перен. такой, который скрывает свои чувства, намерения и т. п.; скрытный» (*непроницаемый человек*); «выражающий скрытность, свидетельствующий о скрытности» (*непроницаемое лицо*).

Что же касается списка прилагательных, с которыми предлагается сравнить значение заглавного слова **тёмный**, их распределение на две метафорические группы становится очевидно:

1.1. эпистемическая концептуализация, при которой ТЕМНОТА приравнивается к ЗАТРУДНЕНИЮ зрительного восприятия и, следовательно, понимания: *неясный, неизвестный*.

1.2. эпистемическая концептуализация, при которой ТЕМНОТА приравнивается к качеству субъекта, к отсутствию внутреннего света ИНТЕЛЛЕКТА, что, как и в предыдущем случае, приводит к затруднённому пониманию: *безграмотный, дилетантский, малограмотный, невежественный, неграмотный, неуспевающий, серый*.

2.1. этическая концептуализация, при которой ТЕМНОТА соотносится с НЕГАТИВНОЙ ЭМОЦИЕЙ, отрицательной аксиологической оценкой того состояния, пациентом которого является объект: *злополучный, злосчастный, черный*.

2.2. этическая концептуализация, при которой ТЕМНОТА понимается как ОПАСНОСТЬ, исходящая от активного объекта, аксиологическая оценка здесь непосредственно направлена на темноту *объекта*, а не на темноту *среды*: *подозрительный, преступный*.

В отличие от французского языка, метафорическое осмысление динамической ситуации возникновения препятствий для зрительного восприятия преимущественно принадлежит этической области: назовём такие глаголы, как **(по)темнеть**, «становиться темным или более темным»; «(сов. *стемнеть*) *безл.* о наступлении сумерек, вечера»; «выделяться своим темным цветом, виднеться (о чем-л. темном)» / «становиться мрачным, угрюмым; мрачнеть»; **(по)мрачнеть**, «становиться мрачным, темным» / «становиться угрюмым, хмурым».

Собственно глаголы метеорологических состояний в русском языке, как и во французском, чаще реализуются в рамках эпистемической метафоры. Например, динамическая ситуация, отражённая в глаголе **(за/о)туманить**, «застилать, затемнять собой, делать невидимым что-л. (о пыли, дыме и т. п.)», определяется в МАС как глагол зрительной ситуации: «застилать, заволакивать (глаза), мешая ясно видеть». В рамках этого же определения приводится, с пометой *перен.*: «мутить (сознание, мысли), лишая способности ясно, отчетливо соображать» (из примеров МАС: *страсть туманит голову, грусть туманит мысли*). ТУМАН как ПРЕПЯТСТВИЕ на пути света / затрудняющее зрительное восприятие метафорически переносится на ситуацию ПОНИМАНИЯ, в которой СОЗНАНИЕ уподобляется СРЕДЕ ВОСПРИЯТИЯ, в которой происходит не зрительный, а интеллектуальный, ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ процесс¹.

Одно из базовых прилагательных для обозначения ситуации непонимания, **неясный**, определяется в МАС для области зрения как «плохо,

¹ Ср. сложное прилагательное *умопомрачительный*, которое, не имея отношения к собственно зрительной ситуации, во внутренней своей форме отражает представление о том, что *ум можно помрачить*; характерно также, что в русском языке данное прилагательное получает положительную коннотацию и в некоторой степени сходно с французским *éblouissant*.

неотчетливо видимый» и, следуя логике синэстетической метафоры, для аудиальной области – «неотчетливо слышимый, неразборчивый». Третье и четвёртое значения, как нам представляется, разделены на две дефиниции искусственно: «неопределенный, смутный» (*неясные речи, соображения, предчувствия*) и «такой, который невозможно, трудно понять; непонятный» (*неясные обстоятельства, но раздумал*).

Данному прилагательному в словаре Н. Абрамова приводятся следующие синонимы, как и следовало ожидать, преимущественно зрительные: **темный, мрачный, мутный, смутный, пасмурный, туманный, тусклый, непонятный, невнятный, недостижимый, непостижимый, неуловимый, неразборчивый, запутанный, сбивчивый; бледный, глухой, двусмысленный, загадочный, замысловатый, матовый, расплывчатый, таинственный.**

На этом заканчивается описание *среды зрительного восприятия* в рамках зрительной эпистемической метафоры. В целях организации процедуры анализа, мы представили данный элемент зрительного эпизода как триаду компонентов – освещение как динамический процесс; свет, его виды и характеристики; препятствия на пути света. Два оставшихся базовых элемента зрительного эпизода – **субъект и объект зрительного восприятия и их свойства.**

2.4. Объект зрительного восприятия, его свойства

Свойства объекта зрительного восприятия играют ключевую роль в зрительном эпизоде. Прежде всего, следует назвать две пресуппозиции зрительной сцены, описанные А. А. Кретовым – *принципиальная и актуальная зримость* объекта. Представляется, что каждую из этих предпосылок можно охарактеризовать более детально. В предложенной нами трёхчастной модели описания метафорической перцептивной подсцены **субъект – предикат – объект** свойства объекта и его действия занимают центральное место (табл. 8):

**Место концептуализации объекта зрительного восприятия
в структуре описания зрительного эпизода**

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

**2.4.1. Свойства объекта зрительного восприятия
во французском языке**

Исходной характеристикой объекта, необходимой для дальнейшего анализа его зрительного восприятия, должна быть признана видимость. Видимый объект (**visible**) сопоставляется в рамках нашей метафоры с природой познаваемого. Поэтому, после первого буквального значения, данное прилагательное определяется как «*sensible ou rendu sensible aux sens (et spécialement au sens de la vue), en parlant d'une réalité abstraite, mentale ou globale (opposé à caché, invisible)*». cf **apparent, manifeste** – «понятный или становящийся понятным при помощи чувств (особ. зрения), применительно к абстрактной, ментальной или глобальной реальности». Отсюда возникает оппозиция видимого и невидимого мира, причём представлением видимого является **образ** (*Représentation du visible. image*).

Расширительно, видимым называется всё то, что проявляется во *внешнем виде* (очередная неизбежная тавтология) и может быть зафиксировано при помощи органов чувств. Перцептивная семантика доминирует в таких употреблениях, как *avec un embarras, un plaisir visible* – с *видимым смущением, удовольствием. Il a fait des progrès visibles* – Он сделал *ощутимые успехи.. Il est visible que...*, - очевидно, ясно, что.

Два из четырех предлагаемых в словарной статье антонимов Le Petit Robert – **caché** – скрытый, **invisible** – невидимый – апеллируют к той же

зрительной семантике. Первый вариант подразумевает наличие физической помехи для зрения, скрывающий объект, тем самым, отсылая к вопросу об актуальной зримости, второй просто утверждает статус. Оставшиеся варианты (**secret** и **douteux**) задействуют только переносное значение загадочности и неизвестности невидимого.

Очевидность, явность – **évidence** – характеристика, прежде всего, когнитивная, так как существует всегда по отношению к субъекту познания, которому не требуется никаких дополнительных доказательств перед лицом очевидности. Отсюда возникает выражение **en évidence** – на виду, употребляемое как в прямом, так и в переносном смысле. Феномен привлечения внимания к чему-то, будучи не связан напрямую со зрительным восприятием, задействует эту образность в сочетании *mettre un principe en évidence* – *делать очевидным принцип* (т.е., **montrer** – показывать).

Прилагательное **évident**, в свою очередь, определяется через такие зрительные синонимы, как **apparent, clair, flagrant, manifeste, transparent, visible**. *C'est un fait évident aux yeux de tous* – *Этот факт очевиден в глазах всех*. Или же, в более фамильярном варианте, **saute aux yeux** – бросается в глаза.

Качество, обозначаемое прилагательным «очевидный» – **apparent** – предполагает, прежде всего, физическую явленность (*Qui apparaît, se montre clairement aux yeux*), что в переносном употреблении (синонимы **évident; clair, manifeste, visible**) предполагает явленность когнитивно воспринимаемую, безошибочно распознаваемую и оцениваемую: *Dangers apparents et dangers latents* – *опасности явные и скрытые*; *Sans cause apparente* – *без видимой причины*; *Une ruse trop apparente* – *слишком явная хитрость*. Второе значение – «кажущийся» – основано опять-таки на зрительной образности, на идее об обманчивом, на сей раз, чувственном восприятии, об иллюзорности (*Le mouvement apparent du Soleil autour de la Terre* – *кажущееся движение Солнца вокруг Земли*).

Итак, принципиальная зримость объекта восприятия – предпосылка, даже

не облегчающая, а делающая возможным зрительное восприятие, условие *sine qua non*, соотносится с *лёгкостью* интеллектуального восприятия, со снятием необходимости прилагать когнитивные усилия для понимания. Это определённое понижение степени необходимости характеристики для эпизода в целом возможно выразить соответствием:

VISIBLE, C'EST BIEN COMPRÉHENSIBLE,

причём это качественное уточнение ХОРОШО возникает вопреки непосредственным логическим переносам структуры концептуальной сцены.

Только при условии видимости объекта можно говорить о характеристиках получаемого изображения. Основными свойствами явленного можно считать *чёткость его контуров* и *яркость получаемого изображения*. Аналогично, при условии понимания следует определить такие его качественные характеристики, как *ясность понимания* и *эвристическое качество интеллектуального продукта*.

Нечёткость и расплывчатость контуров напрямую соотносится с расплывчатостью ментальных представлений **vague**: *расплывчатые очертания гор — contours vagues des montagnes* и *formule vague — расплывчатая формулировка, vague promesse — туманное обещание, vague mélancolie — безотчётная грусть*. Аналогично, характеристика чёткости, очерченности — **précis** – равно применима к области зрительной и ментальной.

Так, в словаре Grand Robert прилагательное **net** определяется как «отличающийся резко очерченными контурами, что не оставляет ни малейшей путаницы, ни малейшей двусмысленности (**ясный, отчётливый чёткий**) + ясный (в интеллектуальном плане)» (*qui frappe par des contours fortement marqués à empêcher la moindre confusion, la moindre ambiguïté (clair, distinct, précis) + clair (dans l'ordre intellectuel): se faire une idée nette de... - создать себе чёткое представление о; garder des images, des souvenirs très nets – сохранить ясные образы, воспоминания; impression, sensation très nette – очень отчётливое впечатление, ощущение; un ouvrage qui présente un tableau très net et très complet*

– работа, которая представляет очень чёткую и полную картину; *explication claire et nette* – ясное и чёткое объяснение.

Получается, что контуры воспринимаемого объекта уподобляются конкретности понимания:

CONTOURS, CE SONT POINTS DE REPÈRE POUR COMPRENDRE

Похожая ситуация наблюдается с яркостью объекта, сопоставимой с его доступностью для понимания. Яркий объект — **éclatant, voyant** (*яркий свет — vive clarté, vive lumière, яркий блеск — vif éclat*), **brillant** – обладает свойством притягивать к себе взгляд, бросаться в глаза (*яркий талант — talent éclatant*), его легко заметить и оценить. Однако, из области эпистемической метафоры в данном случае мы переходим к сфере этической концептуализации света: притяжение взгляда происходит потому, что объект наблюдения отличается своим положительным качеством, его степенью.

Таким образом, представляется возможным свести воедино зрительные характеристики объекта, сказывающиеся на качестве зрительного восприятия:

QUALITÉ DE VISION, C'EST QUALITÉ DE COMPRÉHENSION

Одним из ключевых элементов, конституирующих рассматриваемый комплекс, является параллель **светлый – ясный (понятный)**. Прилагательное **clair** в конкретном своем значении соотносится, прежде всего, с дневным светом. Логика развития значения, предлагаемая французскими лексикографическими источниками, выглядит так: *светлый день (une journée claire) – светлая комната (une chambre claire) – светлая (ясная, безоблачная) погода (temps clair)*. Одно из значений данного слова задействует концепт прозрачности (воды, стекла) – «pur et transparent».

Связь с когнитивной деятельностью в этом случае неоспорима. Первое же абстрактное значение – «лёгкий, доступный для понимания»¹ (*Aisé, facile à*

¹ См. комментарии к прилагательному **clair** в авторитетном словаре XVII века А. Фюретьера: «se dit aussi figurément en choses spirituelles & morales, & signifie, Ce qui est net, desbrouillé. Ainsi on dit, qu'un droit est *clair*, pour dire, qu'il est évident: une question claire, qui est sans difficulté: que les affaires d'un homme sont claires, que son bien est clair, pour dire, qu'elles ne sont point embrouillées, que personne ne luy en dispute la possession – орфография автора сохранена, К.Ф. «говорится также образно о вещах духовных и моральных, и означает, то, что ясно, понятно. Так, говорят, что право *ясно*, чтобы сказать, что оно очевидно: вопрос *ясен*, что он без

comprendre) – позволяет привлекать зрительную метафору для **описания характеристики видимого – понимаемого**. *Des idées claires et précises* – ясные и чёткие идеи. Слово “*précis*” здесь связывает нас с образом чётко очерченной линии, контура. *Est-ce clair?* – букв. Это ясно? т.е. Вы поняли? Отсюда же происходят такие употребления как *Rendre plus clair (clarifier)* – букв. делать более ясным, прояснять, пояснять – русский язык идеально сохраняет в данном случае описываемую образность. Развернутые устойчивые сравнения вроде *C'est clair comme le jour* – это ясно как день дополнительно укрепляют и без того очевидную когнитивную связь. Дальнейшая филиация значения – «*manifeste, sans équivoque*» – «явный, безошибочный» – продолжает продемонстрированную логику.

Слово это, употребляемое в роли наречия, входит в состав выражения **voir clair** – различать при помощи зрения, или же, в переносном значении, понимать. Примером может служить предложение *Essayons d'y voir clair* – *попробуем это понять*.

Прилагательное **limpide**¹ в данном случае следует той же логике; помимо основного значения прозрачности, оно получает оттенок безмятежности, ненарушимости (*d'une transparence que rien ne trouble*), отсюда развиваются ещё два значения, использующие положительную аффективность прозрачности для метафорического переноса: *dont rien ne trouble la pureté, l'éclat*: например, взгляд, небо; *dont rien ne trouble la tranquillité*: счастье, отдых, покой. В словаре Grand Larousse все три эти значения помет не получают, четвёртое же маркировано как *fig.*: *qui est clair, qu'on comprend sans le moindre effort*, например, объяснение. Прозрачность, по уже знакомой нам логике, трактуется как условие для беспрепятственного, оптимального видения; отсутствие усилий для понимания соотносимо со «спокойствием и безмятежностью», семой трёх

трудности; что дела человека ясны, что его благо ясно, чтобы сказать, что они не запутаны, что никто не оспаривает его владение им».

¹ Синонимы, предлагаемые в рассматриваемом словаре, таковы: 1. clair, cristallin, transparent; 2. éclatant, lumineux, pur, resplendissant; 3. calme, paisible, serein, tranquille; 4. compréhensible, facile, intelligible, simple. - contr.: 1. boueux, bourbeux, trouble; 4. caballistique, incompréhensible, inintelligible, obscur, sibyllin.

первых значений.

Интересно, что существительное **limpidité**, согласно данному лексикографическому источнику, имеет только одно переносное значение, целиком относящееся к области действия эпистемической метафоры: «качество того, что ясно, что понимается без труда» (*qualité de ce qui est clair, de ce qu'on comprend sans peine*): *la limpidité d'un raisonnement, du style* – *прозрачность рассуждения, стиля* (антонимами являются в данном случае **obscurité** и **opacité**).

Восходящее к латинскому *lucidus* – светлый, светящийся, слово **lucide** сегодня употребляется в данном значении лишь в поэтическом или архаизированном контексте. Перенос значения пошёл по линии эпистемической метафорической стратегии – прежде всего, это слово применяется для описания человека со здравым и ясным рассудком (*Caractérisé par la raison saine et claire*). *Fou qui a des moments lucides* – *безумец, у которого бывают минуты просветления*, т.е. моменты, когда к нему возвращается рассудок. Развивая эту логику, получаем расширительное значение для обозначения человека в сознании: *Il est revenu de son évanouissement, mais il n'est pas encore entièrement lucide* – *он пришёл в себя, но голова у него ещё не совсем светлая*.

Кроме того, слово это описывает человека, который ясно и точно воспринимает, понимает и выражает идеи. *Esprit, intelligence lucide* – *светлый ум, рассудок* (синонимический ряд продолжают **clair, clairvoyant, pénétrant, perspicace**). *Juger d'un œil lucide* – *букв. судить светлым глазом, т.е. не замутненным страстью, хладнокровно, спокойно*. *Raisonnement lucide* – *светлое, здоровое, трезвое рассуждение*.

2.4.2. Свойства объекта зрительного восприятия в русском языке

Как принципиальная, так и актуальная видимость объекта занимают своё место в концептуализации зрительного эпизода в русском языке. Так, показательное использование **видно** в значении «можно понять, осмыслить»¹: *Видно, что он лжёт. Старшим виднее* (старшие лучше знают, как поступать). Аналогично, разговорное вводное слово **видно** имеет значение «по-видимому, кажется, вероятно»: *Придется, видно, уезжать. Как видно* – «приходится заключить, оказывается». *Дела, как видно, идут хорошо! Там видно будет* – дальнейшее покажет, как пойдут дела, что произойдет.

Базовое прилагательное **ясный** определяется как «светлый, яркий; сияющий, блестящий; белый, чистый, с лоском», в противоположность лексемам «темный, мутный, пасмурный»². Традиционное сочетание *ясное солнце / ясная луна / ясные звёзды* позволяет сделать переход к освещённому этим солнцем времени: *ясный день, вечер, ясная ночь, ясное утро*. Необходимостью для яркого света является, как правило, отсутствие облаков, отсюда развиваются такие случаи употребления, как *ясное небо, ясная погода – безоблачная. Ясными* могут быть также глаза.

Следующее значение этого слова определяется как «легко познаваемый чувствами, внятный, ощущаемый; понятный, хорошо постигаемый, не требующий объяснения». Так, одним словом характеризуются показания всех органов чувств, но прежде всего потому, что их оценка подразумевает некоторое интеллектуальное суждение; см. примеры из толкового словаря В. И. Даля:

- *Отсюда горы ясно видны. Неясно вижу, зренье слабо;* ясно видеть = хорошо видеть.
- *Ясные звуки, речи, слова. Неясно слышу;* ясный звук = отчётливый, хорошо

¹ См. исследование *видно, по-видимому* в контексте «эпистемической перспективы высказывания» [Яковлева 1994 : 250] в работе Яковлева, 1994.

² Слово **ясный** может быть определено также через ряд синонимов, большая часть которых возводима к зрительной образности: «**светлый, прозрачный, разборчивый, внятный**, – ср. однокоренное слово ясный – ятный, **отчетливый, понятный**, общепонятный, удобопонятный, вразумительный, **выразительный, выпуклый**, пластичный, **рельефный, яркий, явственный**, бесспорный». То, что *ясно, ярко, очевидно, живо*, «не требует комментариев».

слышимый¹.

- *Очень ясно слышу, что пахнет горелым;* слух соотносится здесь с обонятельным восприятием, отчётливость слуха – с явственно различимым запахом.
- *Он ясно и верно различает на вкус вина;* различение как таковое несёт в себе компонент интеллектуально опосредованного суждения – в данном случае, на основе вкусовых данных.
- *Дело ясное, очевидное. Ясно, что я тут не виноват;* данное употребление полностью исключает перцептивный компонент из значения, что демонстрирует соотнесённость рассматриваемого прилагательного с лёгкостью.

Приводимый В. И. Далем список однокоренных глаголов включает в себя как малоупотребительные на сегодня, устаревшие слова – **яснить** в значении «делать ясным, светлым» (*ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни, волчий хвост*), **ясниться** «лоснеть, блестеть, светлеться» (*Звездочки ясняются. От кошки впотьмах яснится*); **яснеть**, «становиться яснее, светлеть постепенно» - так и (*У больного глаза яснеют. Чаща яснеет, редееет. Дело теперь яснеет*); **яснеться** «видеться, казаться, являться светлым, ярким или блестящим; светлеться». *Я гляжу, что яснеется на полу, ан гривенник!* – так и производные от них формы, более употребительные **выяснить** (*выяснить мысли свои*), **изъяснить** (*изъясни ты мне, какое это дело*), **объяснить** (*уж я тебе не раз объяснял*), **проясниться** (*погода прояснилась*), **разъясниться** (*загадка разъяснилась, уяснилась*).

Производная группа слов **ясновиденье** – состоянье **ясновидца**, **ясновидящего**, фактически калькирует структуру французского **clairvoyance**, **clairvoyant** и реализует метафору, на которой построено устаревшее значение французского² и современное значение русского слова: *видеть ясно* = *видеть*

¹ Здесь следует вспомнить полисемию слова **clair** во французском языке, распространяющуюся как на визуальную область, так и на область звука, с последующим расширением на интеллектуальные значения.

² Первое значение, во версии словаря Le Petit Robert (2008): *Vue exacte, claire et lucide des choses*. Синонимы: *acuité, discernement, finesse, flair, lucidité, perspicacité. Analyser la situation avec clairvoyance. Rien n'échappe à sa clairvoyance.*

хорошо и более чем = видеть больше того, что доступно чувствам.

В словаре Д. Н. Ушакова **яркий** определяется как «дающий сильный свет, сияющий, ослепительный» (*яркий свет, огонь, яркое освещение, яркая звезда*), «о цвете: выделяющийся, бросающийся в глаза, чистого, свежего тона, резкий» (*яркий цвет, яркие краски, оттенки*), «о голосе: громкий и звонкий» (устар.). Переносное значение одно: «выдающийся в каком-н. отношении, весьма характерный».

Причастие настоящего времени от глагола **блестеть, блестящий**, в первых значениях определяется как «светящийся, яркий» (*ярко блестящие звезды, глаза*). Переносные значения, хоть они и подвергаются лексикографическим дроблениям, по сути соответствуют превосходной степени положительной аксиологии: «пышный, великолепный» (*блестящий праздник, наряд, бал*), «выдающийся, отличающийся высокими достоинствами» (*блестящий оратор, успех, блестящие способности*), «успешный, удачный» (*блестящее состояние дел. дела его не очень блестящи*).

Слово **светлый** определяется в первом значении как *характеристика источника света* «излучающий сильный или достаточный свет, освещающий, светящий» (*светлое солнышко, ясен месяц, яркие звезды; светлое небо или погода, не пасмурная; светлое облако*) или как *пространство / время, этим источником освещаемое* «хорошо освещенный, яркий»: *светлая комната, светлый день*. Здесь же приводится вариант «блестящий, издающий блеск»: *светлые пуговицы*. Далее следуют значения «чистый, прозрачный» (о цвете) «ненасыщенный; менее яркий по сравнению с основным цветом».

Значение, помеченное как переносное, а также книжное и поэтическое – «радостный, веселый, ничем не омраченный, приятный»: *светлые надежды, минуты, глаза, светлый взгляд, светлое настроение*. Вероятно, к этому же значению стоит возвести выделяемое некоторыми лексикографами отдельно религиозное употребление, связанное с праздником Пасхи у христиан, «радостный, торжественный, веселый или праздничный»: *светлая неделя*,

заутреня, светлый праздник.

Следующее переносное значение, помеченное как книжное: «отчетливый, ясный (об умственных способностях)»: *светлый ум, светлая голова*. Ср. примеры В. И. Даля: *у него на все вещи светлый взгляд* (стоит обратить внимание на дублирование зрительной семантики: *взгляд + светлый*); *светлые понятия, ясные и отчетливые*, противополож. *темные, запутанные*.

Интересно отметить, что в русскоязычной традиции словом **светлейший** – весьма, самый светлый – обозначался «почет некоторых владетельных особ второго разряда и князей высшей степени», отсюда почётное обращение к подобной особе, «Ваша светлость».

2.5. Субъект зрительного восприятия, способность видеть

Заключительным важнейшим элементом рассматриваемой триады является субъект зрительного восприятия, главным свойством которого, в рамках антропологического анализа зрительной сцены, необходимо признать способность видеть. Сохраняя единство представления материала, мы возвращаемся к таблице, которая наглядно демонстрирует место описываемого элемента действительности в трёхчастной логической структуре **субъект – предикат – объект** (табл. 9):

Таблица 9

Место концептуализации способности видеть в структуре описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

2.5.1. Субъект зрительного восприятия, его характеристики во французском языке

Ментальными значениями глагола **voir** – видеть – традиционно признаются «составить мнение о чем-либо» и «мысленно представить себе»: *Il faut voir ce qu'on peut faire* — *Надо посмотреть, что тут можно сделать. Vous voyez ce que je veux dire* — *Вы понимаете, что я хочу сказать* (Le Petit Robert, 2006). Данному переносу подчиняются и прочие глаголы зрительного восприятия (**envisager**, устаревший на сегодня в своём первом значении, «смотреть человеку в лицо», и употребляющийся почти исключительно в контекстах интеллектуальной деятельности, см. в словаре Grand Robert: «привязываться мыслью к (объекту в будущем), рассматривать, созерцать; исследовать мыслью в целом (объект, в прошлом или настоящем); принимать в расчёт, иметь в виду; предвидеть, представлять как возможное». Сходна семантическая структура и других зрительных глаголов (**regarder, contempler, considérer**).

Литература, посвященная этому базовому переносу, достаточно обширна (на материале французского языка, см. Н. Bat-Zeev Shyldkrot, 1981, 1984; J. Picoche, 1986; J.-J. Franckel et D. Lebaud, 1990; J. Dubois et F. Dubois-Charlier, 1997; J. François, 2000; P. G. Gross et M. Prandi, 2004; D. Leeman et M. Sakhokia Giraud, 2007), и мы позволяем себе не повторяться, приводя только лишь формулировку данной концептуальной стратегии: VOIR, C'EST COMPRENDRE.

Ситуация, когда *зрячий* человек не видит объект, разрешается посредством внешних воздействий на зрительный эпизод; в зависимости от препятствия для чёткого зрительного восприятия, данные действия можно условно подразделить на:

- направленные на улучшение освещённости объекта, что отражено в таких реализациях как собственно **éclairer** – осветить; **mettre en lumière** – высветить;
- направленные на изменение положения объекта в пространстве: скрытый от смотрящего объект можно передвинуть на более выгодную пространственную позицию: **découvrir** – открыть; **mettre en relief** – выделить, **mettre en vedette** – вывести на первый план, **mettre en évidence** – сделать очевидным; **faire**

ressortir – выделить;

- направленные на изменение направления взгляда субъекта: хорошо различимый глазом объект можно просто **показать**, задать направление для взгляда: **montrer** – показать, **indiquer** – указать.

Аналогия вполне подходит для процессов когнитивных: на вещи, которые посильны для понимания, но о которых в силу стечения обстоятельств субъект находится в **неведении**, можно **пролить свет**; вещи, которые находятся **вне поля зрения** субъекта, можно либо **вывести на передний план**, либо на них необходимо **указать**, показать их. Генеральное концептуальное соответствие, таким образом, задаётся формулой

AIDER À VOIR, C'EST AIDER À COMPRENDRE,

включающей частные метафорические стратегии следующего плана:

ÉCLAIRER, C'EST AIDER À COMPRENDRE

FAIRE SAILLIR, C'EST AIDER À COMPRENDRE

MONTRER, C'EST AIDER À COMPRENDRE

Показывать имеет смысл в том случае, если субъект восприятия сохраняет зрительную способность; в противном случае необходимы более радикальные действия над субъектом восприятия, направленные на избавление его от слепоты. Во французском языке эта ситуация отражена: глагол **dessiller** образован при помощи приставки *de-* от старофранцузского слова *ciller*, «сшивать веки ловчей птицы, чтобы обучать её», и означает буквально «разделять ресницы, которые были соединены» (Le Petit Robert, 2008): *dessiller les yeux* – *открыть глаза*. Процесс открывания глаз кому-либо – *dessiller les yeux de qqn, à qqn* – приравнивается к внешнему воздействию, в результате которого субъект начинает видеть или знать то, что он не знал или не хотел знать; в качестве синонимов приводятся *открыть глаза* = **ouvrir*** *les yeux*, а также **désabuser, détromper, éclairer**. Так как открытые глаза являются непременным условием видения, а видение соотносимо с пониманием, мы получаем следующий концептуальный перенос: (FAIRE) OUVRIER LES YEUX,

C'EST (FAIRE) COMPRENDRE.

Наконец, на субъект восприятия теоретически возможно оказывать и сильное нейтрализующее воздействие, лишаящее его зрения – кратковременно или навсегда. Непродолжительное отсутствие зрения обозначается во французском языке глаголом **éblouir**. Dictionnaire de l'Académie française возводит данный глагол к позднему латинскому **exblaudire*, образованному от франкского корня **blaudi* “слабый (зрением или духом)”. Первое буквальное значение – “ослепить слишком ярким светом”. *Le soleil éblouit les yeux, nous éblouit* – *Солнце слепит глаза, нас ослепляет.*

Переносных значений два; одно из них несёт положительный эмоциональный заряд – «ввести в состояние сильного восхищения»: *Le public a été ébloui par le jeu de cet acteur* – *Публика была потрясена игрой этого актёра. Une beauté qui éblouit* – *Ослепительная красота.* В данном случае свет осмысливается не как источник знания / информации, а как носитель мощного положительного заряда – эмоционального или аксиологического. Второе переносное значение относится к области эпистемической метафоры и передаёт негативную коннотацию: «соблазнять обманчивым блеском, зачаровывать»: *Se laisser éblouir de vaines promesses* – *Позволить ослепить себя напрасными обещаниями. Il est ébloui par l'argent* – *Его ослепляют деньги.*

Слепота абсолютная передаётся при помощи гиперонима **aveugler**. В первом своём значении этот глагол определяется как «делать слепым, лишать зрения». Расширительно, данный глагол применим к ситуациям, когда чёткая зрительная способность нарушается на короткое время (*Être aveuglé par la fumée, par le soleil* – *быть ослеплённым дымом, солнцем*).

Среди метафорических значений данного глагола первым упоминается редкое «зачаровывать, соблазнять» («*fasciner, séduire*»). Негативную коннотацию передаёт значение «помутить рассудок кого-л., заставить потерять способность судить или исказить её»: так, ослепить может страсть: *la passion peut aveugler*. Возвратная форма данного глагола – **s'aveugler** –

распространяется как на зрительную ситуацию – **s'éblouir**. Таким образом, в рамках соответствия

ÊTRE AVEUGLE, C'EST NE PAS COMPRENDRE,

можно выделить более частные стратегии реализации:

VOIR TROP DE LUMIÈRE, C'EST NE PAS COMPRENDRE

VOIR LA LUMIÈRE FAUSSÉE, C'EST NE PAS COMPRENDRE

Основной качественной характеристикой зрения следует признать его остроту, которая определяется как способность чётко видеть детали созерцаемого объекта. Во французском языке существуют прилагательные, описывающие различные дефекты зрения: **myope, hypermétrope, presbyte**. В рамках когнитивной подсцены, однако, метафоризации в негативном контексте подвергается прежде всего качество близорукости. Вероятно, дальновзоркость в наивном языковом сознании довольно непросто соотнести с недостатком зрения, ибо способность хорошо видеть вдаль издавна определялась как зоркость (внутренняя форма русского слова здесь говорит сама за себя). Способность видеть то, что находится поблизости, напротив, признаётся чем-то само собой разумеющимся, и поэтому близорукость в интеллектуальном плане осмысливается как крайне негативная характеристика.

Субстантивированное прилагательное **myope** в переносном значении применимо к человеку, которому «не хватает пронизательности, который видит только частные, непосредственно данные детали созданий и вещей, не пытаясь проникнуть вглубь». Таким образом, антонимом к метафорической когнитивной близорукости выступает пронизательность. Метонимически слово **myope** может определять интеллектуальные атрибуты человека (*esprit myope et limité* – близорукий и ограниченный разум), их проявления (*observation myope* – близорукое наблюдение), интеллектуальную деятельность как таковую (*diplomatie myope* – близорукая дипломатия).

Прилагательное и субстантивированное прилагательное **presbyte**, человек, который страдает дальновзоркостью, хорошо видит только удалённые от

него объекты, также может быть использовано в переносном значении: «человек, у которого слишком общее видение, который не различает непосредственные, частные аспекты существ и вещей». Создаётся впечатление, что интеллектуальная близорукость не только «чаще встречается» в метафорических контекстах (по данным словаря TLFi, абсолютная частота литературных употреблений для слова *presbyte* равна 30, в то время как для слова *myope* этот показатель достигает 264, со следующим распределением: 19 век – 69/285 (зрительные, буквальные употребления к ментальным, переносным), 20 век – 452/638), но и концептуализируется как более негативное качество, чем интеллектуальная дальновидность.

Хорошее зрение зачастую определяется во французском языке словом **perçant**, причастием настоящего времени / прилагательным, буквально переводимым как «пронзающий, проникающий». Следующие значения, получающие помету «по аналогии или переносное», относят эту характеристику в аудиальную область (*sifflement, son perçant* – пронзительный свист, звук; *pousser des cris perçants* – испускать пронзительные крики); и в область визуальную. Здесь словарь TLFi приводит три определения: «ослепляющий»: *clarté, lumière perçante* – ослепительный свет; «видящий далеко, проникающий сквозь тень или пространство, замечающий очень маленькие или очень отдалённые детали»; «смотрящий на кого-либо пристально, с пронизательным вниманием». В качестве отдельного значения приводится определение: о человеке, о его уме: «особенно пронизательный, острый, проникновенный, тонкий». Например, *jugement, mot perçant* – пронизательное суждение, слово; *analyse, ironie, moquerie, perspicacité perçante* – пронизательный анализ, ирония, насмешка, дальновидность.

Ещё одно противоположное по значению прилагательное **perspicace**, традиционно противопоставляемое слову **myope**, не имеет выраженной зрительной семантики: оно определяется сугубо в интеллектуальном плане как «одарённый пронизательным и утончённым умом, который ухватывает то, что

ускользает от большинства, и способен предвидеть». Однако, обращаясь к этимологии, мы устанавливаем зрительные генетические связи: TLFi указывает, что в классической латыни *perspicax* образовано от *perspicere* – «внимательно смотреть; ясно видеть, узнавать». В современном языке зрительная семантика зачастую сохраняется благодаря компенсации контекстом: так, **проницательным** может быть взгляд (**regard**), наблюдение (**observation**), внимание (**attention**). Синонимы к данному слову также красноречиво свидетельствуют о его генетической связи со зрительной ситуацией: **clairvoyant, lucide, pénétrant, sagace**; как и антонимы: **aveugle, myope**. Таким образом, фиксируется метафорическая стратегия

VOIR LOIN, C'EST COMPRENDRE BEAUCOUP

VOIR LOIN, C'EST COMPRENDRE CE QUI EST DIFFICILE.

Видение, как и слепота, может связываться и со знанием эзотерическим, не явленным для непосвященных. Так, субстантивированное прилагательное **voyant** в первом своём устаревшем значении означает пророка, или же, расширительно, человека, обладающего особым, “вторым” зрением, он же может быть поименован **extralucide, visionnaire** – ещё два слова со световой и зрительной семантикой. Иначе говоря, это человек, которому являются **видения, сообщающие ему специфического рода знания**. Этим же словом, однако, обозначается и человек зрячий в оппозиции слепому¹.

В некотором роде синонимом можно считать и слово **clairvoyant**, буквально “ясновидящий”. Наблюдается та же оппозиция **зрячий – слепой**. При характеристике разума с помощью этого прилагательного дается более приземленная трактовка, это скорее интеллект искусный и проницательный, чем изощренный в спиритических сеансах. Парапсихологическое толкование приводится в последнюю очередь.

¹ Для сравнения, в арабском языке слепого называют словом «ясновидящий» (*baṣīr*). Этот эвфемизм особенный: в Коране данное слово апеллирует к внутреннему зрению, к видению, которому доступны скрытые истины. Бог видит всё – поэтому он «ясновидящ» *par excellence* (*le clairvoyant*, пишет французский антрополог Д. Массон); это выражение – одно из 99 имён Аллаха [Masson 1985 : 159].

2.5.2 Субъект зрительного восприятия и его характеристики в русском языке

Как и для всего индо-европейского ареала [Sweetser 1990 : 9], для русского языка свойственно уподобление зрения пониманию. Русская лексикография отмечает это уподобление. Чётче всего «ментальные» дефиниции сформулированы в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой; автор разбивает их на пары зрительное – интеллектуальное: 1) 1.1 воспринимать зрением 1.2 получать знание, представление о ком-либо, чем-либо; познавать, испытывать, переживать 2) 2.1 иметь зрение, обладать способностью зрения 2.2 обладать способностью проникать в сущность чего-л., подмечать что-л. 3) 3.1 сознавать, понимать 3.2 чувствовать, находить 4) 4.1 считать кого-л., что-л. кем-л., чем-либо 4.2. оценивать что-л. каким-л. образом. Стратегия, отмеченная ранее на материале обзора литературы и собственного анализа данных французского языка, наблюдается и в русском: ВИДЕТЬ – ЭТО ПОНИМАТЬ.

Действия, направленные на облегчение зрения, вербализованные в русском языке, могут быть рассмотрены по представленной ранее трёхчастной схеме.

- направленные на улучшение освещённости объекта: вопрос можно **осветить, показать в новом свете, пролить на него свет, высветить** отдельные детали;
- направленные на изменение положения объекта в пространстве: фактически, все лексические реализации, свойственные данной стратегии во французском языке, переводимы на русский с сохранением зрительной метафоричности: **открыть; выделить, вывести на первый план, выделить;**
- направленные на изменение направления взгляда субъекта: **показывать**, «представлять виду, глазу, взору; дать увидеть что, позволить рассмотреть; обнаруживать или изъяслять, выражать чувства, мысли». Приводимые в словаре В.И. Даля примеры (*Он и виду не показал, не подал, все скрыл, промолчал. Показать при розыске, на допросе, сказать, объявить. Покажи ему вычитанье.*

Покажи мне шить, научи) делают акцент на когнитивной составляющей данного процесса.

Таким образом, в русском языке, как и во французском, реализуется концептуальное соответствие

ПОМОЧЬ УВИДЕТЬ – ЭТО ПОМОЧЬ ПОНЯТЬ

с тремя частными вариантами:

ОСВЕТИТЬ – ЭТО ПОМОЧЬ ПОНЯТЬ

ВЫВЕСТИ НА ПЕРЕДНИЙ ПЛАН – ЭТО ПОМОЧЬ ПОНЯТЬ

ПОКАЗАТЬ – ЭТО ПОМОЧЬ ПОНЯТЬ

В русском языке выделяется особая группа слов, которые описывают начало видения (после периода слепоты), обретение зрения. Так, основной глагол **прозирать** или **прозревать**, **прозреть**, в словаре В. И. Даля определяется как «получать зрение, глядение, видение; получать глаза или способность видеть». В этом же значении, однако, даётся употребление ментальное: *сподобясь учения книжного, он прозрел умом*, «увидел, понял истину». **Прозрение** как результат действия по глаголу **прозреть-прозревать** в переносном значении определяется как «внезапное просветление мысли, уразумение», что полностью вписывается в рамки рассматриваемой нами когнитивной стратегии. Так же, как и во французском языке, присутствует мотив открытия глаз – **открыть кому-либо глаза** на что-л; глаза открылись. Помимо этого, **с глаз может спасть пелена**.

Представляется, что данная концептуализация **про-зрения** передаёт идею преодоления слепоты / невидения как физически объёмного препятствия, сквозь которое необходимо пройти взгляду или когнитивной способности субъекта. По сравнению с идеей, которая стоит за французским **dessiller, ouvrir les yeux** – идеей разделения закрытых век – здесь наблюдается бóльшая степень противостояния и активности со стороны субъекта. Соответственно, мы наблюдаем метафору

БЫТЬ СЛЕПЫМ – ЭТО НЕ ПОНИМАТЬ

ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ СЛЕПЫМ – ЭТО НАЧАТЬ ПОНИМАТЬ

В отличие от французского языка, в русском не производится подразделение на временное ослепление и постоянное. Так, например, словарь Д. Н. Ушакова предлагает для базового глагола **ослепить** два основных значения «лишить зрения» и «притупить зрение сильным воздействием света», а также два переносных: «ввести в заблуждение» и «поразить, произвести сильное впечатление».

В русском языке достаточно детально представлена концептуализация особенности зрительной способности субъекта восприятия, которая традиционно соотносится со свойствами интеллектуальных способностей. Одной из наиболее существенных характеристик хорошего зрения является **зоркость**, способность видеть на большом расстоянии.

В словаре Д. Н. Ушакова прилагательное **зоркий** определяется как «обладающий острым зрением, хорошо видящий дальние и мелкие предметы» (*зоркие глаза*), и в переносном значении – «проницательный, внимательный, пристальный (книжн.)»: *зоркий ум, зоркий взгляд*. Однокоренное слово **прозорливый**, которое утратило на сегодня зрительную семантику, определяется как «проницательный, умеющий предугадывать, **предвидеть**»: *прозорливый ум, прозорливый человек*.

Ещё одним прилагательным, которое из области зрительного эпизода переносится в план интеллектуальной деятельности, является **проницательный**: согласно словарным дефинициям, оно, прежде всего, обозначает «остро подмечающий, многое угадывающий, наблюдательный» (*проницательный взор, проницательные глаза*), затем «глубокомысленный, верно и быстро разгадывающий» (*проницательный ум*). Показательно, что в данном значении возможно комплексное использование зрительной метафоры, например: *проницательный взгляд на международное положение*.

Интересно отметить сходную концептуализацию преодоления трудности, которая присутствует в словах **проницательный** и **прозорливый**: это взгляд /

ум, который проникает, пробирается вглубь сквозь поверхностные слои, который *про-зревает*, то есть зрит / видит / понимает сквозь. Таким образом, устанавливается знакомое уже по французскому языку соответствие: ВИДЕТЬ ХОРОШО – ЭТО ПОНИМАТЬ ХОРОШО.

Зрительной же логике следует пара противоположных по значению прилагательных **дальновидный** и **близорукий**. Первое, согласно основной словарной дефиниции, означает «предусмотрительный, предвидящий последствия» (*дальновидный человек, план*), второе, развившееся из первоначальной формы **близозорок**, противопоставленной форме **дальнозорок**, означает «плохо видящий на далекое расстояние, переносное: непроницательный, недальновидный»: *близорукая политика*. Следовательно, антонимия устанавливается только на уровне переносных значений, и работает метафорическая стратегия: ВИДЕТЬ ВДАЛЕКЕ – ЭТО ПОНИМАТЬ СЛОЖНОЕ.

Качество **ясновидения** в русском языке концептуализируется отдельно от ЗРЯЧЕСТИ: прилагательное **зрячий** определяется только как «обладающий зрением» в оппозиции к слову **слепой**. Последнее, однако, развивает переносные значения: «не замечающий, не видящий и не понимающий совершающегося, происходящего вокруг»; также в сочетании с чувствами, эмоциями: «действующий не рассуждая, без разумных оснований, не отдающий себе отчета в совершаемом; действующий наугад, не разбирая, без обдуманного выбора; случайный, стихийный» (*слепая любовь, слепое доверие, подражание*); «невежественный, не просвещенный» (Словарь Д. Н. Ушакова).

2.6. Выводы по второй главе

В заключение, представляется возможным сделать ряд выводов на основе проанализированного компонента метафоризации зрительного эпизода.

1. Как во французском, так и в русском языке ведущей метафорической

стратегией для данного семантического кластера является сопоставление ЗРЕНИЯ и ПОНИМАНИЯ, основанием для которого становится концептуализация СВЕТА как условия понимания – внешнего или внутреннего – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ субъекта восприятия / понимания или ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ относительно объекта / ситуации восприятия / понимания.

2. В обоих языках основным ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ КАЧЕСТВОМ зрения, на котором строится аксиологическая концептуализация, является ЗОРКОСТЬ, различие ОБЪЕКТОВ ВДАЛЕКЕ, что соотносится со способностью ПОНИМАТЬ СЛОЖНОЕ.

3. В обоих языках СЛЕПОТА является синонимом НЕВЕДЕНИЯ, НЕПОНИМАНИЯ, и её устранение является залогом возвращения к нормальной интеллектуальной деятельности.

4. В обоих языках признаётся наличие НЕВИДИМОГО МИРА, способностью зрительно воспринимать его наделены особые люди – ЯСНОВИДЯЩИЕ, которым доступно уникальное ЗНАНИЕ, сокрытое от всех остальных.

5. Во французском языке более подробно, чем в русском, представлена ситуация возникновения препятствий на пути света; ПОТЕМНЕНИЕ концептуализируется либо как ПОЛНОЕ, постоянное – и в этом случае понимание становится невозможным, либо создаётся метафора при помощи МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ, что передаёт временное дисфункционирование интеллектуальных способностей человека («помутнение рассудка», и т.д.).

6. В отличие от французского языка, русский язык менее детализирован в концептуализации ОСЛЕПЛЕНИЯ и ухудшения зрения, при этом ситуация ПРОЗРЕНИЯ получает в нём несколько иную трактовку: это скорее преодоление препятствия посредством зрительного усилия, чем физическое разделение век.

7. В отличие от русского языка, французский допускает трактовку противопоставления СЛЕПОЙ – ЗРЯЧИЙ как триады СЛЕПОЙ – ЗРЯЧИЙ / ЯСНОВИДЯЩИЙ.

8. В отличие от русского языка, французский допускает переносные значения с негативной коннотацией для ДАЛЬНОЗОРКОСТИ, в русском языке, возможно, из-за присутствия во внутренней форме слова компонента ЗОРКОСТЬ, которое аксиологически позитивно оценивается, метафорическое осмысление в когнитивной подцене получает только БЛИЗОРУКОСТЬ.

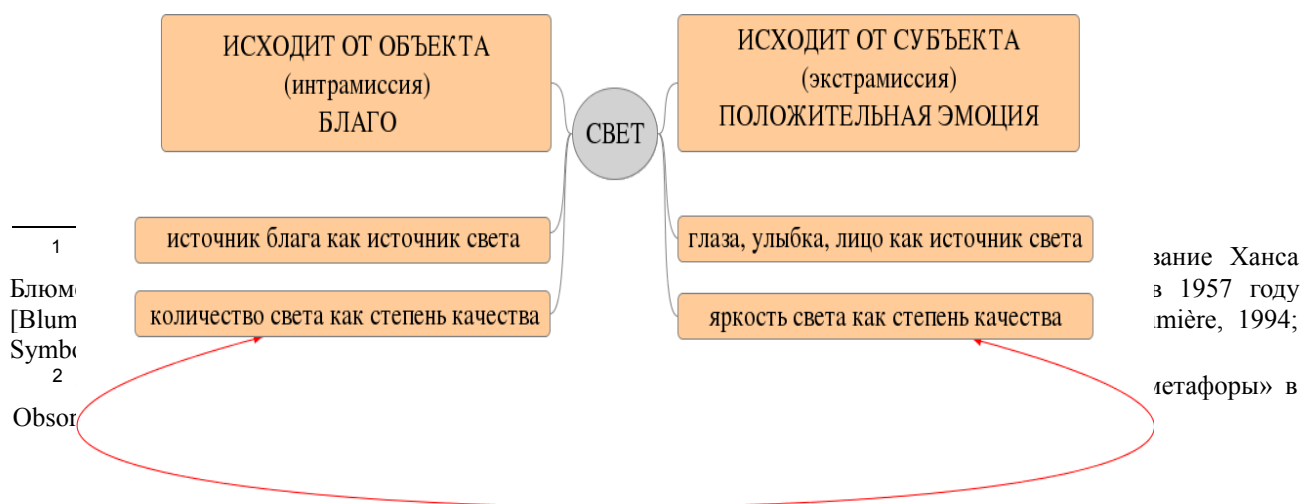
ГЛАВА 3. ЗРИТЕЛЬНАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

Появление метафизического статуса у света, его последовательное ассоциирование с позитивными, положительно оцениваемыми объектами и эмоциями является важным вопросом для философского и антропологического

анализа¹ [Thuan, 2007:31]. Психолингвистические эксперименты показывают физическую реальность световых метафор для человека: оценка значения слова как «позитивное» и «негативное» производится быстрее, если слова напечатаны шрифтом, «совпадающим» с метафорическим представлением аксиологических ценностей: «положительное» – светлое, «отрицательное» – тёмное² (см. исследование Meier et al. 2007). С лингвистической точки зрения нас интересует, прежде всего, отражение целостного зрительного эпизода в создании этической метафоры, а также структурные различия между этической и эпистемической зрительными метафорами. Кратко охарактеризуем основные составляющие данной метафоры.

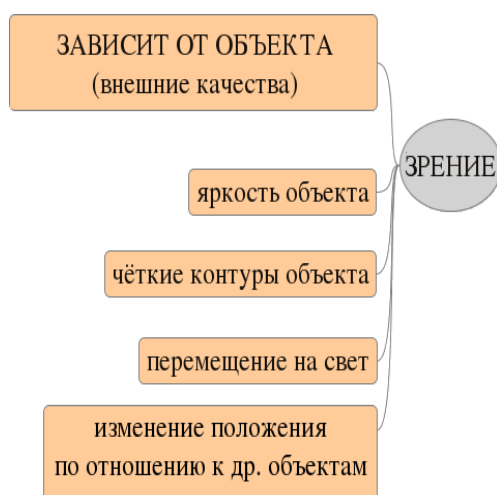
1) Свет: концептуализация признаков среды. Рассматривается *свет, исходящий от субъекта зрительного восприятия*, и *свет, исходящий от объекта зрительного восприятия*. В обоих случаях, при этической концептуализации света устанавливается прямая пропорциональная зависимость между количеством света и степенью проявления положительного качества, которое метафорически представляется как свет. Сходная тенденция соединяет яркость света и степень положительного качества, которым наделяется объект. Концептуализация света в рамках зрительной этической метафоры представлена на рисунке 7.

Рис. 7. Зрительная этическая метафора (среда)

2) Зрение: концептуализация свойств субъекта и объекта. Наиболее существенные различия между двумя ведущими концептуализациями зрительного эпизода наблюдаются именно в данной области зрительной этической метафоры: здесь практически не представлена какая-либо сознательная деятельность со стороны субъекта¹, будь то в самом зрительном восприятии или в формулировании аксиологического суждения. Зрительный акт как элемент зрительного эпизода не рассматривается как зависимый от внутренних свойств субъекта; зрительное восприятие как положительная аксиологическая оценка соотносится исключительно со свойствами объекта, которые были описаны ранее: это “заметность” предмета, его размер, яркость, чёткость контуров, его положение в пространстве по отношению к другим объектам, заслоняющим его от взгляда наблюдателя; различные внешние действия, которые совершаются над объектом и изменяют его «актуальную зримость» (рис. 8). Стоит также отметить, что антонимическая ось **освещать – затемнять** также функционирует в рамках этической метафоры.

Рис. 8. Зрительная этическая метафора (объект)

¹ См. высказывание Р. Шепарда о принципиальной неосознаваемости / неподконтрольности субъекту большей части зрительного опыта: «... notre expérience visuelle est le produit de principes déductifs extrêmement complexes et profondément enracinés, opérant à un niveau de notre système visuel qui est tout à fait inaccessible à l'introspection consciente et reste hors de notre contrôle» [Shepard 1992 : 176] – «наш зрительный опыт – это продукт крайне сложных и глубоко укоренённых дедуктивных принципов, работающих на таком уровне нашей визуальной системы, который совершенно не доступен сознательной интроспекции и остаётся вне нашего контроля».

3.1. Освещение как процесс, его динамика

В рамках предложенной нами модели описания метафорической перцептивной подсцены **субъект – предикат – объект**, данный элемент действительности относится к области действий среды и над средой восприятия (табл. 10):

Таблица 10

Место концептуализации динамики процесса освещения в структуре описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

3.1.1. Освещение как процесс, его динамика во французском языке

При изначально заданной пассивности субъекта в этической концептуализации зрительного эпизода, особую роль начинают играть метафорические действия со стороны объекта и среды зрительного восприятия. Действие освещения – **éclairer** – и антонимически противопоставленное ему затемнение, помрачение – **assombrir** – становится показателем динамического развития положительного качества.

Так, словарь TLFi предлагает следующие метафорические значения для глагола **éclairer**: по аналогии от прямого употребления «освещать» (*donner de la clarté, (de) la lumière à quelqu'un, à quelque chose*) – *p. anal.* – «озарять, проливать свет на» (**illuminer, rayonner sur**). *La joie, un sourire éclaire son visage*. Второе значение, которое сопровождается в данном словаре пометой «переносное» (*au fig.*), определяется при полном неразличении этической и эпистемической

метафоризации, что приводит к путанице. Так, сначала характеризуются общие значения этического плана – освещение, направленное на объект и на субъект зрительного восприятия – «rendre clair, compréhensible, intelligible; apprendre quelque chose à quelqu'un, l'initier, l'instruire, l'aider à voir clair, à acquérir du discernement» – затем, без какого-либо логически обоснованного перехода, приводится дефиниция этическая: в частности, «давать свет, такой, или такой особенный, что от него человек становится крайне доволен» (*En partic. Donner une lumière telle ou, si particulière, qu'elle apporte un grand contentement à toute la personne*). Примеры, которые в данном случае цитируются: *Éclairer le cœur de qqn* – букв. *освещать кому-л. сердце, очень радовать, делать счастливым*.

Отдельно описывается возвратное употребление данного глагола: в сочетании с подлежащим – взгляд, лицо – освещение есть проявление положительной эмоции (*les figures s'éclairent ou s'attristent* – *лица освещаются или грустнеют*), аналогично, метонимическое употребление глагола в сочетании с подлежащим, обозначающим человека (*Il s'éclaira un peu. Quand même, il y avait quelquefois de bonnes nouvelles!* – *Он немного просветлел. Бывали же иногда хорошие новости!*).

Учитывая традиционное соотнесение света со всем положительным, представляется возможным сформулировать перенос

ÉCLAIRER, C'EST RENDRE HEUREUX,

для света, который поступает извне и падает на объект; соответственно, для света внутреннего по отношению к субъекту переживаемой положительной эмоции, источником которого является сам субъект / его глаза / лицо, устанавливается отношение

ÉCLAIRER, C'EST MANIFESTER LA JOIE.

Глаголы-синонимы, выражающие идею освещения, также подчиняются данному переносу¹; рассмотрим синонимический ряд **embraser, illuminer, luire, éclaircir, rayonner**: *Deux grands yeux éclairent son visage; être rayonnant de joie;*

¹ Список синонимов составлен по словарю Henri Beratud du Chazaud (2002).

vous avez une mine resplendissante; cela va illuminer ma journée, и т.д. Антонимы по своему основному значению, такие глаголы как **assombrir** (*cette nouvelle a assombri les visages*); **(se) rembrunir** (*son front commençait de se rembrunir*); **(s')obscurcir** (*son front s'est obscurci*).

- **embraser** – устар. поджигать, по аналогии с теплом, которое вызывает огонь – делать пылающим, по аналогии со светом, который исходит от огня – делать очень светящимся, ярким (часто с окрашиванием в огненные оттенки), rendre très lumineux, éclatant (avec des teintes souvent couleur de feu). *Embraser l'horizon, un monument* – осветить горизонт, памятник. Употребление данного глагола с возвратной частицей даёт значение «покрыться яркой краснотой» (если речь идёт о лице). Переносные значения данного глагола, согласно определениям словаря TLFi, двойственны с точки зрения этической метафоры: «наполнять кого-л. пылающей страстью, огромным возбуждением». Причём, как мы указывали ранее, присутствие в семантике глагола компонента горения позволяет сочетание его с негативными эмоциями и чувствами: см. пример: *Embraser la colère de qqn.* – разжечь чью-л. ярость. С этим же глаголом возможно сочетание «разгорелась война, начался военный конфликт». Отход от физического желания и физически же переживаемых сильных эмоций, таких, как ярость, выводит на первый план световую доминанту с более однозначной – положительной – сочетаемостью данного глагола в духовной и интеллектуальной сфере (*en parlant de l'esprit*). Представляется, что прямая связь данного глагола с горением обуславливает – через семантический компонент более сильного, яркого, интенсивного свечения – как более широкую сочетаемость (позитивная и негативная аксиология вместе), так и более мощную положительную эмоциональную нагрузку.
- **illuminer** – в первом буквальном значении определяется как «ярко освещать что-то» (*éclairer vivement quelque chose d'une certaine clarté*); отсюда переносное значение «придавать чему-л. ясность, как будто бы от яркого света» (*donner à quelque chose une clarté comparable à celle d'une vive lumière*): *un sourire illumina*

son visage – улыбка осветила его лицо; *sa présence illumine la maison* – её присутствие озаряет дом. В подобных употреблениях позитивная, положительно оцениваемая эмоция уподобляется свету. Словосочетание **луч радости** – *un rayon de joie* в рамках сложной метафоры указывает на «световую природу» описываемой эмоции; тот факт, что этим лучом, как правило, **освещается лицо или глаза** субъекта, позволяет ещё раз вспомнить об описанной нами выше двойственной локализации источников света – внутри субъекта / вне субъекта зрительного восприятия / аксиологической оценки – и убедиться в её реальности. Интеллектуальное значение данного глагола («озарить, внезапно захватить чей-то разум» – «*éclairer, saisir brusquement l'esprit de quelqu'un*») относится к действию эпистемической метафоры – озаряет идея или мысль. Логическим развитием этой линии при смене эпистемической метафоры на этическую является религиозное значение: в данном случае субъект обозначает Бога, божественный свет, и объектом освещения становится душа, владелец которой прозревает.

- **luire**, «светить», происходит от латинского глагола *lucere*, который в латыни функционировал в соответствии с эпистемической метафорой, реализуя значения «светиться, блестеть; быть очевидным». У этого глагола достаточно поздно появляется значение выражения эмоций – согласно TLFi, данный перенос зафиксирован в 1830 г. По аналогии развивается значение свет солнца / огня > свет глаз / взгляда, что напоминает о до сих пор актуальной теории экстремиссии. Интересно, что эмоция или чувство, которые сочетаются со "светом" данного глагола, могут быть и негативными: например, глаза могут *сверкать от ярости: luire de colère*. Здесь же приводится устойчивое выражение: *Un nouveau jour luit pour nous* – Новый день сияет для нас, в значении "Наша судьба меняется". Переносное значение, которое развивается у данного глагола в современном французском языке, согласно определению словаря TLFi, сохраняет эпистемическое направление латинского употребления: «ярко являться сознанию, рассудку» (*se manifester avec éclat à la conscience, à*

l'esprit); однако, при внимательном рассмотрении примеров, которые в данном словаре приводятся, мы убеждаемся в сохранении аксиологической оценки: *l'avenir où luit toujours un rayon d'espérance* – будущее, в котором всегда светится луч надежды; *un éclair de bon sens luira quelque part* – где-нибудь просияет озарение здравого смысла. Ещё одна комплексная зрительная метафора задействована в устойчивом выражении *Faire luire qqc. à qqn, aux yeux de qqn.* – в буквальном переводе – заставить что-л. светиться для кого-л., в чьих-л. глазах, представить что-либо кому-то в выгодном свете (ср. сохранение зрительной образности в русском переводе). В данной работе уже обсуждалась зависимость между привлечением внимания к объекту – как правило, посредством изменения яркости / блеска данного объекта – и усилением положительной оценки со стороны субъекта зрительного восприятия, внимание которого привлекается. Ещё один пример, из области устаревшего французского сленга, который, тем не менее, показателен для иллюстрации зрительной метафоричности данного глагола: на фоне пары существительных **luisard** (уст. арг. «Солнце») и **luisarde** (уст. арг. «Луна»), выделяется второе значение *luisarde* = *étoile, vedette de théâtre*, звезда, звезда в театре.

- **éclaircir** в контексте конкретного употребления означает «делать светлым, делать более светлым (осветлять), делать чётким» (прежде всего, в отношении зрения и слуха); «разбавлять (жидкость), прорежать (лес)», затем в переносном значении, метафорически развивая область перцепции на область интеллектуального восприятия – «делать менее запутанным, более понятным, привносить элементы, облегчающие понимание» («rendre moins confus, plus intelligible; apporter des éléments qui aident à mieux comprendre»). Данное значение относится к области действия эпистемической метафоры (*éclaircir une énigme, une question* – пролить свет на загадку, на вопрос). Характерно, что данные случаи употребления как правило сводятся к единой ситуации разрешения проблемы: *éclaircir une difficulté, une erreur, des faits, un malentendu, des soupçons, un sous-entendu, un texte* – разъяснить трудность, ошибку,

факты, недоразумение, рассеять подозрения, объяснить намёк, текст. Поэтому переход на этический уровень метафоризации – «делать менее мрачным, менее печальным» («rendre moins sombre, moins triste») – представляется совершенно логичным. Однако, сравнение с более «яркими» глаголами, такими, как **éclairer, illuminer**, позволяет установить существенное различие: **éclaircir** подразумевает наличие проблемы / негативно оцениваемого состояния, против которого действует освещение, ликвидируя или приуменьшая источник трудности / негативной эмоции; в то время как «яркие» глаголы освещения не обязательно требуют задействовать этот компонент препятствия. Так, можно немного *осветить / скрасить чью-то жизнь – éclaircir un peu la vie*; если представить замену глагола **éclaircir** на **éclairer (éclairer la vie)**, словосочетание приобретёт значительно более оптимистичное звучание (*озарить жизнь*). В целом же данные глаголы очень похожи при характеристике лица человека.

- глагол **rayonner** – «испускать световые лучи, блестеть» – также действует в рамках этической зрительной метафоры. Метафорические или переносные, по словарю TLFi, значения включают в себя «ярко сиять» (*briller d'un vif éclat*), в сочетании с подлежащим – человеком или абстрактным существительным: *Vérités morales qui rayonnent (dans l'esprit) – Моральные истины, которые сияют (в уме)*. При характеристике человека или, по закону метонимии, его лица, глагол **rayonner** может употребляться с предлогом **de** и дополнением, обозначающим причину / источник свечения. Значение глагола в данном случае определяется как «передавать выражение большого счастья, полного удовлетворения» («refléter l'expression d'un grand bonheur, d'une vive satisfaction»): *rayonner de bonheur, de gloire, de jeunesse, de joie – лучиться от счастья, светиться славой, молодостью, от радости*. Трактовка следующих двух употреблений в словаре TLFi описана не последовательно, что мешает адекватному пониманию природы этической метафоры. Так, в случае, когда подлежащее обозначает абстрактную сущность и дополнение с предлогом

указывает на освещаемое пространство, глагол имеет значение «распространять свет»; приводимые примеры, однако, свидетельствуют об эмоционально окрашенной, аксиологически позитивно оцениваемой природе этого света; источник его зачастую находится внутри человека. Выделяемое значение «распространять влияние» также подразумевает влияние просветительское: *arts, sciences, civilisation, culture, pensée qui rayonne dans le monde* – искусства, науки, цивилизация, культура, мысль, свет от которых распространяется по всему миру. Опять же, при обозначении в качестве подлежащего абстрактной сущности как света и с указанием на источник излучения – в значении «излучать» (*émaner*) – глагол сочетается исключительно с положительно оцениваемыми состояниями / переживаниями, и источником является человек: *Le bonheur rayonne de tout son être* – всё его существо излучает счастье. Ср. случаи, когда субъект сам выполняет функцию подлежащего: *rayonner l'amour, le calme, l'énergie, l'enthousiasme; rayonner une atmosphère apaisante* – излучать любовь, спокойствие, энергию, энтузиазм; излучать умиротворяющую атмосферу. Вторым существенным основанием метафорического переноса для данного глагола является природа луча (*rayon*), свойство лучей расходится в разные стороны от центра; интересно, что нивелирование светового компонента и переход к геометрической, пространственной стороне описания ситуации, позволяет использовать данный глагол в контекстах, которые оцениваются негативно / получают заряд отрицательной эмоции. Например, данный глагол может описывать иррадирующую боль.

Представляется, что на основании рассмотренных глаголов французского языка, которые реализуют компонент “освещение” в рамках этической зрительной метафоры, можно построить следующую схему ослабления как световой интенсивности, яркости, так и сочетаемости с позитивно оцениваемым с аксиологической / эмоциональной точки зрения контекстом:

EMBRASER >>ILLUMINER/RAYONNER >> ECLAIRER>>ECLAIRCIR/LUIRE

Возможность сочетания с негативным контекстом максимальна у глагола *embraser*, в котором сильно присутствует семантика горения.

Ещё одним световым глаголом с сильно выраженной этической метафоризацией является **resplendir**. В первом значении, при характеристике небесного тела или блестящего / светящегося объекта, данный глагол определяется в TLFi как «излучать свой самый яркий свет, распространять много чистого света, отбрасывать яркие отблески» (*être au maximum de son rayonnement, répandre une lumière abondante et pure, projeter de vives lueurs*). *Les étoiles resplendent; la lune, un sabre, le soleil resplendit – сверкают звёзды; сияет луна, блестит песок, блещет солнце*. Последующие определения, приводимые в данном словаре, построены на идее заметности, достигаемой при помощи яркого свечения: в отношении окрашенной вещи, «выигрышно смотреться, отличаться (более) яркими цветами» [Le suj. désigne une chose colorée] *Se mettre superbement en valeur, se distinguer par des couleurs (plus) éclatantes*. По аналогии, данное значение функционирует и при описании области звука. При описании места, одежды данный глагол употребляется в значении «демонстрировать огромное количество богатств, роскоши, отделки» [Le suj. désigne un lieu, une pers. considérée dans son costume, etc.] *Déployer une profusion de richesses, de luxe, de raffinements*. При характеристике человека, значение данного глагола определяется как «казаться достигнувшем своего физического и/или морального расцвета, проявлять здоровье, чувство и т.д. во всей полноте» ([Le suj. désigne une pers., son visage notamment] *Paraître au maximum de son éclat physique et/ou moral, arborer une santé, un sentiment, etc. dans toute sa plénitude*). Словарь TLFi особо отмечает, что обычно данный глагол характеризует лицо человека (что возвращает нас к теории экстремиссии и соответствию ГЛАЗА – ЭТО ИСТОЧНИК СВЕТА). В религиозных контекстах, данным глаголом передаётся сияние божественное, снизошедшее на преображённого (*Réverbérer, répandre une lumière surnaturelle, se transfigurer dans*

la gloire éternelle).

Следующее определение относится к описанию качества, физического или морального: «ярко проявляться в физическом выражении, в произведениях» (transparaître avec éclat dans l'expression physique, dans les œuvres). В примерах, приводимых в TLFi, «просиять» подобным образом может «юность» (*la jeunesse des traits*), безмятежность (*la sérénité*), добродетели (*vertus*).

Наконец, переносным признаётся употребление данного глагола применительно к абстрактному понятию: «достичь максимальной интенсивности, стать заметным благодаря блестящим качествам» (parvenir au maximum de son intensité, se faire remarquer par de brillantes qualités). Аналогично, о человеке: «достичь вершины своей значимости, своего таланта, своей славы, и т.д.» (parvenir au summum de sa valeur, de son talent, de sa gloire, etc.). *Resplendir dans toute sa gloire – просиять во всей своей славе.*

3.1.2. Освещение как процесс, его динамика в русском языке

Динамическая ситуация освещения в русском языке представлена сходным образом. Действие по изменению освещённости объекта – внешнее, субъект при этом пассивен. Шкала **освещение / просветление – омрачение / потемнение** концептуализирует изменения как эмоционального состояния субъекта – если освещение производит свет внутренний (*При этих словах его лицо осветилось versus От этой новости у всех помрачнели лица*), так и внешних по отношению к субъекту элементов среды, объектов (*озарять чью-л. жизнь versus омрачать будущее*).

В русском языке базовый глагол **светить** совмещает в себе как значение «излучать свет» (*светит луна, огонёк* – действие производится самим источником света), так и значение «держа источник света, направлять его свет куда-л., освещать им что-л.» (действие производится субъектом зрительного восприятия / посторонним участником зрительного эпизода: *светить*

карманным фонариком). Динамическая природа данного процесса заключается в распространении света, который, в рамках этической зрительной метафоры, концептуализируется как БЛАГО (свет, внешний по отношению к субъекту зрительного восприятия) или ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ (свет, внутренний по отношению к субъекту зрительного восприятия). Отсюда получаем два следующих определения, приводимых в словаре МАС: *перен.*; *кому*. «давать радость, счастье, **озарять** жизнь»; *перен.* «освещаться счастьем, радостью (о лице, глазах, улыбке)».

Первое определение – переформулируем его как «приносить положительные эмоции» – отражает метафоризацию света, внешнего по отношению к субъекту зрительного восприятия; второе определение помещает источник «положительных эмоций» или «блага» внутрь субъекта зрительного восприятия.

Стоит отметить, что глагол **светить** не имеет реализаций эпистемических, в отличие от глагола **осветить** / **освещать**, которое определяется в словаре МАС как «сделать светлым, видимым; наполнить светом»; «направить свет чего-л. на кого-, что-л.». Несмотря на то, что действие в данном случае также может быть произведено как источником света, так и самим субъектом зрительного восприятия, в силу переходности данного глагола доминирует именно значение интенционального, результативного освещения (Ср. *Солнце осветило сад* >> в результате *Сад стал лучше виден // Солнце светило*). Два переносных значения данного глагола последовательно реализуют оба зрительных метафорических сценария, этический – «оживить, сделать просветленным, радостным (лицо, черты лица)» и эпистемический – «изложить, истолковать что-л.».

Интересен сопоставительный анализ определений переносных значений для глагола **осветить**, которые предлагаются в различных словарях. Так, в словаре С. И. Ожегова глаголу даётся дефиниция «сделать светлым; направить лучи света на кого-что-н.; снабдить светом». Примеры, которые приводятся для

иллюстрации данного определения, включают и одно метафорическое употребление: *Луна осветила поляну. Осветить фонарем дорогу. Осветить помещение, улицы. Улыбка осветила лицо (перен.)*. Второе определение, которое даётся в словаре, относится к сфере действия эпистемической метафоры: «объяснить, истолковать»: *Осветить положение. По-новому осветить дело*. Таким образом, этическое метафорическое значение не выделяется. Предложено толкование к возвратной форме данного глагола: *Лицо осветилось улыбкой (перен.: стало радостным от улыбки)*. Примерно так же обстоят дела в словаре Д. Н. Ушакова – не приведено ни одного примера этического употребления. В словаре Т. Ф. Ефремовой, однако, фиксируется отдельное значение «становиться освещённым», *перен.* «делаться оживлённым, сияющим (*о лице, чертах лица*)». Обращение к словарю В.И. Даля, даёт нам примеры, построенные как на этической, так и на эпистемической концептуализации освещения: *Луч благодати осветил его. Ум человеческий освещает наука, а волю – совесть*.

Исключительно в рамках эпистемической метафоры происходит концептуализация существительного **освещение**, действие по значимому глаголу **осветить / освещать**. В качестве конкретных значений также указывается «свет от какого-либо источника» (*Вечернее освещение. Искусственное освещение*); «распределение света на картине, фотоснимке»; «техническое оборудование, дающее свет». Помету «переносное» получает в словаре МАС дефиниция «объяснение, толкование чего-л., носящее тот или иной характер», обычно использующееся с определением: *Дать правильное освещение фактам*.

Синонимами глагола **освещать** в словаре Н. Абрамова признаются такие глаголы, как **озарять, светить, бросать лучи, издавать (лить, струить) свет, обливать (обдавать) светом (лучами), осиять (осиявать), озлащать. Иллюминировать** город, сад.

Действия с **лучами** и **светом** (бросать / лить / струить / излучать /

испускать) представляют динамическое привнесение в зрительный эпизод эпистемических метафорических значений световой лексики, причём свет в этих контекстах концептуализируется как внешний по отношению к субъекту, СВЕТ как ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ. Предположительно, данная тенденция может быть объяснена посредством концептуализации информации как объекта: «физические» действия по «привнесению» дополнительной информации мыслятся как действия над перемещением источника света.

При описании глагола **озарить** отечественные лексикографические источники более подробно выделяют метафорические значения; филиация переносных значений этического и эпистемического плана по отношению к базовому значению яркого освещения физически реальным светом зависит от словаря. Так, в словаре Д. Н. Ушакова после первого значения с пометой *книжн.* «ярко осветить, залить светом», указывается переносное «сделать сияющим, оживленным» (*кого-что-л.*); далее указывается переносное же значение «прояснить чье-н. сознание, внушить кому-чему-н. ясность мысли, сделать способным понять что-н.». Несколько по-другому представлено определение данного глагола в словаре Т. Ф. Ефремовой: в рамках первого значения выделяются два варианта, конкретный – «ярко освещать, заливать светом» и переносный – «прояснять чье-л. сознание, внушать кому-л. ясность мысли, делать кого-л. способным понимать что-л.». Вторым значением называется переносное «сделать сияющим, оживленным; освещать внутренним светом». Таким образом, этическая концептуализация света в данном случае рассматривается как более удалённая от базового светового значения, чем в словаре Д. Н. Ушакова. Понятие «внутренний свет» не получает подробного описания, однако, в терминах нашей работы, следует подчеркнуть, что это положительно оцениваемое с аксиологической и эмоциональной точки зрения внутреннее состояние субъекта. Наконец, в словаре В. И. Даля разделение на значения отсутствует («освещать, осиять или обдать светом»), но приводимые примеры подтверждают существование как этической, так и эпистемической

метафоризации данного элемента зрительного эпизода (*Он озарился неувыдаемой славой. Озаряйся светом науки.*). Таким образом, глагол **озарять** передает большую яркость освещения, и его «мощность» как в эпистемической, так и этической метафоре намного ошутимей.

Следующий глагол освещения, устаревший на сегодня, **осиять**, определяется как «ярко блистать, светить лучами, светом, огнем; издавать свет, или ярко и лучисто отражать его»: *Солнце сияет, а месяц только светит.* Этическая метафоризация данного глагола построена на яркости света, который исходит от «сияющего» человека: *Чело, лицо его сияет, окружено светом, венцом света, радостно, весело, сияет радостью* – внутренний свет концептуализируется как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ, или от любого объекта, определяемого при помощи сияния, эманации положительной аксиологии: *Отсияла слава его.* Существительным от данного глагола, **сиянье**, обозначают тот венец, который изображается вокруг головы святого на иконах. Ещё пример из В. И. Даля: *сиятельный, сиятельство*, почет князей и графов, их жен и детей. *Ваше княжеское (графское) сиятельство!* Начало письма благодетелю должно было выглядеть следующим образом: *Солнышку моему сиятелю, свету моему совету, сахару белому!*

В словаре Д. Н. Ушакова глагол **сиять** получает следующие определения: первое конкретное – «излучать ровный яркий свет, светить; блестеть отраженным светом»; второе, помеченное как переносное: *без доп., чем и от чего. О глазах:* «блестеть, выражая глубокие переживания, чувства». Расширительно, при описании человека: «излучать ровный и сильный блеск глазами, обнаруживая глубокие переживания, чувства»: *Сияя взором, он поднялся на трибуну.* В следующем определении чувства эти характеризуются как радостные: «обнаруживать какие-н. глубокие, радостные переживания, чувства».

Таким образом, внутренний свет, который концептуализируется как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ, освещает всего человека (источником света

становится его лицо / глаза / улыбка); свет, распространяемый неким внешним по отношению к субъекту зрительного восприятия объектом, становится носителем БЛАГА. На основании данного вывода представляется возможным сформулировать следующие соответствия:

ОСВЕЩАТЬ – ЭТО ВЫРАЖАТЬ РАДОСТЬ

ОСВЕЩАТЬ – ЭТО ДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ

Так как градуальная шкала **освещать – омрачать** функционирует и в русском языке, изменения качества / эмоции в сторону негативной аксиологии также происходит при помощи метафоризации зрительного эпизода. Глагол **омрачать** упоминается среди синонимов к глаголу **печалить**: опечалить, огорчать, озабочивать, *омрачать*, крушить, сокрушать, сердце расстраивать, *туманить (отуманить)*; наводить печаль, приводить в уныние.

Глагол **омрачить** определяется в словаре МАС как устаревший в своём конкретном значении «покрыть мраком, затемнить»: *омрачить небо*. Переносным признаётся производное «сделать менее ясным, затуманить (сознание, рассудок кого-л.)» (*Хмель омрачил рассудок*), значение, относящееся к эпистемической концептуализации зрительного эпизода. Второе значение – этическое: уже традиционно, наблюдается деление на свет внутренний по отношению к субъекту (СВЕТ как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ – ОМРАЧЕНИЕ как ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ), в таком случае омрачаются глаза / лицо – «сделать мрачным, опечалить»; и свет, внешний по отношению к субъекту зрительного восприятия (СВЕТ как БЛАГО – ОМРАЧЕНИЕ как аксиологически признаваемое УХУДШЕНИЕ): «доставляя огорчение, сделать менее радостным, приятным», *Омрачить радость*.

Глагол **туманить / затуманить / отуманить**, приводимый в списке синонимов, в первом значении предполагает создание физической преграды для ясного, отчётливого зрения: «застилать, затемнять собой, делать невидимым что-л. (о пыли, дыме и т. п.)». Если первое значение предполагает действие над средой зрительного восприятия (ср. отдаленье), то второе значение «застилать,

заволакивать (глаза), мешая ясно видеть» подразумевает воздействие на субъекта зрительного восприятия: *слёзы туманят глаза*. Переносное значение, которое развивается у данного глагола – «мутить (сознание, мысли), лишая способности ясно, отчетливо соображать». Данное значение относится к действию эпистемической зрительной метафоры.

3.2. Свет, его виды и характеристики

Традиционно возвращаясь к модели описания метафорической перцептивной подсцены **субъект – предикат – объект**, мы располагаем описываемый элемент действительности среди признаков среды восприятия (табл. 11):

Таблица 11

Место концептуализации света и его характеристик в структуре описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

3.2.1. Свет, его виды и характеристики во французском языке

Свет является организующим компонентом метафоризации зрительного эпизода; как отмечалось ранее, именно от изначального выбора направления, по которому будет развиваться концептуализация света, зависит структура и языковая реализация всего метафорического комплекса.

Базовое французское существительное **lumière** – «свет» – получает в словаре Французской Академии (*Dictionnaire de l'Académie Française*, 9e éd.), помимо конкретного значения «то, что освещает и делает тела видимыми» – помету “переносное” перед религиозным употреблением “то, что освещает

душу» (ce qui illumine l'âme). Рассматривая данное религиозное значение как однозначно положительно коннотированное (*La lumière divine, la lumière – божественный свет, свет, истина, происходящая от Бога. La Lumière, в Писании и в литургии, имя Христа. La lumière révélée, la lumière de la foi – свет откровения, свет веры. Les anges de lumière – ангелы света. Enfants de lumière – букв. дети света, верующие*), следует относить его к действию этической метафоры¹. Здесь же, среди переносных значений, приводится вторая дефиниция: «то, что освещает и направляет активность разума»: *La lumière de l'intelligence, de la raison – свет ума, рассудка. Un trait de lumière, букв. черта света – идея, откровение, внезапное вдохновение.*

Метонимическое развитие позволяет использовать это слово в отношении человека, жизнь, труды или личность которого имеют особое влияние на других. *Saint Thomas d'Aquin a été une des lumières de l'Église – Святой Фома Аквинский был одним из светил церкви*². Далее, цитируется значение «знание, истина»: *Vouloir la lumière – хотеть света / знаний. Chercher la lumière – искать света / истину. De la discussion jaillit parfois la lumière – В споре иногда рождается истина.* Во множественном числе данное слово обозначает «виды, идеи, знания, на которых основывается суждение». *Cet homme a peu de lumières, est dépourvu de lumières – Этот человек имеет мало *светов / знаний, лишён знаний. Je soumetts cette question à vos lumières – Я предоставляю этот вопрос Вашим знаниям.* Термин «Просвещение», «Les lumières», также построен на эпистемической световой метафорике; в словаре Французской Академии это слово определяется как «совокупность теоретических и практических истин, которые человек может извлечь из свободного использования разума, и которые благоприятствуют совершенствованию цивилизации».

¹ Возможен вариант особенной, «мистической» метафоризации света (такой вариант встречается у ...), однако, нам представляется, что структурное сходство «этической» и «мистической» зрительной метафоры столь велико, что можно признать «мистический» вариант частным случаем этического.

² Данный перенос несколько по-иному трактуется в словаре Антуана Фюретьера: акцент ставится не на влиянии, а на «освещении» / прославлении: «также говорится образная похвала, которую дают великим людям, **осветившим** Церковь, науки» (se dit aussi un éloge figuré qu'on donne aux grands hommes qui ont **éclairé** l'Église, les sciences): *Albert le Grand est une des grandes lumières de son siècle – Альберт Великий – один из светочей своего времени.*

Интересно, что наиболее детальные толкования метафорических значений света мы получаем в словаре Антуана Фюретьера (1690)³. Он обобщает в одно «мистическое» и «этическое значение света», предлагая следующую формулировку: «говорится образно о вещах духовных и моральных» (se dit figurément en choses sprituelles et morales). Примером сложной составной зрительной метафоры является предложение *Les lumières de la Foy, de l'Evangile ont dissipé les tenebres, l'aveuglement du genre humain* – букв. *Светы веры, Евангелия рассеяли мрак, ослепление рода человеческого. Свет мистический одновременно борется как с внешними (мрак), так и с внутренними (ослепление) по отношению к субъекту обстоятельствами, препятствующими нормальному зрительному восприятию. Авторитетный словарь Grand Robert также даёт как можно более широкие определения: «то, что освещает, озаряет человеческое сознание, сердце, разум» (ce qui éclaire, illumine la conscience humaine, le coeur, l'esprit); абсолютное употребление – «символ Истины, Блага, Счастья, и т.д.» (symbole de la Vérité, du Bien, du Bonheur, etc.).

Среди 60 синонимов к слову lumière, представленных в базе данных CRISCO, выделим те, которые подлежат этической метафоризации.

- **flambeau**, в первом значении переводимое как «факел», получает в словаре TLFi культурологический комментарий: в греко-римской мифологии факел является атрибутом некоторых божеств, становясь тем самым символом определённых чувств, добродетелей, философии, способных освещать и вести за собой человечество (certaines divinités de la mythol. gréco-latine ont pour attribut le flambeau qui devient ainsi le symbole de certains sentiments, de vertus, de la philos., etc. susceptibles d'éclairer et de guider l'humanité), в результате чего развиваются переносные или метафорические употребления, соотносящие факел с положительной аксиологической оценкой. Образным или метафорическим значением данного существительного признаётся «то, что освещает, направляет интеллектуально или морально» (désigne ce qui éclaire,

³ При цитировании словаря А. Фюретьера сохранена орфография и особенности словоупотребления автора, которые в некоторых случаях являются архаичными для современного французского языка.

guide intellectuellement ou moralement): слово это может использоваться в отношении принципа / достоинства / качества / чувства / идеи. В сочетании с предлогом **de** указывается источник освещения: *Le flambeau du génie, de la justice, de la liberté, du progrès, de la vérité* – Факел гения, справедливости, свободы, прогресса, истины. Несмотря на однозначно положительную аксиологию сочетающихся с данным словом «источников света», лексикографы TLFi отмечают возможность использования данного слова с отрицательной коннотацией: «обозначая недостаток, с идеей обманчивого сияния, блеска». Объяснение данной аксиологической амбивалентности находим в семантике огня¹ и горения, связанной с данным существительным: «с идеей чего-то горящего, воспламеняющего, вызывающего лихорадку» (avec l'idée de qqc. qui brûle, qui enflamme ou enfievre). Аналогичное объяснение можно привести и для следующего определения: «обозначает то, что поддерживает, возбуждает, зажигает, заставляет родиться что-л.; всегда в сочетании с предлогом **de**, который указывает на то, что поддерживается или вызывается». Примеры, которые приводятся здесь, крайне далеки от положительной аксиологии и коннотации: *Le flambeau du fanatisme, de la haine, de la révolte, de la sédition* – Факел фанатизма, ненависти, бунта, мятежа. В сочетании с динамическими глаголами зажигания, данное существительное может использоваться как в положительном, так и в отрицательном контексте: с одной стороны, применительно к гражданской войне (*Allumer le flambeau de la guerre civile*), с другой стороны – применительно к свободе и гениальности (*La liberté vient d'allumer le flambeau du génie*); априорно «нейтральное» употребление также возможно. К данной же категории «начинания» можно отнести устаревшее / поэтическое значение «зажигать пламя жизни»: *Allumer le flambeau des jours, de la vie* – зажигать факел жизни; *éteindre le flambeau des jours, de la vie* – гасить факел жизни. Наконец, последнее примечательное значение для слова

¹ Огонь – сам по себе крайне неоднозначный символ; детальный анализ связи света и огня представлен в работе Филиппа Уилрайта «Metaphor and Reality». Амбивалентность заложена даже в деструктивной способности огня: он одновременно разрушает и очищает [Osborn 1967 : 123].

flambeau в рамках этической метафоры – при обозначении выдающейся, авторитетной личности (en parlant d'une pers. éminente, prestigieuse).

- существительное **flamboisement** определяется через свет того, что пылает, горит (éclat de ce qui flamboie, de ce qui brûle); расширительно – как отсвет, яркий и непостоянный свет (lueur, éclat vif et intermittent). Переносное значение, которое присуще данному существительному - «яркое проявление» (чувства / эмоции / идеи): ([en parlant d'un affect, d'une idée, etc.] Manifestation vive).
- **éclat** – многозначное слово, общим значением которого можно признать некую «разрывную мощь», агрессивное воздействие на органы чувств (слух, зрение) – в рамках этической зрительной метафоры актуализирует своё базовое значение «световая интенсивность источника», **блеск, сияние**, где, при условии, что свет концептуализируется как источник положительной эмоции / аксиологии, источником света становится *красота*: [Par le caractère coloré mais aussi beau et frais]. Ещё одно переносное значение для данного существительного – **блеск / роскошь** [Par le caractère brillant, fastueux, luxueux d'une chose, d'une situation]. Переход в рамках зрительной семантики от собственно восприятия (ведущий компонент – свет) к семантике определённой «агрессии», ослепляющего света («оттенок поражения разума» [Avec l'idée de frapper l'esprit]), осуществляется в следующем значении: «утончённость ума, интеллектуальные способности», а также: «славный характер какого-либо действия, заслуга в чём-либо поведении». Смешанный характер метафоры подчёркивает и следующее определение к выражению **avec éclat** – букв. *с блеском*: «блестяще; с очевидностью» (brillamment; de façon manifeste, évidente).

3.2.2. Свет, его виды и характеристики в русском языке

В русском языке наблюдается сходная с французским метафорическая стратегия сопоставления СВЕТА и ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ, а также СВЕТА и БЛАГА.

В словаре МАС базовое существительное **свет** определяется в переносном значении как «то, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостной, счастливой жизнь». Характерно именно осуществляемое сближение значения эпистемического и этического в рамках одной дефиниции; в обоих случаях происходит некая «положительная» трансформация ситуации, её развитие от непонимания к пониманию, от печали к радости. Комментарий продолжается: «употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья». В рамках исключительно этической концептуализации следует рассматривать использование данного существительного в качестве обращения (*«обычно со словом „мой“ или с именем собственным»*). *Народно-поэт.* Ласковое, приветливое обращение к кому-л., равно как и устойчивое выражение **свет очей чьих**; **свет жизни чьей** — «о дорогом, любимом существе». Данная логика отражена также в выражении **только и свету (света) в окне (и окошке), что...** — «о чьей-л. единственной радости, утешении».

Словарь синонимов Н. Абрамова вписывает данное существительное в синонимический ряд **сияние, блеск, свет, огонь, блистание, мерцание, светлость**. Рассмотрим этические метафорические значения приведённых лексических единиц.

- **сияние** определяется в словаре МАС как «яркий, сильный свет, излучаемый или отражаемый чем-л.»; «блеск, сверкание какой-л. поверхности, предмета и т. д., отражающих лучи света», а также «светлый круг, лучистый ореол вокруг чего-л.». Следующее определение относится к области действия этической концептуализации света внутреннего как **ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ**: «блеск глаз, радостно-возбужденное выражение лица, вызываемые восторгом, счастьем». Наконец, третье значение получает в словаре МАС помету «переносное» и «высокое»: «полнота и сила достигнутого в чем-л. высоком, значительном». Таким образом, это метафорическое значение отражает второе направление этической метафоризации: свет концептуализируется как **БЛАГО**, источник положительной аксиологической оценки.

- **блеск** также определяется как «яркий, сияющий свет; сверкание»; переносными значениями в словаре МАС называются «пышность, великолепие». Дополнительное значение сверкания, как мы уже замечали ранее, способно принимать пейоративное значение *излишней* роскоши. Следующим переносным значением данного существительного признается «яркое проявление каких-л. достоинств, способностей и т. п.»: *Блеск таланта*. Устойчивые выражения **во всем блеске** — «во всем великолепии, совершенстве»; **с блеском** — «превосходно, блестяще» — также эксплуатируют идею превосходства, проявления исключительных качеств. Рассматриваемая нами выше стратегия привлечения внимания через блеск (*briller verus saillir*) функционирует и в данном случае: блеск концептуализируется как привлекающее внимание положительно оцениваемое качество.
- **блистание**, производное действие от глагола блистать, определяется в словаре МАС как «блеск, сверкание». *Блистание огней*. Обращение к данному глаголу позволяет установить градацию между двумя световыми значениями: **блистать** — «то же, что **блестеть**, но с оттенком большей силы, большей интенсивности действия»; также соответствие между этими глаголами устанавливается на уровне переносных значений: «то же, что **блестеть**». Глагол **блестеть**, в свою очередь, определяется в конкретном значении как «издавать блеск, светиться; сверкать»; «сверкать под влиянием возбуждения или какого-л. чувства, переживания (о глазах)». Сочетание с эмоциями отрицательными в данном случае возможно: *блестящие ненавистью, торжеством глаза*. Переносное значение, находящееся в области действия этической зрительной метафоры — «отличаться, выделяться яркостью и силой красок, свежестью и т. п.»; «ярко обнаруживаться»; «поражать, отличаться каким-л. достоинством».
- существительное **мерцание**, которое приводится в списке синонимов, определяется как действие к глаголу мерцать, «светиться неровным, колеблющимся светом»; «отражая колеблющийся свет, слабо блестеть»; метафорических значений в рамках зрительной этической концептуализации

оно не развивает.

- существительное **сверкание** не фигурирует в списке синонимов к слову свет, однако заслуживает внимания структура определения глагола **сверкать**. В первой базовой дефиниции подчёркиваются такие признаки, как яркость и прерывистость: «сиять ярким, искристым, прерывистым светом»; мотив прерывистости, вероятно, и позволяет развиваться значению «ярко, ослепительно вспыхивать». Следующее значение является базовым для световых глаголов блеска и основано на стратегии привлечения внимания: «ярко проявляться, обнаруживаться». Акцентируется отражённая природа света и яркость: «ярко блестеть, переливаться, отражая свет, лучи»; отсюда: «отличаться белизной, яркостью цвета, безукоризненной чистотой». Далее, отдельно фиксируется значение «резко выделяться среди чего-л. своим светлым или ярким цветом»; «при быстром движении то показываться, проблескивая, то скрываться». Отдельное значение связано с блеском глаз: «ярко блестеть при сильном возбуждении, чувстве и т. п. (о глазах)». Переносное употребление – «ярко выражаться, обнаруживаться (о чувствах, переживаниях)». Отметим сочетание данного существительного с проявлением **ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ**: *ужас* и *гнев* могут сверкать во взгляде.

Таким образом, в русском языке функционирует системная концептуализация **СВЕТА** как **ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ** или **ИСТОЧНИКА БЛАГА**. Сочетания света в проявлении **ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ** обусловлено либо наличием семантики **ОГНЯ**, либо яркого **БЛЕСКА**. Блеск – амбивалентная с точки зрения аксиологической оценки характеристика объекта, которая может не только привлекать к нему внимание, но и вызывать неприятные зрительные ощущения в силу своей избыточности.

3.3. Препятствия на пути света

Né des hantises de la nuit et de la mort, l'art fantastique utilise toute une thématique du noir et de l'ombre: monstres des grottes,

des gouffres, des fonds marins, démons et sorcières.
 Violence, mort, érotisme, paysages effrayants¹...
 Cocula B., Peyrouet C. *Sémantique de l'image*, pp. 63 – 64

Традиционно возвращаясь к модели описания метафорической перцептивной подсцены **субъект – предикат – объект**, мы располагаем описываемый элемент действительности среди признаков среды восприятия (табл. 12):

Таблица 12

**Место препятствий на пути света
 в структуре описания зрительного эпизода**

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

3.3.1. Препятствия на пути света во французском языке

В отличие от эпистемической концептуализации зрительного эпизода, где оппозиция *свет – тьма* словно бы раздваивается на противопоставление *свет как информация – тьма как отсутствие информации* и *свет как интеллектуальная способность – временное потемнение как временное затруднение понимания*, этическая метафора задействует единственное направление переноса: *свет как благо – тьма как источник зла, негативной аксиологии*. Тем не менее, с точки зрения анализа собственно динамической ситуации освещения, подразделение на темноту абсолютную и на более или менее серьёзные «затемнения» сохраняется.

1) Тьма как источник негативной аксиологии. Мощным носителем

¹ Родившись из призраков ночи и смерти, фантастическое искусство использует всю тематику черноты и тени: монстры пещер, ущелий, подводных впадин, демоны и колдуньи. Насилие, смерть, эротизм, пугающие пейзажи...

негативной коннотации становится, прежде всего, прилагательное **noir**¹, метонимически принимающее на себя весь аксиологический заряд темноты².

Интересно, что базовые слова для обозначения темноты – **obscurité**, **obscur** – передают негативную коннотацию в довольно ограниченных контекстах, преимущественно в сфере субъективной эмоциональности. Так, у существительного **obscurité** на уровне определений мы не встречаем прямых антонимов для метафорического блага; негативную коннотацию несёт в себе частный случай конкретного употребления, “тьма тюрьмы, заключения, застенков” (*obscurité d'une prison, d'un cachot*); а все метафорические значения, противопоставленные собственно свету, относятся к эпистемической области. Тем не менее, однокоренной глагол **obscurcir** позволяет вводить антонимию к динамической ситуации освещения, **éclairer**, в контексте описания эмоционального состояния: омрачать – делать печальным, меланхоличным.

На фоне подобного отсутствия коррелирующей пары *свет – тьма*, основным оппонентом этической метафоризации света становится **ombre** – тень. Именно тень в метафорическом контексте становится синонимом смерти (*la mort, l'ombre implacable; empire / royaume / séjour de l'ombre / des ombres* как противопоставление раю, ад). Именно тень развивает переносное значение «недостаток, моральный порок; отрицательный аспект чего-л.» (*faute, souillure*

¹ Исследования эмоциональной реакции на цвета конкордантны с расхожим представлением «чёрный – плохо, белый – хорошо», ср. работы Clarke & Costall, 2008: «It may well be that white represents the pinnacle of positive emotions, as opposed to black which seems to be entirely negative» [Clarke 2008 : 408] – «Вполне возможно, что белый представляет вершину положительных эмоций, в противопоставлении чёрному, который кажется абсолютно отрицательным».

² Ср. детальное исследование всевозможных аксиологически негативных (и амбивалентных) употреблений чёрного цвета, проведённое в работе А. Моллар-Десфур, 2005: «Le noir ancien est au coeur des grands thèmes touchants aux mythes, à la religion, aux croyances, au liens entre le corps et l'esprit. Le noir est diable, Enfer, mal, mort... mais aussi promesse d'une nouvelle étape, supérieure et idéale» [Mollard-Desfour, 2005:23] – «Древний чёрный находится в центре великих тем, касающихся мифов, религии, верований, связи между телом и духом. Чёрный – это дьявол, ад, зло, смерть... но также и обещание нового этапа, высшего и идеального». (...) «Le noir est resté, jusqu'à nos jours, le noir de l'enfer, de Satan, par opposition à la lumière de Dieu et du paradis (...) C'est le domaine du mal, du péché, de la méchanceté» – «Чёрный остался до наших дней цветом ада, сатаны, в противопоставлении свету Бога и рая... это область зла, греха, злобы» [Mollard-Desfour, 2005:24]. «Le noir est aussi couleur du malheur» – «чёрный – это также цвет несчастья» [Mollard-Desfour, 2005:26]. «Noir de l'humeur et des idées, de la tristesse, du désespoir ou du pessimisme, le noir est encore la couleur de la folie et de l'expression extrême des sentiments» – «Чёрный настроения и мыслей, печали, отчаяния или пессимизма, чёрный – это также цвет безумия и экстремального выражения чувств.» [Mollard-Desfour, 2005:28]. «Le noir, c'est aussi la couleur de la violence» – «Чёрный – это также цвет насилия» [Mollard-Desfour, 2005:29].

morale; aspect négatif, répréhensible de quelque chose), примерный аналог русского «пятно на чём-л.». Выражения, в которых участвует данное значение слова «ombre» – *jeter une ombre sur; sans (une) ombre* – позволяют реконструировать динамику зрительного эпизода.

Когда на объект бросается тень, идеальная ситуация зрительного восприятия нарушается. Как уже отмечалось, в рамках этической метафоры *видимость, яркость, заметность* объекта является показателем степени проявления его положительного качества. Причём эта стратегия, как было показано, отражает как зрительные события со стороны субъекта (то, что притягивает взгляд / внимание – носитель положительного качества), так и со стороны объекта (то, что излучает свет – носитель положительного качества; чем ярче свет, тем сильнее проявление качества). Таким образом, исследуемый концепт тени «вмешивается» одновременно в оба направления метафоризации: он *ухудшает зрительное восприятие для субъекта и уменьшает излучение света у объекта*.

Возможно, под влиянием этой устойчивой метафорической оппозиции **lumière – ombre**, у данного слова развивается дополнительное прямое значение «полное отсутствие света, ночь» (*ombres de la nuit*). Именно от этого конкретного значения, согласно филиации в словаре TLFi, образовано переносное значение «То, что печалит, беспокоит, омрачает» (*ce qui attriste, inquiète, assombrit le moral, nuit à la sérénité de l'esprit*)¹.

Отсюда же метонимически производным является значение «выражение печали, беспокойства». Показателен пример, который приведён в словаре TLFi: *une ombre passa sur le visage de Condé, éteignit le sourire paternel et durcit les traits*. Зрительно-световая метафорика задействована здесь дважды: тень проходит по лицу и при этом гасит улыбку (которая, соответственно, излучала свет). Второе производное значение относится к области эпистемической

¹ Ср. устаревшее употребление данного существительного в выражениях **faire ombre sur; donner, jeter de l'ombre à qqn., donner, faire, porter ombrage* à (qqn)** – вызывать у кого-л. ревность, чувство соперничества. Динамическая ситуация бросания тени на объект в данном случае не соотносима с ухудшением зрения / сияния, но сама тень приравнивается к негативной эмоции, которую испытывает «затеняемый» субъект.

метафоры, и его зрительный генезис также зафиксирован в словарной дефиниции: «то, что скрывает, не даёт понять; то, что спрятано, забыто, таинственно». Как следствие, формируются такие выражения, как *agir, se passer, se tramer dans l'ombre* – действовать в тени.

Интересно, что в ряде случаев существительное **тень** образует положительные оцениваемые метафорические ситуации; основанием для переноса является сема укрытия – но уже не от взгляда / познания, а от (палящих, то есть, оцениваемых как нежелательные) лучей солнечного света: *à l'ombre (de)*. Расширительно, то, что сокрыто от солнца – а priori вездесущего – трактуется как спрятанное в принципе: *être, mettre qqc. à l'ombre* – *находиться в надёжном месте / убирать в надёжное место*. Однако, применительно к человеку, значение может меняться на прямо противоположное: *être, mettre qqn à l'ombre* – *находиться в тюрьме, садить кого-л. в тюрьму*; упоминается даже устаревший вариант *mettre qqn à l'ombre* – *помещать кого-л. под землю, т.е. убивать*. Связь с отсутствием солнечных лучей, т.е. сокрытость от солнца, очевидна в обоих случаях. Переносное значение данного выражения, обладающее уже исключительно положительной коннотацией, строится, вероятнее всего, на возможности укрыться от нежелательного, слишком жгучего солнца в приятной охлаждающей тени: «се qui abrite, protège, exerce une influence bienfaisante» - «то, что укрывает, защищает, оказывает благотворное влияние»; вариант: *à l'ombre (de)* – *под защитой чего-л.*

Ещё более выраженное этическое значение передаёт существительное **ténèbres** – мрак. В словаре А. Моллар-Десфур (2005) подробно расписано этимологическое значение этого слова: заимствование от латинского *tenebrae* = «obscurité, nuit; *ténèbres de la mort, de la cécité; enfers; au fig.: obscurité de l'esprit; ténebres de l'oubli; ténebres d'une situation embrouillée, difficile; ténebres du malheur*» – «темнота, ночь; мрак смерти, слепоты; преисподняя; в *перен.*: темнота духа; мрак забвения; мрак запутанной, сложной ситуации; мрак несчастья» [Mollard-Desfour 2005 : 225]. Семантическое обогащение данного

слова происходит в эпоху установления христианства: оно начинает обозначать христианский ад; демонов (с конца IV в.); а также небытие неведения, неверия, греха.

Первое переносное значение данного слова, по словарю А. Моллар-Десфур, относится к эпистемической метафоре ([*domaine intellectuel*]): по отношению к объекту познания: в противоположность таким концептам, как **clarté, lumière, limpidité, évidence**, то, что сложно познать, понять, прояснить; то, чему не хватает ясности в изложении (*ténèbres d'une explication, d'un problème* – *темнота объяснения, проблемы); по отношению к субъекту познания: неведение, недостаток понимания относительно произошедшего события или будущего события по причине удалённости во времени – *manque de compréhension d'un événement passé ou à venir dû à l'éloignement dans le temps*.

Данное уточнение в словарной дефиниции представляется особенно интересным: удалённость события во времени, согласно базовым пространственно-временным метафорам в индо-европейских языках, концептуализируется как удалённость (сам этот термин абсолютно прозрачен) в пространстве; зрение как правило становится более затруднённым (ср. метафоры *близорукости* – *дальнозоркости* – *зоркости*). Реализацией затруднённого зрения в данном случае становится темнота; устанавливается следующая цепочка:

ВИДЕТЬ СОБЫТИЯ ИЗ ДАЛЁКОГО БУДУЩЕГО

=

ВИДЕТЬ ОБЪЕКТЫ ВДАЛЕКЕ

=

ВИДЕТЬ ОБЪЕКТЫ ПЛОХО

=

ВИДЕТЬ ОБЪЕКТЫ В ТЕМНОТЕ

=

ПЛОХО ПОНИМАТЬ

Далее, вновь применительно к субъекту познания, слово *ténèbres* выступает в оппозиции таким концептам как **clairvoyance**, **connaissance** – ясновидение, знание (ср. устойчивое выражение **être, marcher dans les ténèbres** = *être ignorant* – быть/идти впотьмах – быть в неведении), откуда данная метафизическая **тьма** также выступает в значении «состояние того, кто / что не был(о) затронут(о) светом прогресса, знания»; «ослепление духа, которое диктует неверное и иногда ошибочное поведение» = **aveuglement**, **erreur**, **égarement**. Зрительная метафора вновь становится очевидной в данном определении.

Также к интеллектуальной области относится в словаре А. Моллар-Десфур ещё одно значение – «мрачный и трудный период в истории».

Следующим блоком выделяются аффективные и моральные значения ([*domaine affectif et moral*]): основное противопоставление – это оппозиция уверенности, истине, разуму (*certitude, vérité, raison*), это «состояние сомнения, неуверенности, в которое иногда погружена человеческая душа» (*ténèbres intérieures – внутренний мрак*), а также «самые потаённые, самые неизмеримые части человеческой души» (*ténèbres de l'inconscient – мрак бессознательного*); наконец, в религиозном контексте, «то, что не поддаётся пониманию, не имеет никакого рационального объяснения». Несмотря на то, что А. Моллар-Десфур размещает данное определение под рубрикой «аффективного и морального» [Mollard-Desfour 2005 : 226], нам представляется, что его логичней рассматривать как реализацию эпистемической метафоры: невозможность понимать есть невозможность видеть в темноте, это уже известный нам базовый перенос. Кроме того, данное существительное имеет целый ряд фиксированных значений, относящихся к области католической литургии (**offices de(s) Ténèbres¹; (chants de) Ténèbres; leçons de Ténèbres**).

¹ Церковная служба, проходившая в течение трёх последних дней страстной недели, сначала по ночам, потом вечером, в течение которой по очереди гасились все огни в церкви; соответственно, *chants / leçons de Ténèbres* – это религиозные тексты, которые произносились / пелись во время этой службы; расширительное значение «урок умирания» развивается у сочетания *leçon de Ténèbres*, вероятно, в связи со спецификой текстов, которые использовались на данных богослужениях (ср. *La poésie est une leçon de ténèbres (elle médite la mort comme sens de la vie) – Поэзия – это урок умирания, она размышляет о смерти как смысле жизни*).

Значения, которые в классификации А. Моллар-Десфур относятся к разделу «метафизика, религия, теология, символизм», согласно предложенному толкованию, также можно отнести к этической метафорике:

1. Сумерки как темнота (*les ténèbres comme obscurité*²) – чаще всего, на основе оппозиции свету (*lumière*) – ассоциируются со смертью, с Адом, со злом: *Ténèbres initiales / Ténèbres premières* – первоначальный сумрак (который предшествует творению мира); *les ténèbres de la mort / les ténèbres* – темнота, в которую оказываются погружены умирающие; расширительно – небытие; *l'Empire / le Royaume des ténèbres* – преисподняя; *Ange de(s) ténèbres* – в противопоставлении *ange de lumière* – павший ангел, демон; *l'Ange des ténèbres / l'Esprit de(s) ténèbres / le Prince des ténèbres = ange noir, ange des nuits* – в оппозиции Богу (*Dieu qui est Lumière*) – дьявол; *les ténèbres extérieures / du dehors* (ср. Евангелие от Матфея, 22, 13) – место наказания, куда отправляются неверующие и пропадающие души.
2. Сумерки как символ зла, греха противопоставляются благу, добру: *la victoire de la lumière sur les ténèbres; l'esprit des ténèbres / les puissances de(s) Ténèbres* – злое начало, метонимически – человек, воплощающий идею зла.

Однокоренные слова, образованные от существительного **ténèbres** – **enténébré, enténébrement, enténébrer, ténébreux, ténébrisme, ténébrosisme, ténébrosi** – в целом сохраняют рассмотренную метафорическую структуру, однако, каждое из них по-своему специфично:

- **enténébré** – в перцептивной области, о голосе: неясный, нечёткий. Переносные значения: в рамках эпистемической метафоры, об интеллектуальной способности, о сознании, об идее – запутанный, неспособный на ясное мышление / понимание / рассуждение (*rendu confus, trouble, incapable de lucidité, de discernement, de raisonnement*): *esprit, raisonnement enténébré*; в рамках этической метафоры, погрузневший, помрачневший (*rendu triste*):

² Как было показано выше, слову **obscurité** как таковому не столь свойственная негативная коннотация именно в этической, аффективной области; его переносные значения больше тяготеют к эпистемическому полюсу.

visage enténébré par la honte – потемневшее от стыда лицо.

- enténébrement – функционирует только в рамках эпистемической метафоры, замешательство рассудка, непонимание (антоним для **clairvoyance, connaissance**).
- enténébrer – в рамках эпистемической метафоры, лишать возможности понимать, выносить суждение, рассуждать (*enténébrer le cerveau, l'esprit, la raison*); в рамках этической метафоры, как помечает А. Моллар-Десфур, «с идеей грусти, угрозы, которые присутствуют в сумерках» («avec l'idée de tristesse, de menace évoquées par les ténèbres» [Mollard-Desfour 2005 : 232]), делать грустным, мрачным; опечаливать, лишать весёлости, радости.
- ténébreux – в рамках эпистемической метафоры, о языке, о произведении, которому не хватает ясности, понятности = **abscons, nébuleux**; о человеке, который выражается смутными терминами; также о человеке, о проблеме, о деле: то, что не было до сих пор прояснено, где ещё царят неопределённости; то, что остаётся загадочным (*qui n'a pas été entièrement élucidé, où règnent encore des incertitudes, des obscurités; qui est resté mystérieux*) = **obscur, sombre**; лишённый света и прогресса науки (*le ténébreux Moyen Age – мрачное Средневековье*). Этическая метафора в словаре А. Моллар-Десфур вновь подразделяется на следующие – на наш взгляд, неразрывно между собой связанные – области: 1) аффективную и моральную – о человеке или его признаках, мрачный, меланхоличный (*qui est sombre, mélancolique, taciturne*), или загадочный, таинственный; о проявлении человеческой души или природы (*en parlant de la manifestation de l'âme ou de la nature humaine*), непроницаемый; глубокий потаённый смысл которого сложно понять; не поддающийся человеческому пониманию = *impénétrable: coeur ténébreux, âme ténébreuse* (ср. в русском: *чужая душа – потёмки*); 2) идею доминирующего зла (*avec une idée de mal dominante*): о человеке, который действует в тени, намерения которого неясны и нечисты (*qui agit dans l'ombre; dont les desseins ne sont pas ni très clairs,*

ni très purs); о поведении человека, сомнительный; о поступке, о поведении, о проекте – продиктованный дурными намерениями, желанием причинить вред (*action, mainoeuvre, vie ténébreuse*); об эпохе, о ситуации, исполненный неопределённости, предстающий в мрачном, угрожающем, опасном виде (*avenir ténébreux*). Наконец, *отдельно от переносных* рассматриваются значения из области религии и метафизики; о человеческой душе, природе – место, где формируются идеи, порождающие добро и, прежде всего, зло (*coin ténébreux de l'âme*); далее цитируются устойчивые выражения, которые дублируют рассмотренные нами ранее сочетания с *ténèbres*: *ange ténébreux, monde / séjour ténébreux, puissance ténébreuse*. В грамматической категории существительного, данное слово принимает сходные значения: 1) *ce qui est sombre, obscur, mal défini, inexpliqué, mystérieux; ce qui pousse l'homme à faire le mal*; 2) *personne vivant dans les ténèbres de l'ignorance et de l'obscurantisme (les ténébreux et les lumineux)*; 3) *homme à l'air sombre et mélancolique, amoureux taciturne et mélancolique, bel homme à l'air sombre*.

Важное место в складывании этической зрительной метафоры во французском языке занимает прилагательное **sombre** – **тёмный, плохо освещённый**, происхождение которого не установлено однозначно, однако возможно, что оно этимологически возводится к латинскому слову **umbra** – тень (см. более подробно: Mollard-Desfour 2005 : 217). В конкретном значении это прилагательное может характеризовать как плохо освещённое пространство (*un appartement, une rue sombre – тёмная квартира, улица*), так и плохо освещающий источник света (*une sombre lueur – бледный проблеск*). Производным от второго варианта является метонимическое употребление данного прилагательного для обозначения совокупности световых условий: *temps sombre, une journée sombre – тёмная погода, тёмный день*. Следующим приводится мифологическое / религиозное значение, определяемое через целый ряд синонимов, построенных на метафоре царства тьмы: **les sombres bords / le sombre empire / le royaume sombre = lieu / néant / royaume noir; empire /**

royaume / séjour de l'ombre / des ombres; royaume des ténèbres, преисподняя, царство мёртвых.

Особый интерес представляют также синэстетические значения данного зрительного прилагательного: *un arôme sombre* – резкий, сильный запах; *une voix sombre* – глухой, приглушённый голос. То есть, при помощи данного слова обозначается одновременно то что понижает акустическое и визуальное восприятие, но усиливает восприятие аудиальное.

В переносном значении слово это, прежде всего, определяется в терминах эпистемической метафоры: *maloupponyantnyy ([domaine intellectuel] qui est difficile à comprendre, qui est peu clair): un poème sombre, un écrivain sombre*. Однако, намного более разветвлённым в словаре Моллар-Десфур оказывается значение этическое, отнесённое к «аффективной области» (*domaine affectif*): «*empreint de tristesse, de mélancolie, de douleur, ou de pessimisme, d'inquiétude, parfois de menace*» – «исполненный печали, меланхолии, боли, или пессимизма, беспокойства, иногда угрозы».

- При описании человека, его характера, настроения: **taciturne, atrabilaire, bileux, mélancolique, ténébreux** (*le plus sombre des Misanthropes – самый мрачный из мизантропов*); при описании внешности человека, которая передаёт мрачное настроение, характер: грустной или угрожающей суровости, *d'une austérité triste ou menaçante = ténébreux (un air, un regard sombre – мрачный вид, взгляд)*. С одной стороны, в данном случае можно говорить о мрачности как отрицании света объекта и, следовательно, источнике негативной эмоции («мизантроп» – априорно негативное качество, значит, «тёмное», и значит, превосходная степень для этого качества будет окрашена в «самые тёмные» тона); с другой стороны, можно вспомнить более частный случай метафорического переноса: уподобление лица / глаз / улыбки человека источнику света / радости.
- В отношении неодушевлённого объекта, данное прилагательное определяется как «трагически или угрожающе печальный» - «*d'une tristesse tragique ou*

menaçante» = funeste, funèbre, inquiétant, sinistre. Прежде всего, отмечаются употребления в контексте интеллектуальной / творческой деятельности, духовной / психической жизни, проявления чувства: *être plongé dans une sombre rêverie, de sombres pensées, de sombres réflexions* – быть погружённым в мрачные раздумья, мрачные мысли, размышления. Метонимический перенос позволяет говорить при помощи данного прилагательного о носителе описываемой эмоции: *de sombres avertissements, présages, pressentiments* – *мрачные предупреждения, предсказания, предчувствия*; а также о событии / временном отрезке, в который эти события разворачиваются: *un dîner sombre et silencieux* – *мрачный ужин в молчании, journée, moment sombre* – *мрачный день, момент; années sombres* – *мрачные годы*.

- Именно данное прилагательное выполняет эмфатическую роль при существительных с негативной аксиологией (*être en proie à une sombre terreur* – *быть во власти сильного ужаса; un sombre désespoir* – *тёмное отчаяние; une sombre tragédie* – *мрачная трагедия; au plus sombre de* – *в самый печальный, трагический момент чего-л.*). Кроме того, оно употребляется в разговорной речи в препозиции с выражено пейоративными прилагательными (например, в рамках инвективы), утрачивая при этом своё значение «тёмный, мрачный» и сохраняя только мощную негативную эмфазу: *Sombre brute / crétin / imbécile!* = *déplorable, lamentable* [Mollard-Desfour 2005 : 220].

Однокоренные слова – **assombrir, assombrissement, sombreur** – полностью отражают значения, рассмотренные на примере прилагательного *sombre*.

2) **Потемнение как источник негативной аксиологии.** К данной категории следует отнести, прежде всего, метеорологические события, которые влияют на яркость света, и значит, понижают степень проявления положительного качества. Необходимо отметить, что абсолютное большинство лексических единиц, характеризующих метеорологические изменения среды, реализуют свои метафорические значения в рамках эпистемической метафоры.

Возможным объяснением данному феномену является преимущественно стабильный, устойчивый характер аксиологической оценки, которая даётся объекту говорящим; в то время как метеорологические термины, в силу онтологической изменчивости обозначаемых ими феноменов, как правило, характеризуют состояния сознания / понимания, которым свойственна изменчивость.

Nuageux. В противоположность **светлому, сияющему** лицу / глазам / улыбке появляется метафора облачного (по-русски скорее «пасмурного, смурного») лица / потемневших глаз: (*front, visage, yeux*) **nuageux** – на котором можно прочесть лёгкое беспокойство, où l'on peut lire une légère inquiétude. Приблизительный перевод на русский показывает, что степень беспокойства и негативной коннотации во французском не столь велика, ибо беспокойство подразумевается *лёгкое*. Ещё более абстрактное употребление данного прилагательного наблюдается в таких сочетаниях как *avenir nuageux, vie nuageuse* – *облачное, туманное будущее, облачная жизнь*. В русском языке идеальным антонимом явилось бы прилагательное **безоблачный**, а **облачное будущее* воспринимается как производное от «безоблачный»; это понятное, но не вошедшее в литературный язык выражение¹.

3.3.2. Препятствия на пути света в русском языке

Как уже отмечалось, при эпистемической концептуализации зрительного эпизода в русском языке, в отличие от французского, практически не происходит подразделения на постоянное и временное потемнение, ни внутреннее (помутнение сознания субъекта), ни внешнее (изменение степени освещённости объекта). Этическая метафора также задействует единственное направление переноса: *свет как благо – тьма как источник зла, негативной аксиологии*. Рассмотрим данную когнитивную стратегию с точки зрения анализа

¹ Хотя «показания» к тому имеются: ср. в словаре В. И. Даля: Темна вода во облацех, будущее неведомо, дело темное.

собственно динамической ситуации освещения.

1) **Тьма как источник негативной аксиологии.** Как и во французском языке, носителем концентрированной негативной коннотации становится прилагательное **чёрный**¹.

Словарь антонимов русского языка М. Р. Львова предлагает следующую систему противопоставлений: **свет versus темнота, тьма, темь, мрак, мгла, сумрак, тень.** Однако, распределение данных антонимов между эпистемической и этической зрительной метафорой крайне неравномерно.

Так, к эпистемической метафоре относятся такие антонимы, как **темнота** (МАС определяет темноту в первом значении как «отсутствие света, освещения; мрак, тьму»); два переносных значения – «неясность, непонятность» и «невежество, культурная отсталость»); **тьма**²: «темнота, мрак»; в переносном значении – «неведение, невежественность, культурная отсталость».

Слово **темь** в МАС отсутствует, приводится, однако, также помеченное как разговорное существительное **темень**, которое обладает только конкретным значением физического недостатка света. Также только конкретным значением обладают существительные **мгла**: «пелена тумана, пыли, дыма и т. п.»; «сумрак, темнота», и **сумрак** – «неполная темнота, при которой еще можно различать предметы; полумрак».

К этической метафоре относится существительное **мрак**, которое определяется в МАС как «полное отсутствие света, освещения; тьма, темнота»; *перен. чего* или *какой* «безотрадность, безнадежность». Однако, в разделе идиоматических выражений с данным существительным приводится сочетание **покрыто мраком неизвестности** — совсем, совершенно неясно, неизвестно.

¹ См. следующие переносные значения в Малом Академическом Словаре: 10. *только полн. ф. Устар.* По суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью (*черная грамота; черная сила; черный = нечистый*, в значении «дьявол»); 11. *перен.* Отрицательный, плохой. (*выставить что-л. в самом черном виде; черная сторона жизни*). 12. *перен.* Мрачный, безрадостный, тяжелый (*черная тоска; черные думы; черная весть*) || (о времени) связанный с трудностями, невзгодами (*черный день; черный год*). 13. *перен.* Злостный, низкий, коварный. (*черная зависть; черная измена; черные замыслы*). МАС доступен на сайте <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18.htm>

² При этом именно тьма сочетается с прилагательным, передающим абсолютную степень качества: *крошечная*

Несмотря на отсутствие выделенного эпистемического значения у слова **мрак**, направление переноса абсолютно понятно: неизвестность как фактор, препятствующий пониманию / суждению, описывается через мрак как фактор, затрудняющий зрительное восприятие.

Последний приводящийся в словаре антоним, **тьнь**, имеет целый ряд конкретных определений («темное отражение на чем-л., отбрасываемое предметом, освещенным с противоположной стороны»; «*только* ед.ч. пространство, защищенное чем-л. от лучей солнца»; «места на рисунке, картине (пятна, штрихи и т. п.), изображающие наименее освещенные участки чего-л.»; «место на лице, выделяющееся более темным оттенком»). На основании данного конкретного значения выстраивается ряд устойчивых сочетаний, например, **ходить / идти / следовать за кем как тень**, «ходить за кем-л. неотступно»; **быть / сделаться тенью кого** — «неотступно ходить за кем-л., быть всегда вместе с кем-л.» (тьнь действительно является неизменным атрибутом объекта); и более спорное второе толкование данного выражения, «целиком находиться под влиянием *кого-л.*»¹. Также прямое и конкретное значение тени, как нам представляется, участвует в выражениях **(одна) тень осталась от кого** — «кто-л. очень похудел», **тени под глазами / вокруг глаз у кого** — «темные с синеватым оттенком круги под глазами от усталости, нездоровья и т. п.».

Наконец, последнее «конкретное» выражение, которое, как нам представляется, является семантическим развитием значения физической тени, в словаре МАС определяется как «дух умершего или отсутствующего человека, являющийся, по суеверным представлениям, кому-л.; призрак, привидение»; «чей-л. образ, рисующийся в воображении». Итак, тень как атрибут человека способна его метонимически замещать.

¹ Вопросы в данном случае вызывает отсутствие в словаре маркированной негативной коннотации, однако она неоспоримо присутствует в приводимом примере из Гладкова: *У него и мнения своего нет... Это тень и голос Ватагина* («Энергия»). Думается, значительную роль здесь играет пространственная концептуализация оказания влияния, закреплённая в русском языке. Влияние как давление предполагает расположение *под* влияющим объектом, что сочетается с контекстом нахождения в тени. Кроме того, тень предполагает мотив лишения, отрицания света, равно как и влияние, тем более под которым человек «целиком находится», означает отказ от собственной позиции, мнения, возможно, в некоторой степени и от собственного интеллекта. Представляется, что гипотетические трактовки возможны как в этическом, так и эпистемическом ключе.

Трактовка собственно переносных значений в МАС следующая: «*перен.; обычно чего или какая*. Отражение внутреннего состояния (беспокойства, печали и т. п.) на лице, в глазах человека». Коннотация, заложенная в описываемом внутреннем состоянии, в словаре комментируется неявно (*беспокойства, печали и т. п.*), однако, архисема негативной аксиологической оценки подтверждается приводимыми в словаре документированными примерами. Стоит вспомнить, что описываемый нами перенос СВЕТ – ЭТО РАДОСТЬ / ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ функционирует в рамках динамического сценария и потемнение / помрачение связывается с уменьшением яркости света, то есть, с уменьшением степени проявления позитивной эмоции. Тень на лице, в глазах как временное и лёгкое омрачение внутреннего света человека, тем самым является метонимическим признаком, указателем на изменения его эмоционального состояния.

Следующее переносное значение развивается на основе семантического признака слабости, неявности «*перен.; чего*. Слабый след или слабое подобие чего-л., намек на что-л.; самая малая, незначительная доля, часть чего-л.» и, зрительно, нечёткости воспринимаемого образа: «*неясные в темноте очертания фигуры человека, животного или предмета; силуэт*».

Особенно интересны трактовки устойчивых выражений с данным существительным, в которых наблюдается тесно переплетённые этические и эпистемические связи. Фразеологизм **бросать / кидать тень** на *кого-что*, согласно определению МАС, означает «вызывать сомнение в чьей-л. добропорядочности»; разворачивая динамическую ситуацию зрительного эпизода, получаем следующую сцену: бросание тени на объект способно либо затруднять зрительное восприятие для субъекта, либо уменьшать яркость светового излучения, исходящего от объекта. В данном случае добропорядочность как традиционно положительно оцениваемое качество начинает вызывать сомнения, то есть, тень, бросаема на объект, уменьшает яркость его свечения, где свет – в рамках этической зрительной метафоры –

концептуализируется как проявление аксиологически позитивного качества.

Преимущественно эпистемическая концептуализация зрительного эпизода проявляется в выражении **навести тень** (на плетень, на ясный день) — «намеренно запутать, сделать неясным что-л.». Тень теперь является скорее препятствием для зрительного восприятия со стороны субъекта, чем затемнением свечения, исходящего от объекта. Ухудшение зрения последовательно соотносится с недостаточностью понимания. Также в этом контексте следует рассматривать такие выражения как **оставаться / держаться / быть в тени** — «стараться быть незаметным, не выделяться, оставаться незамеченным» и **оставлять в тени что** — «не разъяснять, не освещать чего-л.». Отметим, что в двух приведённых определениях четыре смысловых глагола, через которые ведётся толкование — **выделяться, оставаться незамеченным / незамеченным, разъяснять, освещать** — принадлежат к метафорической концептуализации зрительного эпизода.

Однако, в русском языке наблюдается ряд лексических единиц со значением темноты, которые относятся только к полю действия этической зрительной метафоры. При помощи «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова устанавливается следующий синонимический ряд для прилагательного **темный**: **мрачный, пасмурный, тусклый, беспросветный, непроглядный, непроницаемый**; ср. *неясный, подозрительный; невежда, неизвестный, неясный, подозрительный, преступный; безграмотный, дилетантский, малограмотный, невежественный, неграмотный, неуспевающий, серый; злосчастный, злополучный, черный*.

- Прилагательное **мрачный**, «погруженный во мрак; темный», развивает, согласно МАС, одно переносное значение — «*перен.* беспросветный, гнетущий, тяжелый». Световая метафорика отражена здесь уже в определяющем прилагательном **беспросветный**, которое предполагает абсолютный характер мрака и отсутствие в нём даже эпизодических, отдельных проявлений света. Не

совсем понятно в этом контексте, почему третье значение, «погруженный в тяжелое раздумье, испытывающий чувство безотрадности, безнадежности; угрюмый»; «выражающий угрюмость»; «исполненный тяжелых, безрадостных мыслей, чувств» не получает пометы *перен.* (*мрачное лицо, мрачный вид, мрачное настроение*);

- Прилагательное **пасмурный** в первом значении определяется как «с облаками, закрывающими небо; сумрачный» (*пасмурная погода, пасмурное небо*); «плохо освещаемый днем»; переносное значение данного прилагательного реализуется в рамках этической зрительной метафоры: «мрачный, невеселый, хмурый» (*пасмурный вид, пасмурное настроение, пасмурные мысли*).
- Несколько более сложна концептуализация, стоящая за словом **тусклый**. Проследим за развитием конкретных значений. Первое из них последовательно характеризует объект: «мутный, непрозрачный» (*тусклое стекло, тусклые окна*); «не имеющий блеска, потерявший блеск» (*тусклое серебро*); «неяркий, выцветший, поблекший» (*тусклые краски*); «неясный, нечеткий (о контурах, очертаниях)». Второе значение, согласно трактовке МАС, характеризует свет или его источник: «неяркий, слабый» (*тусклый свет, тусклый фонарь, тусклая луна*), состояние освещения: «серый, пасмурный, темный» (*тусклый день, тусклое небо*). Собственно *переносными* в данном словаре называются два следующих значения: «без блеска, безжизненный, невыразительный (о глазах, взгляде)» и, отдельно, «бессодержательный, неинтересный, скучный, серый»; «лишенный своеобразия и выразительности; бесцветный». Отсутствие блеска / выразительности / безжизненность во взгляде оценивается негативно, здесь можно провести связь с концептуализацией ГЛАЗ как ИСТОЧНИКА СВЕТА, где СВЕТ понимается как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ. Второе переносное значение комбинирует в себе, как нам представляется, этическую и эпистемическую метафоризацию. С одной стороны, СВЕТ соотносится с ПРОЯВЛЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА, и яркость света, БЛЕСК, прямо пропорционален СТЕПЕНИ проявления интеллекта, содержательности и

интересности. С другой стороны, содержательность и интерес, заключающиеся в объекте, получают положительную аксиологическую характеристику субъекта.

- Однозначно этическая концептуализация предполагается в прилагательном **беспросветный**: «без просвета, совершенно темный (о ночи, мгле и т. п.)»; «очень мрачный, без надежды на что-л. лучшее» (*беспросветная грусть, беспросветная нужда*). **Просвет** в словаре Ушакова определяется как «в неосвещенном пространстве – светлая полоса или слабый луч света»; «*перен., только ед.* улучшение, облегчение; удача, счастье». Следует отметить, что наличие просвета возможно только при доминировании темноты в зрительном поле, равно как и улучшение / облегчение происходит в контексте отрицательно оцениваемой ситуации.
- Словарь МАС предлагает для прилагательного **непроглядный** только конкретные определения: «такой темный или густой, плотный, что ничего нельзя разглядеть; беспроглядный». Однако, словарь Ушакова добавляет переносное значение: «такой темный, что ничего нельзя разглядеть, непроницаемый для глаза (разг.)»; «*перен.* безрадостный, безотрадный». Отсутствие света как отсутствие радости концептуализируется в рамках зрительного эпизода через НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВИДЕТЬ по причине отсутствия света.
- Наконец, слово-синоним предыдущему прилагательному, **непроницаемый**, напротив, находится исключительно в рамках эпистемической зрительной метафоры. Первое конкретное значение в МАС предоставляет толкование для последующего семантического развития: «не пропускающий сквозь себя что-л. (воду, свет, звук и т. п.) || такой, через который нельзя проникнуть взглядом, очень темный, очень густой, плотный» (*непроницаемый мрак, непроницаемая масса деревьев*). Проникновение взглядом как процесс предполагает большую активность со стороны субъекта, нежели просто смотрение как таковое, это некое напряжённое вглядывание. Активная позиция субъекта, как нами было

показано выше, часто приводит к концептуализации эпистемической. Вторая дефиниция отражает эту метафорику: «перен. такой, который нельзя понять или узнать, недоступный для других» (*непроницаемый для человеческого разума; непроницаемая тайна*). Третье значение, также производное от первого и очень близкое второму, предполагает перенос акцента с непонятности априорной на непонятность, намеренно моделируемую объектом: «перен. такой, который скрывает свои чувства, намерения и т. п.; скрытный» (*непроницаемый человек*); «выражающий скрытность, свидетельствующий о скрытности» (*непроницаемое лицо*).

Что же касается списка прилагательных, с которыми предлагается сравнить значение заглавного слова **тёмный**, их распределение на две метафорические группы рассматривалось нами во второй главе (ср. этическая концептуализация, при которой ТЕМНОТА соотносится с НЕГАТИВНОЙ ЭМОЦИЕЙ и при которой ТЕМНОТА понимается как ОПАСНОСТЬ, исходящая от активного объекта).

2) **Потемнение как источник негативной аксиологии.** В отличие от французского языка, в русском наблюдается целый ряд реализаций этической зрительной метафоры на материале лексических единиц, обозначающих временное изменение освещения, зачастую связанное с метеорологическими событиями.

Базовый глагол **(по)темнеть**, «становиться темным или более темным»; «(сов. *стемнеть*) безл. о наступлении сумерек, вечера»; «выделяться своим темным цветом, виднеться (о чем-л. темном)» в переносном значении определяется как «становиться мрачным, угрюмым; мрачнеть». Метафорически осмысляется только концептуализация СВЕТА как ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ; динамическое изменение освещённости, следовательно, понимается как ухудшение настроения / эмоционального состояния субъекта.

Встречающийся в базовой дефиниции глагол **(по)мрачнеть**, в первом значении определяющийся как «становиться мрачным, темным» (*мрачнеет*

поздний вечер, к вечеру небо), развивает ожидаемое второе значение «становиться угрюмым, хмурым», ср. такие примеры в МАС: *Мрачнеет лицо. Мрачнеет взор. С каждой минутой я все больше мрачнел.* Здесь стоит вспомнить описываемый нами перенос СВЕТ – ЭТО ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ, с выводимыми из него соответствиями ГЛАЗА / УЛЫБКА / ЛИЦО – ЭТО ИСТОЧНИК СВЕТА.

3.4. Объект зрительного восприятия, его свойства

Свойства объекта зрительного восприятия играют ключевую роль в зрительном эпизоде, независимо от того, эпистемическая или этическая метафора применяется для его концептуализации. В предложенной нами трёхчастной модели описания метафорической перцептивной подсцены **субъект – предикат – объект** свойства объекта и его действия занимают центральное место (табл. 13):

Таблица 13

Место концептуализации объекта зрительного восприятия в структуре описания зрительного эпизода

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ			
ПРИЗНАК			

3.4.1. Свойства объекта зрительного восприятия во французском языке

Принципиальное значение для результативного акта зрительного восприятия имеют свойства объекта, на который направлен воспринимающий взгляд. В терминах антропологической зрительной сцены, объект характеризуется как своей априорной, принципиальной видимостью, так и

видимостью актуальной: способностью излучать свет, яркостью своих красок, чёткостью контуров, размерами, положением в пространстве по отношению к другим объектам и к источнику света.

Ранее в данной работе указывалось на тот факт, что свойство видимости как таковое – **visible, évident, manifeste** – практически не играет роли для образования этической метафоры. Также не характерны определения, связанные с чёткостью контуров. Особое значение придаётся не принципиальной *различимости* как таковой, а *заметности* объекта, его *отличности* от других. Поэтому ведущими характеристиками объекта являются свойства связанные со свечением, светом, а также заметное положение в пространстве (ср. **saillant** – **выдающийся**).

Базовое прилагательное **brillant** – **блестящий** получает в электронной базе данных синонимов CRISCO 113 синонимов и 29 антонимов. Световая / зрительная семантика заложена в следующих прилагательных: **ardent, brasillant, chatoyant, clair, clinquant, coruscant, flambant, flamboyant, fulgurant, illustre, imagé, luisant, luminescent, lumineux, lustré, miroitant, nitescent, phosphorescent, pétillant, radieux, rayonnant, reluisant, remarquable, resplendissant, rutilant, scintillant, splendide, sémillant, tape-à-l'oeil, vif, éblouissant, éclatant, étincelant.**

- Световое прилагательное **étincelant**, «искрящий(ся)», в том числе, о взгляде, развивает метонимическое значение при описании человека; сочетаемость с негативными эмоциями возможна из-за семантики огня. Следующее определение в словаре Эмиля Литрэ ещё более развёрнуто представляет этическую метафору: «отбрасывающий яркий отсвет, говорится о том, что блестит морально» (qui jette un vif éclat, en parlant de ce qui brille moralement, littéralement).
- Прилагательное **resplendissant**, «сияющий», определяется в словаре Grand Larousse в прямом и переносном значении: *Mon cher, vous avez une mine resplendissante!* – *Дорогой мой, вы просто сияете!*

В целом, группа прилагательных, обозначающих блеск, в переносном значении используется преимущественно для характеристики положительных качеств предметов и людей. Сюда следует отнести такие примеры, как **aveuglant** – ослепительно яркий (*о красоте, очевидности истины*), **brillant** – блестящий, выходящий за рамки обычного, привлекающий к себе взгляд, притягивающий воображение из-за своего качества; **éblouissant** – замечательной, удивительной красоты; **éclatant** – сверкающий, яркий, блестящий, **étincelant** – сверкающий, искрящийся, блестящий; **fulgurant** – отбрасывающий яркий и быстрый, как вспышка молнии, свет; ошеломительный, поражающий рассудок, воображение; **lumineux** – светлый, лучистый, содержащий в себе много ясности, гениальный (*об идее*); **pétillant** – искрящийся, сверкающий; **radieux** – светящийся, ярко блестящий, сияющий; ослепительный, сияющий чистотой, совершенством, от радости, от счастья; **rayonnant** – излучающий, испускающий лучи, сияющий; **reluisant** – сверкающий, блестящий (*переносное значение появляется у этого прилагательного только в отрицательной конструкции*); **resplendissant** – сияющий, блещущий.

Следует отметить, что яркость света, описываемого буквальным значением этих прилагательных, сопоставима со степенью проявления положительного качества объекта. Так, например, выстраивается цепочка увеличения яркости в ряду **reluisant** – **rayonnant** – **radieux**, **étincelant** – **éclatant** – **éblouissant** – **aveuglant**. Качества, на которые указывают эти прилагательные, могут быть описаны с разной степенью эксплицитности. Чётко выделяются две модели. Во-первых, прилагательное со «световым» значением может быть самостоятельным определением объекта (например, *un succès éclatant* – ошеломительный успех; *visage, sourire radieux* – сияющее лицо, улыбка). Во-вторых, некоторые «световые» прилагательные употребляются в паре с подчиняющимися им существительными, на которые накладываются вполне определённые семантические ограничения. Например, см. комментарий в

словаре Le Petit Robert: **rayonnant de...**: qui exprime vivement (qch. d'heureux ou de bienfaisant) – сияющий от чего-л – живо выражающий (что-то счастливое или благотворное). *Visage rayonnant de joie, de satisfaction* – *лицо, сияющее от радости, от удовлетворения.*

Характерно, что блеск и свет никогда не получают негативных аксиологических оценок в рамках эпистемической концептуализации зрительного эпизода, в то время как в этическом варианте это вполне возможно. Примером может служить такое прилагательное, как **clinquant**.

Согласно определению словаря TLFi, первым значением данного слова является «очень блестящий, иногда агрессивно или кричаще» (qui a un éclat très voyant, parfois agressif ou tapageur); данное существительное употребляется также в значении «позолота / серебрение», особенно в контексте украшения металлическими пластинками кружев, тканей или вышивок. Редкое расширительное значение для этого слова – «нечто, обладающее определённой ценностью, но имеющее блеск роскоши, иногда кричащий» (ce qui, tout en ayant une valeur certaine, a un éclat somptueux, parfois tapageur). Дальнейшее развитие значения приводит нас к переоценке реальной стоимости объекта: расширительное, пейоративное «то что, несмотря на свою ценную внешность и свой блеск, иногда слишком заметный, не имеет истинной ценности» (*P. ext., réj., usuel. Ce qui, malgré son apparence précieuse et son éclat parfois trop voyant, n'a pas de valeur réelle*). *Bijoux de clinquant* – *побрякушки, дешёвые украшения.* Здесь же фиксируется возможность образного употребления: «нечто напускное, блестящее, как правило, поверхностное или поддельное, иногда дурного вкуса» (*Au fig. Ce qui est recherché, brillant, généralement superficiel ou factice et parfois de mauvais goût*). Любопытно отметить направление этимологического развития: слово **clinquant**, по данным словаря TLFi, зафиксировано в середине XV века в значении «блестящий» и в середине XVI века в значении «производящий шум».

Соответственно, антонимами «блестящего» объекта являются слова **décoloré, effacé, éteint, fade, falot, fané, flétri, mat, obscur, ombreux, pâle,**

sombre, ténébreux, terne, terni.

- Прилагательное **sombre** определяется как «мало освещённый, получающий мало света» и сопровождается пометой в словаре Petit Robert: «с идеей печали, угрозы» (avec une idée de tristesse, de menace) *sombres abîmes* – *мрачные пропасти*. В рамках этого же значения функционирует устойчивое выражение *Le sombre empire, les sombres rivages* – *мрачное царство, мрачные берега, преисподняя*. Помета «переносное» сопровождает такие определения, как «(о человеке), мысли, чувства которого несут отпечаток печали, уныния, боли или тревоги» (dont les pensées, les sentiments sont empreints de tristesse, d'abattement, de douleur ou d'inquiétude): *Le plus sombre des misanthropes* – *Самый мрачный мизантроп*. *Visage, air sombre* – *мрачное лицо, мрачный вид*, печально или угрожающе суровый (d'une sévérité triste ou menaçante). Применительно к абстрактным сущностям и объектам, данное прилагательное может означать «трагически печальный или угрожающий»: *L'avenir est sombre* – *Будущее мрачно*. Характерно также разговорное употребление данного прилагательного в качестве пейоративного маркера, в препозиции перед существительным: «жалкий, несчастный» (déplorable, lamentable). *Un sombre idiot* – *жалкий идиот*.
- Прилагательное **terne** означает «тусклый, матовый», что позволяет развить второе значение «не привлекающий и не удерживающий внимания, бесхарактерный и потому скучный» (qui n'attire ni ne retient l'intérêt; que son manque de caractère rend ennuyeux). *Style terne* – *бесцветный стиль*. *Conversation terne et languissante* – *Тусклая и затяжная беседа*. — *Vie terne et grise* – *серая и тусклая жизнь; journées ternes* – *бесцветные дни*.

Однако, если большая часть прилагательных «блеска» получают именно этическое метафорическое осмысление, антонимы, передающие идею темноты / мрачности часто отсылают исключительно к эпистемической метафоризации зрительного эпизода. Так, прилагательное **obscur**, который определяется в Grand Robert как непонятный, по причине либо недостаточной чёткости (par manque de netteté, синонимы: **brumeux**, **confus**, **diffus**, **enveloppé**, **fuligineux**, **fumeux**,

indisinct, nébuleux, vague, vapoureux), либо излишнего усложнения (*par excès de complication*, синонимы: **embrouillé, embroussaillé, entortillé**); метонимическим развитием признаётся значение «тот, кто плохо понимает, недостаточно умный» (*par métonymie: qui comprend mal, qui manque de l'intelligence*), а также «нечёткий, неопределённый, смутно, невнятно ощущающийся и постигаемый, не поддающийся анализу» (*qui n'est pas net, n'est pas défini, que l'on sent, perçoit et conçoit confusément, sans pouvoir l'analyser, vague*).

3.4.2. Свойства объекта зрительного восприятия в русском языке

Как и во французском языке, в русском концептуализация свойств объекта зрительного восприятия играет важную роль в формировании этической зрительной метафоры. Прилагательное **светлый**, напрямую связанное в русском языке с базовым существительным свет (в отличие от французской пары **clair – lumière**), определяется в словаре Т. Ф. Ефремовой как «излучающий сильный, яркий свет»; «хорошо освещенный, наполненный светом» (два конкретных определения, *построенные на самом концепте света*; к ним в МАС добавляется третье «блестящий, излучающий блеск»); «чистый, прозрачный (о жидкости, стекле и т.п.)»; «не затуманенный, ясный (о взгляде, взоре)» (два определения, *построенные на лёгкости зрительного восприятия светлого объекта*); «менее яркий по сравнению с основным цветом; не насыщенный». Наконец, переносным признаётся значение «ничем не омраченный; радостный, счастливый»; «выражающий счастье, радость» (примеры из МАС: *Светлые воспоминания. Светлое будущее. Светлая улыбка*), которое относится к этической зрительной метафоре и концептуализирует СВЕТ как БЛАГО. К этой же категории относятся дефиниции «чистый и ясный духом», «выражающий умиротворение, просветление» (о человеке), «обладающий высокими моральными качествами», «связанный с праздником Пасхи у христиан».

Единственное значение данного прилагательное, которое выходит за рамки этической метафоры, вовлекая метафорику эпистемическую – «ясный, логичный (об умственных способностях)» (*Светлый ум*); следует вспомнить выделяемое нами в нашем исследовании соответствие СВЕТ – ЭТО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ.

Среди синонимов прилагательного **светлый** находим следующие реализации зрительной этической метафоры:

- **лучезарный**, «полный блеска, сияния; сверкающий, озаряющий своим светом», переносное значение – «преисполненный радостного сияния, счастья». Употреблённое в словаре Т. Ф. Ефремовой сочетание «радостное сияние» и следом, через запятую – «счастье», в очередной раз подтверждает соответствие СВЕТ – ЭТО БЛАГО, СВЕТ – ЭТО РАДОСТНАЯ ЭМОЦИЯ. Ср. устаревшее прилагательное **светозарный**, «озаренный светом или излучающий свет; сияющий, сверкающий», а также переносное значение – «преисполненный радости, счастья»; примеры в словаре С. И. Ожегова: *Светозарное солнце. Светозарное будущее.*
- **лучистый**, прилагательное, которое определяется в словаре Т. Ф. Ефремовой как «светящийся лучами», и отсюда развивающее переносное значение «преисполненный внутреннего сияния (о глазах)». В очередной раз актуализируется теория экстремиссии, источником света признаются глаза субъекта зрительного восприятия. Понятию «внутреннее сияние» не даётся пояснений без световой семантики, однако, апеллируя к определению слова **сияние** в том же словаре – «ровный, обычно яркий свет, излучаемый чем-либо», переносное: «радостно-возбуждённое, счастливое выражение (глаз, лица)», возвращаемся к уже знакомой концептуализации внутреннего СВЕТА как ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ. Ещё два конкретных определения – «возникающий вследствие лучеиспускания» и «имеющий форму или рисунок лучей» – не активизируют в русскоязычной метафоре семантику распространения влияния (ср. распространение лучей света от единого

центрального источника света, где свет является коррелятом блага; пример с французским **rayonner, rayonnant**).

- **светоносный** – устаревшее на сегодня прилагательное, которое определяется в словаре МАС как «несущий или излучающий свет». Тем не менее, интересны приводимые В.И. Далем примеры употребления данного слова: **светоносец**, -сица, вообще, носящий свет; *церк.* утренняя звезда, денница, зорница. ... *Светоносный ангел; светоносное облако; светоносное учение, или светоносная истина.* Таким образом, реализация этической метафоры фиксируется и в этом случае.

Разделение понятий света, свечения и блеска неоднозначно; так, мы показали, что в словаре МАС одним из значений слова **светлый** признаётся **блестящий**. В терминах же исследуемой когнитивной стратегии данное разграничение должно проводиться чётко.

Мы рассматриваем БЛЕСК как базовое свойство объекта, привлекающего к себе внимание, в то время как СВЕТ (не ЯРКОЕ СВЕЧЕНИЕ) является условием для беспрепятственного. Прилагательное **блестящий** определяется в словаре Т.Ф. Ефремовой как «отражающий свет, сияющий, сверкающий». Остальные значения получают помету *переносное*: «роскошный, великолепный»; «исключительный по своим качествам; превосходный, замечательный», «отличающийся выдающимися достоинствами, проявляющий исключительные способности». Отметим, что первое из приведённых переносных значений является констатацией позитивной аксиологической оценки объекта – носителя качества блеска, в данном случае работает соотношение СВЕТ – БЛАГО. Второе и третье переносные значения актуализируют стратегию ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ к блестящему предмету. Как уже неоднократно было показано в данной работе, две основные стратегии привлечения внимания к объекту – «блестеть» и «выдаваться» (см. формулировку «отличающийся *выдающимися* достоинствами») задействуют семантику зрительной ситуации, и то, что привлекает внимание,

концептуализируется как носитель положительного качества / эмоции. Данную линию метафоризации, построенной на заметности, в русском языке продолжают такие прилагательные, как **выдающийся**, «выделяющийся среди других; замечательный, отличный»; **замечательный** «исключительный по своим достоинствам; выдающийся» – устаревшее значение данного прилагательного акцентирует именно зрительную его семантику: замечательно то, что замечают: «заслуживающий внимания; примечательный». Таким образом, констатируем для русского языка два частных и одно общее соответствие:

БЛЕСТЕТЬ – ЭТО ОБЛАДАТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ
ВЫДАВАТЬСЯ – ЭТО ОБЛАДАТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ
ПРИВЛЕКАТЬ ВНИМАНИЕ – ЭТО ОБЛАДАТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ
КАЧЕСТВОМ

Блеск совместим и зачастую взаимозаменяем с яркостью; прилагательное **яркий** определяется в словаре Т.Ф. Ефремовой как «дающий сильный свет; ослепительный», «наполненный солнечным светом»; «выделяющийся чистотой тона, интенсивностью окраски (о цвете)», переносное устаревшее – «красивый, сочный (о звуке, голосе)¹»; затем приводится переносное значение – «выдающийся в каком-либо отношении», «производящий сильное впечатление чем-либо», (разг.) «такой, который нельзя не заметить». Происходит взаимопроникновение когнитивных стратегий, определение *заметного светового излучения* объекта зрительного восприятия через его *заметное положение в пространстве*. Сильное впечатление стоит, вероятно, рассматривать в терминах определённой перцептивной агрессии, ослепления, которую испытывает глаз наблюдателя при воздействии яркого света. Через яркость и блеск одновременно характеризуется прилагательное **сверкающий**: «яркий, блестящий», переносное – «проявляющийся, обнаруживающийся с большой силой, выразительностью»; «преисполненный радости, оживления;

¹ См. работу Клода Кортье (2003) о развитии синэстетического значения у слова *clair* во французском языке

сияющий». Кроме аксиологически положительной концептуализации заметности, в данном случае присутствует уже известная стратегия СВЕТ – ЭТО БЛАГО, СВЕТ – ЭТО РАДОСТНАЯ ЭМОЦИЯ: наличия у объекта яркости / блеска достаточно для придания ему характеристики «преисполненный радости».

Прилагательное **сияющий** определяется как причастие от глагола **сиять**, «излучать ровный, обычно яркий свет, сияние»; «блестеть, сверкать, отражая свет, лучи»; переносное – «блестеть, светиться выражением счастья, радости, удовольствия (о глазах)» и «ярко проявляться, обнаруживаться как достоинство». Излучение света глазами – реликтовая теория экстрамиссии – вновь осуществляется в рамках этической зрительной метафоры, сопоставляющей свет и благо, радостные ощущения.

Отсутствие яркости и блеска также задействовано в этической концептуализации зрительного эпизода; так, прилагательное **тусклый**, «лишённый яркости, сияния, блеска», получает в словаре Т. Ф. Ефремовой определение с пометой переносное – «лишённый свежести, яркости, выразительности, ничем не примечательный, неинтересный, заурядный». Ведущим семантическим компонентом в данном случае становится именно *отсутствие заметности*.

3.5. Субъект восприятия, способность видеть

Как неоднократно отмечалось в данной работе, свойства субъекта восприятия, как и его действия, не играют практически никакой роли в этической концептуализации зрительного эпизода. Французский и русский языки в этом отношении схожи. Принципиальная зрячесть, такие свойства зрения, как зоркость / дальновзоркость / близорукость, даже слепота не подвергаются этической метафоризации и если и получают аксиологическую оценку, то это происходит в эпистемических контекстах: так, непонимание /

незнание получают имплицитную негативную коннотацию.

3.6. Выводы по третьей главе

Анализ этической метафоризации зрительного эпизода позволяет сделать следующие выводы:

1. Как во французском, так и в русском языке ведущей метафорической стратегией для данного семантического кластера является сопоставление внешнего СВЕТА и БЛАГА, положительно оцениваемого объекта / свойства объекта, и внутреннего СВЕТА и ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ, испытываемой субъектом.

2. В обоих языках основным КАЧЕСТВОМ света, изменение которого отражается на интенсивности аксиологической концептуализации, является ЯРКОСТЬ, возможность ИЗЛУЧАТЬ СВЕТ, ОСВЕЩАТЬ.

3. Ни в одном из рассматриваемых языков ЗРЕНИЕ как имманентно присущее свойство субъекта не играет роли в этической концептуализации зрительного эпизода. Соответственно, такие характеристики объекта, как априорная видимость, очевидность, РАЗЛИЧИМОСТЬ не имеют значения для этической зрительной метафоры, в то время как ЗАМЕТНОСТЬ становится первостепенным свойством объекта, которое получает положительную аксиологическую оценку.

4. В отличие от эпистемической концептуализации зрительного эпизода, в рамках которой БЛЕСК и СВЕЧЕНИЕ являются характеристикой исключительно положительной, этическая метафоризация зрительного эпизода – как во французском, так и в русском языке – предусматривает возможность концептуализации СВЕТА, исходящего от ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИИ. Данная аксиологическая амбивалентность объясняется, во-первых, активизацией семантики огня и горения в структуре концепта СВЕТ – релевантными следует считать такие свойства огня, как жжение,

разрушительная сила, самовозгорание и лёгкость распространения; во-вторых, активизацией компонента слишком сильного БЛЕСКА, который представляет фактор агрессии для зрительной системы человека и способен вызывать чувство дискомфорта.

5. В отличие от эпистемической концептуализации зрительного эпизода, в обоих языках менее детально представлена метафора ПОТЕМНЕНИЯ: в русском языке практически отсутствует разделение на постоянное и временное потемнение, во французском сохраняется метафоризация метеорологических состояний как временного потемнения.

6. Во французском языке в этической метафоре отсутствует коррелирующая пара СВЕТ – ТЬМА: на смену OBSCURITÉ в качестве антонима для LUMIÈRE приходит существительное OMBRE – ТЕНЬ. В русском языке наибольшую метафорическую нагрузку в этической сфере принимает существительные МРАК и ТЕНЬ (как оппозиция внутреннему свету); ТЬМА выступает как абсолютный антоним.

7. Во французском языке более детально, чем в русском, представлена метафоризация свойств объекта зрительного восприятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном диссертационном исследовании изложено решение проблемы комплексного описания метафоризации зрительного эпизода. Понятие зрительного эпизода было заимствовано из антропологических исследований вследствие нашего глубокого убеждения, что изучение отражённых в языке перцептивных способностей человека должно проводиться с опорой на экстралингвистические знания о денотативной ситуации, которые позволяют моделировать инвариант эпизода восприятия.

Специфика поставленной цели предопределила обращение к когнитивной лингвистике как дисциплине, ориентированной на методологический синтез. Такие конструкты когнитивной лингвистики, как воплощение значения (*embodiment*), концептуальная метафора и первичная метафора имеют основополагающее значение для теоретико-методологической базы нашего исследования.

В работе проведён системный анализ фундаментальных положений когнитивной теории метафоры как эффективного инструмента исследования концептуализации перцептивных способностей человека. Обобщены теоретико-методологические подходы к анализу лексики смысловой субсферы «Зрение», представленные в лингво-когнитивных работах. Изучение работ предшественников позволило нам сделать вывод о перспективности холистского анализа зрительного эпизода.

Благодаря обращению к исследованиям антропологического характера, в которых рассматривается зрительная ситуация, была предложена авторская модель описания зрительного эпизода. Принципы этого описания, как нами было показано, не противоречат основным положениям когнитивной теории метафоры.

Такие неотъемлемые компоненты любого зрительного эпизода, как субъект зрительного восприятия, объект зрительного восприятия и среда между ними, включающая в себя свет и прочие характеристики поля зрительного восприятия, получают различное представление в этической и эпистемической зрительной метафорах. Вся структура концептуализации антропологически единого эпизода задаётся изначальным определением метафоры **света** – свет как условие понимания (ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ метафора), внутреннее (СВЕТ как ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ) или внешнее (СВЕТ как ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ); или свет как условие аксиологической оценки, внутренней по отношению к субъекту (СВЕТ как ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЭМОЦИЯ) или внешней (СВЕТ как ИСТОЧНИК БЛАГА).

В зависимости от выбора исходной концептуализации света определяется концептуализация второго важнейшего элемента – **зрения**, которое в нашем исследовании анализируется не как семантический примитив, а как сложный конструкт «восприятие света». Эпистемическая метафора предполагает рассмотрение зрения как восприятия света, внешнего по отношению к субъекту восприятия – это **ПРИБРЕТЕНИЕ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ** и / или

ПОНИМАНИЕ. Роль зрения как активного динамического процесса, исходящего от субъекта, практически нивелируется в структуре этической зрительной метафоры; возможным объяснением данного феномена является онтологическая позиция субъекта аксиологического суждения / субъекта положительной эмоции: как правило, оценка выносится наблюдателем в адрес внешних по отношению к нему объектов и событий, поэтому именно свойства объекта восприятия – в частности, его способность привлечь внимание и взгляд – концептуализируются как первоочередные условия зрительного эпизода.

Свойства объекта зрительного восприятия – как постоянные, так и ситуативные – его способность СВЕТИТЬСЯ и БЛЕСТЕТЬ (**яркость** излучаемого или отраженного СВЕТА), **чёткость** его контуров, **положение в пространстве** по отношению к субъекту восприятия и к другим объектам в зрительном поле (способность ВЫДАВАТЬСЯ на фоне) – ассоциируются, прежде всего, с ЗАМЕТНОСТЬЮ, и эта способность привлекать внимание, в свою очередь, осмысливается как положительная характеристика объекта. Среди всех «способов» привлечения внимания – свечение, яркость, локализация – наибольшую амбивалентность демонстрирует именно БЛЕСК, который иногда концептуализируется в пейоративных контекстах. Мы предположили, что вероятным объяснением данному феномену может быть потенциальная агрессия зрительной системы («ослепление»), которую провоцирует сильный, яркий, неприятный для глаза блеск.

Сопоставительный аспект нашего исследования позволил продемонстрировать сходные варианты реализации данной концептуальной метафоры в русском и французском языках. Этот неудивительный вывод о сходстве в данном случае объясняется высокой значимостью описываемой концептуальной стратегии для европейского ареала в целом. Заведомая известность этого сходства и отсутствие серьёзных структурных различий не умаляет значимости расхождений на уровне конкретных реализаций, скрупулёзное описание которых необходимо для полноты картины

сопоставительных исследований. Однако, главный смысл работы для автора заключается в перспективах дальнейшего исследования: огромный интерес для изучения представляют языки не родственные, в которых, например, стратегия ЗРЕНИЯ – ЭТО ПОНИМАНИЕ не является превалирующей.

Перспективным направлением дальнейших исследований, как нам представляется, может стать последовательное моделирование ситуаций восприятия для ключевых перцептивных способностей человека – слух, обоняние, осязание, вкус – и применение этих моделей на практике, прежде всего, на материале не родственных языков.

Если процедура выявления концептуальных универсалий требует сопоставления – в идеале – всех известных науке языков (что неминуемо сопряжено с проблемами практического характера, но в противном случае невозможно снять вопрос о потенциальной фальсифицируемости рабочей гипотезы), обращение к универсалиям антропологического порядка – например, к базовым принципам построения перцептивного эпизода – позволяет при анализе любой произвольно взятой пары языков выявлять структурные различия (или сходства) в языковом и концептуальном оформлении данной универсалии.

При условии создания комплексной модели человеческого восприятия, построенной на антропологических принципах, исследователи-когнитивисты могли бы дать значительно более внятный ответ на вопросы о перцепции, компаративные по сути своей, ставящиеся в работах Evans & Wilkins, 2000; Hibbits, 1994; Ibarretxe-Antuñano, 2008; Kanaana, 2005 и т.д. Заявление о том, что зрительная метафорическая стратегия не является ведущей для концептуализации понимания в тех или иных языках, не опровергает историю многочисленных предшествующих исследований этого вопроса на европейском материале, но заставляет прислушаться к доказательствам антропологических работ: зрение (и перцептивные способности человека в целом) – это сложный культурный конструкт. Работа когнитивного лингвиста заключается в описании

той части структуры этого конструкта, которая имплицитно присутствует в языке.

Библиографический список использованной литературы

1. Алимпиева, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы [Текст] : (на материале прилагат.-цветообозначений рус. яз.) / Р. В. Алимпиева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 192 с.
2. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку [Текст] / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15-26.
3. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] : в 3 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. рус. культуры : Вост. лит. 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика. – 472 с.
5. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности [Текст] / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1971. – Т. 30, вып. 6. – С. 509-523.
6. Апресян, Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 5-26.
7. Аристотель. Поэтика. Риторика [Текст] / Аристотель. – СПб. : Азбука, 2000. – 350 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики сб. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1984. – с. 5-23.
9. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 5-32.

10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
11. Бабенко, Л. Г. Лексические средства выражения эмоций в русском языке [Текст] / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
12. Бабич, Г. Н. Когнитивная лингвистика: исторические предпосылки [Текст] / Г. Н. Бабич // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов, 26-28 сент. 2006 г. / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 42-44.
13. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 360 с.
14. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Н. Баранов // Баранов А. Н. Русская политическая метафора : материалы к слов. / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – С. 184-193.
15. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11-22.
16. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
17. Белеева, И. Д. Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. Д. Белеева ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – 216 с.
18. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 153–172.
19. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.

20. Борискина, О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание через призму криптокласса [Текст] / О. О. Борискина, А. А. Кретов ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2003. – 211 с.
21. Брагина, А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний [Текст] / А. А. Брагина // Лексикология и лексикография. – М., 1972. – С. 73-105.
22. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры [Текст] / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 16-32.
23. Василевич, А. П. Исследование лексики в психологическом эксперименте [Текст] : на материале цветообозначения в языковых различ. системах / А. П. Василевич ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1978. – 138 с.
24. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учеб. пособие / З. Д. Попова [и др.] ; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 146 с.
25. Верхотурова, Т. Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2/3. – С. 14-26.
26. Верхотурова, Т. Л. Наблюдатель в коммуникации [Текст] / Т. Л. Верхотурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 12-23.
27. Воевудская, О. М. Лексико-грамматическое поле концепта [Текст] / О. М. Воевудская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронежский государственный университет ; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 111-113.
28. Гатинская, Н. В. Типы языковой метафоры русском языке [Текст] / Н. В. Гатинская // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2004. – С. 312-320.

29. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований [Текст] / О. И. Глазунова. – СПб. : Речь, 2000. – 190 с.
30. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
31. Дэвидсон, Д. Истина и интерпретация [Текст] / Д. Дэвидсон ; пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева. – М. : Праксис, 2003. – 448 с.
32. Зализняк, А. А. Заметки о метафоре [Текст] / А. А. Зализняк // Слово в тексте и в словаре : сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М., 2000. – С. 82-90.
33. Зализняк, А. А. Феномен многозначности и способы его описания [Текст] / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20-45.
34. Иванова, Е. Ю. О перцептивности номинативных предложений [Текст] / Е. Ю. Иванова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 1. – С. 107-117.
35. Карасева, Е. В. Современные подходы к проблеме взаимодействия тела, разума и языка [Текст] / Е. В. Карасева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 102-107.
36. Кассирер, Э. Сила метафоры [Текст] / Э. Кассирер // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 33-43.
37. Колесов, И. Ю. К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка [Текст] / И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 19-31.
38. Колесов, И. Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знания [Текст] / И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 5-14.
39. Кононова, И. В. Метафорическое варьирование семантики английского глагола [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Кононова ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 1998. – 19 с.

40. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода [Текст] / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37-52.
41. Кретов, А. А. Опыт исторического исследования русской глагольной лексики [Текст] / А. А. Кретов // Функциональная семантика слова : сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 1994. – С. 85-91.
42. Кретов, А. А. Основы лексико-семантической прогностики [Текст] / А. А. Кретов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006. – 390 с.
43. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-37.
44. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3-12.
45. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 56-61.
46. Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека [Текст] / Е. С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов, 26-28 сент. 2006 г. / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 26-31.
47. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
48. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.

49. Кузикевич, Г. П. Категориальная организация абстрактных имён существительных (на примере качественных имён) [Текст] / Г. П. Кузикевич // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 5-18.
50. Кузнецов, А. М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка) [Текст] / А. М. Кузнецов. – М. : Наука, 1980. – 160 с.
51. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка [Текст] : учеб. пособие / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 152 с.
52. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета [Текст] : термины цвета в пол. и рус. яз. / В. Г. Кульпина. – М. : Моск. лицей, 2001. – 470 с.
53. Куляскина, И. Ю. Аксиология: место в системе знания [Текст] / И. Ю. Куляскина // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2002. – № 3. – С. 90-97.
54. Кустова, Г. И. Изображение и выражение (к особенностям семиотических предикатов) [Текст] / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2004. – С. 513-521.
55. Кустова, Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений [Текст] / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 85-109.
56. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 472 с.
57. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.
58. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект / сост. В. В. Петрова. – М., 1996. – С. 143-185.

59. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ., под. ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
60. Левицкий, Ю. А. История лингвистических учений [Текст] : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий, Н. В. Боронникова. – М. : Высш. шк., 2005. – 302 с.
61. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Леонтьева ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
62. Леонтьева, Т. В. Метафора зрительного восприятия в концептуальном поле «Интеллект человека» [Текст] / Т. В. Леонтьева // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; под ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 4. – С. 64-77.
63. Логический анализ языка: Языки этики [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
64. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры [Текст] / Э. МакКормак // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 358-386.
65. Маковский, М. М. «Картина мира» и миры образов [Текст] / М. М. Маковский // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С. 36-53.
66. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
67. Младенова, Д. «Глаза» и «зрение» небесных светил [Текст] : связь концептов света и зрения в балкан. яз. и традицион. культуре / Д. Младенова // Славяноведение. – 2002. – № 6. – С. 72-86.
68. Молчанова, Л. В. Качественный и количественный аспекты лексико-семантической прогностики [Текст] / Л. В. Молчанова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2007. – 173 с.

69. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 68-81.
70. Падучева, Е. В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 30-46.
71. Падучева, Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 23-44.
72. Падучева, Е. В. Наблюдатель как экспериент «за кадром» [Текст] / Е. В. Падучева // Слово в тексте и в словаре : сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М., 2000. – С. 185-201.
73. Панкина, М. Ф. Семантическое пространство языка и подходы к его изучению [Текст] / М. Ф. Панкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 146-149.
74. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвуиздат ; Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.
75. Пинкер, С. Язык как инстинкт [Текст] / С. Пинкер ; пер. с англ. Е. Д. Кайдаловой. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
76. Плотникова, А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) [Текст] : учеб. пособие / А. М. Плотникова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 140 с.
77. Плотникова, А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) [Текст] / А. М. Плотникова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 226 с.

78. Полежаева, Ж. Ю. Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ж. Ю. Полежаева ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2008. – 21 с.
79. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2002. – С. 370–390.
80. Рикёр, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение [Текст] / П. Рикёр // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 416-434.
81. Ричардс, А. Философия риторики [Текст] / А. Ричардс // Теория метафоры : сборник / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 44-67.
82. Рябцева, Н. К. Красота и свет в ментальном пространстве / Н. К. Рябцева [Текст] // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2004. – С. 650-670.
83. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект [Текст] / Н. К. Рябцева. – М. : Академия, 2005. – 640 с.
84. Селиверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки [Текст] / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12-26.
85. Семенова, С. Ю. О коннотациях красоты у наименований наблюдаемых объектов [Текст] / С. Ю. Семенова // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2004. – С. 573-584.
86. Сивик, Л. Цветовое значение и изменения восприятия цвета [Текст] : исслед. цветовых образцов / Л. Сивик // Проблема цвета в психологии : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. – М., 1993. – С. 95-120.

87. Скворцов, О. Г. Методы исследования лексических систем [Текст] / О. Г. Скворцов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : АМБ, 2001. – 142 с.
88. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Скляревская ; отв. ред. Н. Д. Шмелева. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
89. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики [Текст] / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Речь, 2000. – 202 с.
90. Смолярова, Т. И. Французское прилагательное PITTORESQUE и его русские аналоги [Текст] / Т. И. Смолярова // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2004. – С. 671-676.
91. Степанов, Ю. С. Константы [Текст] : слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.
92. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65-69.
93. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
94. Толстая, С. М. Опасность знания (из народной гносеологии) [Текст] / С. М. Толстая // Слово в тексте и в словаре : сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М., 2000. – С. 236-242.
95. Урысон, Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» [Текст] / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3-16.
96. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3-22.

97. Успенский, В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных [Текст] / В. А. Успенский // Семиотика и информатика / Сб. научных статей. Вып. 11. – М., 1979. – С. 142-148.
98. Фесенко, Т. А. Концепт СВЕТ как константа обыденного языкового сознания русского лингвокультурного сообщества (на материале «Русского Лингвокультурного Словаря») [Текст] / Т. А. Фесенко, Н. В. Шестёркина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 65-71.
99. Филатова, К. Л. Две стратегии метафоризации зрения: оценка степени качества [Текст] / К. Л. Филатова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы междунар. науч. конф., г. Челябинск, 10-13 дек. 2007 г. / Юж.-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2007. – Ч. 1. – С. 247-249.
100. Филатова, К. Л. Зрительный эпизод и метафора во французском языке [Текст] / К. Л. Филатова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2009. – № 62, Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – С. 236-242.
101. Филатова, К. Л. Концептуализация зрительной способности в рамках зрительной эпистемической метафоры (на материале французского и русского языков) [Текст] / К. Л. Филатова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 3. – С. 136-140.
102. Филатова, К. Л. Концептуализация света во французском языке: зрительная эпистемическая метафора [Текст] / К. Л. Филатова // Сопоставительная лингвистика : сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2007. – № 8. – С. 108-116.

- 103.Филатова, К. Л. Концептуализация черноты в европейском сознании: генезис и структура [Текст] / К. Л. Филатова // «Ломоносов – 2007» : материалы междунар. конф. молодых учёных, 11-14 апр. 2007 г., г. Москва / Моск. гос. ун-т. – М., 2007. – С. 125-126.
- 104.Филатова, К. Л. Метафора как исчезающий объект исследования [Текст] / К. Л. Филатова // Актуальные проблемы лингвистики : материалы ежегод. науч. конф., г. Екатеринбург, 1-2 февр. 2008 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2008. – С. 101-102.
- 105.Филатова, К. Л. Методологическая сила и слабость когнитивной лингвистики [Текст] / К. Л. Филатова // LINGUISTICA JUVENIS = Лингвистика молодых : сб. науч. тр. молодых учен. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 9. – С. 181-186.
- 106.Филатова, К. Л. Определение коннотата чёрного цвета во фразеологических единицах испанского и английского языка [Текст] / К. Л. Филатова // Актуальные проблемы лингвистики : материалы ежегод. науч. конф., г. Екатеринбург, 1-2 февр. 2007 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2007. – С. 167.
- 107.Филатова, К. Л. Освещение как процесс: к вопросу о концептуализации когнитивной деятельности во французском языке [Текст] / К. Л. Филатова // Романская филология : сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2007. – № 7. – С. 168-175.
- 108.Филатова, К. Л. Противоречия общей теории метафоры как основания для классификации [Текст] / К. Л. Филатова // Философия и наука : материалы VI Регион. науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей, г. Екатеринбург, 24 апр. 2007 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; под ред. Б. М. Игошева. – Екатеринбург, 2007. – С. 205-210.
- 109.Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство [Текст] : аспекты психолингвист. анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 176 с.

110. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 278 с.
111. Чудинов, А. П. Метафорическая модель и методика ее описания [Текст] / А. П. Чудинов // Язык. Система. Личность : материалы докл. и сообщений Всерос. науч. конф., 25-26 апр. 2002 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2002. – С. 113-119.
112. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) [Текст] : учеб. пособие / А. П. Чудинов ; Урал. гуманитар. ин-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2003. – 194 с.
113. Чудинов, А. П. Семантическое варьирование русского глагола [Текст] : пособие по спецкурсу / А. П. Чудинов ; Свердлов. гос. пед. ин-т. – Свердловск : [б. и.], 1984. – 72 с.
114. Чудинов, А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) [Текст] / А. П. Чудинов // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2001. – Т. 6. – С. 38-53.
115. Чудинов, А. П. Теория метафорического моделирования действительности на современном этапе развития [Текст] / А. П. Чудинов // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2000. – Т. 5. – С. 94-101.
116. Чудинов, А. П. Типология варьирования глагольной семантики [Текст] / А. П. Чудинов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 144 с.
117. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
118. Adams, W. J. Frames of reference for the light-from-above prior in visual search and shape judgements [Text] / W. J. Adams // Cognition. – 2008. – Vol. 107. – P. 137-150.

119. Aginsky, V. How are different properties of a scene encoded in visual memory? [Text] / V. Aginsky, M. J. Tarr // *Visual Cognition*. – 2000. – Vol. 7. – P. 147-162.
120. Amm, M. Might and magic, lust and language – the eye as a metaphor in literature [Text] / M. Amm // *Documenta Ophthalmologica*. – 2000. – Vol. 101. – P. 223-232.
121. *Anthropologie de la lumière. Etudes réunies par Danielle Morali* [Text]. – Nancy : Presses Universitaires de Nancy, 1994. – 94 p.
122. Alverson, H. Metaphor and experience: looking over the notion of image schema [Text] / H. Alverson // *Beyond metaphor. The theory of tropes in anthropology* / ed. by J. W. Fernandez. – Stanford, 1991. – P. 94-117.
123. Arnheim, R. *La pensée visuelle* [Text] / R. Arnheim. – Paris : Flammarion, 1997. – 350 p.
124. Balaban, V. Self and agency in religious discourse. Perceptual metaphors for knowledge at a Marian apparition site [Text] / V. Balaban // *Metaphor in cognitive linguistics* / ed. R. W. Gibbs, Jr. Steen, G. J. Steen. – Amsterdam, 1999. – P. 125-144.
125. Baldauf, C. *Metapher und Kognition* [Text] : Grundlagen einer neuer Theorie des Alltagsmetapher / C. Baldauf. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1997. – 357 p.
126. Barsalow, L. W. *Perceptual Symbol Systems* [Text] / L. W. Barsalow // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1999. – Vol. 22. – Pp. 577-660.
127. Blumenberg, H. *Paradigmes pour une métaphorologie* [Text] / H. Blumenberg. – Paris : Librairie philosophique J. Vrin, 2006. – 203 p.
128. Bordas, E. *Les chemins de la métaphore* [Text] / E. Bordas. – Paris : Presses Universitaires de France, 2003. – 128 p.
129. Brennan, T. «The Contexts of Vision» from a specific standpoint [Text] / T. Brennan // *Vision in context. Historical and contemporary perspectives on sight* / ed. T. Brennan, M. Jay. – London, 1996. – P. 217-230.

130. Bruyer, R. Le cerveau qui voit [Text] / R. Bruyer. – Paris : Odile Jacob, 2000. – 190 p.
131. Cadiot, F. Pour une théorie des formes sémantiques [Text] / F. Cadiot, Y.-M. Visetti. – Paris : Presses Universitaires de France, 2001. – 234 p.
132. Clarke, T. The Emotional Connotations of Color: A Qualitative Investigation [Text] / T. Clarke, A. Costall // COLOR: Research and Application. – 2008. – Vol. 33 (5). – P. 406-410.
133. Cocula, B. Sémantique de l'image. Pour une approche méthodique des messages visuels [Text] / B. Cocula, P. Peyroutet. – Paris : Librairie Delagrave, 1986. – 232 p.
134. Connell, L. Representing Object Colour in Language Comprehension [Text] / L. Connell // Cognition. – 2007. – Vol. 102. – P. 476-485.
135. Cortier, C. Clair et clarté: étude d'une polysémie en langue et en discours [Text] / C. Cortier // La polysémie ou l'empire des sens. Lexique, discours, représentations. – Lyon, 2003. – P. 241-254.
136. Cruse, A. Meaning in Language [Text] : An Introduction to Semantics and Pragmatics / A. Cruse. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 424 p.
137. Debray, R. Vie et mort de l'image. Une histoire du regard en Occident [Text] / R. Debray. – Paris : Gallimard, 1993. – 412 p.
138. Deignan, A. Metaphor and Corpus Linguistics [Text] / A. Deignan. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2005. – 235 p.
139. Demmer, U. Visible Knowledge: A Test Case From South India [Text] / U. Demmer // Visual Anthropology. – 2004. – Vol. 17. – Pp. 107-116.
140. Détrie, C. Du sens dans le processus métaphorique [Text] / C. Détrie. – Paris : Honoré Champion, 2001. – 300 p.
141. Dirven R. Cognitive exploration of language and linguistics [Text] / R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam : John Benjamins, 1998. – 301 p.
142. Dürrenmatt, J. La métaphore [Text] / J. Dürrenmatt. – Paris : Champion, 2002. – 87 p.

143. Esnault, G. L'imagination populaire: métaphores occidentales: essai sur les valeurs imaginatives concrètes du français parlé en Basse-Bretagne comparé avec les patois, parlers techniques et argots français [Text] / G. Esnault. – Paris : Presses Universitaires de France, 1925. – 348 p.
144. Evans, V. Cognitive linguistics. An Introduction [Text] / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
145. Gärdenfors, P. Some tenets of cognitive semantics [Text] / P. Gärdenfors // Cognitive semantics. Meaning and cognition / ed. J. Alwood, P. Gärdenfors. – Amsterdam, 1999. – P. 19-36.
146. Gibbs, R. W. Jr. Process and Products in Making Sense of Tropes [Text] / R. W. Gibbs, Jr. // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Second Edition. – Cambridge, 1998. – P. 252-276.
147. Gibbs, R. W. Jr. Why Many Concepts Are Metaphorical [Text] / R. W. Jr. Gibbs, Jr. // Cognition. – 1996. – Vol. 61. – P. 309-319.
148. Gomez-Imbert, E. Voir et entendre comme sources de connaissances grammaticalement explicites [Text] / E. Gomez-Imbert // Langues et cognition. Traité des sciences cognitives. Sous la direction de Claude Vandeloise. – Lyon, 2003. – P. 115-132.
149. Grady, J. E. Converging evidence for the notions of subscene and primary scene [Text] / J. E. Grady // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. R. Dirven, R. Pörings. – Amsterdam, 2003. – P. 533 – 554.
150. Grady, J. E. A typology of motivation for conceptual motivation. Correlation vs ressemblance [Text] / J. E. Grady // Metaphor in cognitive linguistics / ed. R. W. Gibbs, G. J. Steen. – Amsterdam, 1999. – P. 79-100.
151. Gréa, P. Logique de conformité et logique d'inrégation [Text] / P. Gréa // Dans : La métaphore. Les regards croisés / ed. D. Amiot. – Lyon, 2004. – P. 101-122.
152. Gross, G. La finalité. Fondements conceptuels et genèse linguistique [Text] / G. Gross, M. Prandi. – Bruxelles : De Boeck & Duculot, 2004. – 284 p.

153. Fernandez, J. W. Introduction: confluents of inquiry [Text] / J. W. Fernandez // Beyond metaphor. The theory of tropes in anthropology / ed. by J. W. Fernandez. – Stanford, 1991. – P. 1-13.
154. Filatova, K. Relic conceptual metaphor [Text] : an instrument of diachronic analysis in cognitive linguistics and cultural anthropology / K. Filatova // Cognitive Modelling in Linguistics : Text processing and cognitive technologies : 11 proceedings of the VIIIth international conference, Varna, 4-11 September 2005. – M. ; Varna, 2005. – Vol. 1. – P. 51-61.
155. Filatova, K. Metaphor, Evolution and Adaptation [Text] : Top-Bottom and Bottom-Up / K. Filatova // Language, Communication and Cognition : proceedings of the International conference, Brighton, 4–7 August 2008 / University of Brighton. – Brighton, 2008. – P. 44.
156. Filatova, K. Relic conceptual metaphor: anatomic victory, metaphysical protest, methodological transformation [Text] / K. Filatova // Language, Culture, Mind : proceedings of the IIInd International conference, Paris, 17-21 July 2006. – Paris, 2006. – P. 52-53.
157. Filatova, K. Visual Scenario: Organising Metaphors [Text] / K. Filatova // 2nd Postgraduate Conference in Cognitive Linguistics : proceedings of the conference, Brighton, 8 August 2008 / University of Brighton. – Brighton, 2008. – P. 8–9.
158. Fontanille, J. Sémiotique du visible. Des mondes de lumière [Text] / J. Fontanille. – Paris : Presses Universitaires de France, 1995. – 200 p.
159. Franckel, J.-J. Les figures du sujet. A propos des verbes de perception, sentiment, connaissance [Text] / J.-J. Franckel, D. Lebaud. – Paris : Orphys, 1990. – 239 p.
160. Hausman, C. R. Metaphor and art. Interactionism and reference in the verbal and nonverbal arts [Text] / C. R. Hausman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 238 p.
161. Henry, A. Métonymie et métaphore [Text] / A. Henry. – Paris : Klincksieck,

1971. – 161 p.
- 162.Hernández, P. C. Effets de focalisation et de cadrage dans la mise en scène de la localisation et de la configuration. Eléments pour une sémantique des prépositions spatiales en français au départ de l'espagnol [Text] / P. C. Hernández / Thèse de doctorat à l'Université de Rouen. – Rouen, 2006.
- 163.Ibarretxe-Antuñano, I. Metaphorical mappings in the sense of smell [Text] / I. Ibarretxe-Antuñano // Metaphor in cognitive linguistics / ed. R. W. Gibbs, G. J. Steen. – Amsterdam, 1999. – P. 29-45.
- 164.Ibarretxe-Antuñano, I. Vision Metaphors for the Intellect: Are they Really Cross-Linguistic? [Text] / I. Ibarretxe-Antuñano // ATLANTIS. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies. – Vol. 30(1). – 2008. – P. 15–33.
- 165.Jacob, P. Philosophie et neurosciences: le cas de la vision [Text] / P. Jacob // La philosophie cognitive. Sous la direction d'Elisabeth Pacherie et Joëlle Proust. – Paris, 2004. – P. 201-221.
- 166.Jay, M. Downcast eyes. The denigration of vision in twentieth-century French thought [Text] / M. Jay. – California : University of California Press, 1993. – 632 p.
- 167.Jay, M. Vision in context: reflections and refractions [Text] / M. Jay // Vision in context. Historical and contemporary perspectives on sight / ed. T. Brennan, M. Jay. – London, 1996. – P. 1-12.
- 168.Jäkel, O. Kant, Blumenberg, Weinrich. Some forgotten contributors to the cognitive theory of metaphor [Text] / O.Jäkel // Metaphor in cognitive linguistics / ed. R. W. Gibbs, G. J. Steen. – Amsterdam, 1999. – P. 9-27.
- 169.Jäkel, O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts [Text] / O. Jäkel // metaphorik.de 02/2002. – Pp. 20 – 42.
- 170.Kleiber, G. Nominales. Essais de sémantique référentielle [Text] / G. Kleiber. – Paris : Arnaud Colin, 1994. – 247 p.

- 171.Kövecses, Z. Metaphors of anger, pride and love [Text] / Z. Kövecses. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1986. – 147 p.
- 172.Kövecses, Z. Metaphor. A practical introduction [Text] / Z. Kövecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 285 p.
- 173.Leeman, D. Point de vue culioliien sur le verbe voir [Text] / D. Leeman, M. Sakhokia Giraud // Langue Française. – Vol. 153. – 2007. – P. 58 – 73.
- 174.Lerat, P. Théorie générale des figures de sens [Text] / P. Lerat // Cahiers de lexicologie. – 2005. – Vol. 87. – P. 45-59.
- 175.Lecerclé, J.-J. The violence of language [Text] / J.-J. Lecerclé. – London : Routledge, 1990. – 272 p.
- 176.Levin, S. R. Language, concepts, and worlds: Three domains of metaphor [Text] / S. R. Levin // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Second Edition. – Cambridge, 1998. – P. 112-123.
- 177.Levinson, S. C. Introduction to part II [Text] / S. C. Levinson // Rethinking linguistic relativity / ed. by J. J. Gumperz, S. C. Levinson. – Cambridge, 1996. – P. 86-97.
- 178.L'homme cognitif [Text] / éd. A. Weil-Barais. – Paris : Presses Universitaires de France, 1998. – 576 p.
- 179.Lucy, J. A. The scope of linguistic relativity: an analysis and review of empirical research [Text] / J. A. Lucy // Rethinking linguistic relativity / ed. by J. J. Gumperz, S. C. Levinson. – Cambridge, 1996. – P. 37-69.
180. Malévich, K. La lumière et la couleur [Text] / K. Malévich. – Lausanne : L'âge d'homme, 1993. – 168 p.
- 181.Marazzi, A. Un regard anthropologique sur la vision [Text] / A. Marazzi // Diogène. – 2002. – Vol. 199. – P. 106-118.
- 182.Marchetti, L. Light as an original metaphor [Text] / L. Marchetti // Semiotica. – 2001. – Vol. 136 (1-4). – P. 245-268.
- 183.Martin, R. Pour une logique du sens [Text] / R.Martin. – Paris : Presses Universitaires de France, 1983. – 268 p.

184. Masson, D. L'eau, le feu, la lumière d'après la Bible, le Coran et les traditions monothéistes [Text] / D. Masson. – Paris : Desclée de Brouwer, 1985. – 187 p.
185. Meier B. P. When “Light” and “Dark” Thoughts Become Light and Dark Responses: Affect Biases Brightness Judgments [Text] / B. P. Meier, M.D. Robinson, L.E. Crawford, W. J. Ahlvers / *Emotion*. – Vol. 7 (2). – 2007. – P. 366-376.
186. Millodot, M. Le Nouveau Dictionnaire de la Vision [Text] / M. Millodot. – Paris : CLM éditeur, 2004. – 218 p.
187. Molino, J. Anthropologie et métaphore [Text] / J. Molino // *Langages*. – 1979. – № 54. - P. 103-125.
188. Mollard-Desfour, A. Le noir. Le dictionnaire des mots et expressions de couleur. XXe-XXIe siècle [Text] / A. Mollard-Desfour. – Paris, CNRS Editions, 2005. – 284 p.
189. Mollard-Desfour, A. Le blanc. Dictionnaire de la couleur. Mots et expressions d'aujourd'hui, XXe – XXIe [Text] / A. Mollard-Desfour. – Paris : CNRS Editions, 2008. – 330 p.
190. Morari C. La pensée topographique. Essai sur l'effet – métaphore au cinéma [Text] / C. Morari / Thèse de doctorat, Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3, 2008. – 447 p.
191. Nemo, Fr. Indexicalité ou catégorisation? Le sens entre signification et denomination [Text] / Fr. Nemo // *Représentations du sens linguistique* / ed. D. Lagorgette, P. Larrivée. – München, 2002. – P. 49-69.
192. Nyckees, V. Pour une archéologie du sens figure [Text] / V. Nyckees // *Langue française*. – 1997. – № 113. – P. 49-65.
193. Osborn, M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light – Dark Family [Text] / M. Osborn // *The Quarterly Journal of Speech*. – 1967. – Vol. 53. – P.115 – 126.
194. Pastoureau, M. Bleu. Histoire d'une couleur [Text] / M. Pastoureau. – Paris : Seuil, 2006. – 225 p.

- 195.Pastoureau, M. Le petit livre de couleurs [Text] / M. Pastoureau. – Paris : Panama, 2005. – 123 p.
- 196.Peeters B. Champs associatifs et champ axiologique [Text] / B. Peeters // Cahiers de lexicologie. – 1991. – Vol. 58. – P. 45-61.
- 197.Picoche J. Le vocabulaire de la douleur en français. Recherche de quelques primitifs sémantiques [Text] / J. Picoche // Dans : Les formes du sens. Etudes de linguistique française, médiévale et générale offertes à Robert Martin à l'occasion de ses 60 ans / ed. G. Kleiber, M. Riegel. – Louvain, 1997. – P. 311-319.
- 198.Picoche, J. Structures sémantiques du lexique français [Text] / J. Picoche. – Paris : Nathan, 1986. – 144 p.
- 199.Prandi, M. Grammaire philosophique des tropes [Text] / M. Prandi. – Paris : Minuit, 1992. – 267 p.
- 200.Prandi, M. La métaphore: de la définition à la typologie [Text] / M. Prandi // Langue française. – 2002. – № 134. – P. 6-20.
- 201.Quinn, N. The cultural basis of metaphor [Text] / N. Quinn // Beyond metaphor. The theory of tropes in anthropology / ed. by J. W. Fernandez. – Stanford, 1991. – P. 56-93.
- 202.Rastier, Fr. Indécidable hypallage [Text] / Fr. Rastier // Langue française. – 2001. – № 129. – P. 111-127.
- 203.Reddy, M. J. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language [Text] / M. J. Reddy // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Second Edition. – Cambridge, 1998. – P. 164-201.
- 204.Ricoeur, P. La métaphore vive [Text] / P. Ricoeur. – Paris : Seuil, 2007. – 414 p.
- 205.Ritchie, L. D. Context and connection in metaphor [Text] / L. D. Ritchie. – London : Palgrave Macmillan, 2006. – 248 p.

206. Ruiz de Mendoza Ibañez, F. J. Patterns of conceptual interaction [Text] / F. J. Ruiz de Mendoza Ibañez, O. I. Díez Velasco // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. R. Dirven, R. Pörings. – Berlin, 2003. – P. 489-532.
207. Rumelhart, D. Some problems with the notion of literal meanings [Text] / D. Rumelhart // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. – Second Edition. – Cambridge, 1998. – P. 71-82.
208. Sanchez, J. Le cas des substantifs de couleur construits. XA → suf.eur XeurN/XA → conv XN: un point de vue sur la synonymie [Text] / J. Sanchez, P. Cadiot // *Le français moderne*. – 2007. – № 1. – P. 114-140.
209. Schulz P. Description critique du concept traditionnel de «métaphore» [Text] / P. Schulz. – London : Peter Lang, 2004. – 233 p.
210. Schulz P. Le caractère relatif de la métaphore [Text] / P. Schulz // *Lingue française*. – 2002. – № 134. – P. 21-37.
211. Searle, J. R. Metaphor [Text] / J. R. Searle // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. – Second Edition. – Cambridge, 1998. – P. 83-111.
212. Sève-Ferrieu, N. Neuropsychologie corporelle, visuelle et gestuelle. Du trouble à la reéducation [Text] / N. Sève-Ferrieu. – Paris : Masson, 2001. – 180 p.
213. Shepard, R. N. L'oeil qui pense [Text] / R. Shepard. – Paris : Seuil, 1992. – 233 p.
214. Simon, G. Archéologie de la vision. L'optique, le corps, la peinture [Text] / G. Simon. – Paris : Seuil, 2003. – 298 p.
215. Sjöström, S. From vision to cognition. A study of metaphor and polysemy in Swedish [Text] / S. Sjöström // *Cognitive semantics, meaning and cognition* / ed. J. Allwood, P. Gärdenfors. – Amsterdam, 1999. – P. 67-85.
216. Stern, J. Knowledge by Metaphor [Text] / J. Stern // *Midwest Studies in Philosophy*. – 2001. – Vol. 25. – P. 187-226.

- 217.Swadesh, M. Le langage et la vie humaine [Text] / M. Swadesh. – Paris : Payot, 1986. – 282 p.
- 218.Sweetser, E. From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure [Text] / E. Sweetser. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 174 p.
- 219.Symbolisme et expérience de la lumière dans les grandes religions. éd. Julien Ries, Charles-Marie Ternes. Actes du colloque tenu a Luxembourg du 29 au 31 mars 1996. Brepolis, Turnhout, 2002. – 276 p.
- 220.Talmenssour, A. Représentations du corps en tachelhit: polysémie nominale, expressions idiomatiques, proverbes [Text] / A. Talmenssour / Thèse de doctorat à l'Université d'Orléans, 2007.
- 221.Thuan, Tr. X. Les voies de la lumière. Physique et métaphysique du clair-obscur [Text] / Tr. X. Thuan. – Poitiers : Fayard, 2007. – 796 p.
- 222.Traité de psychologie cognitive. Perception, action, langage [Text] / Sous la dir. Cl. Bonnet, R. Ghiglione, J.-Fr. Richard. Paris : Dunod, 2003. – 266 p.
- 223.Turbayne, C. M. The Myth of metaphor [Text] / C. M. Turbayne. – New Haven : Yale University Press, 1962. – 224 p.
- 224.Vervaeke J. M. Conceptual Metaphor and Abstract Thought [Text] / J. Vervaeke, J. M. Kennedy // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19 (3). – P. 213–231.
- 225.Visetti, Y.-M. Motifs et proverbes. Essai de sémantique proverbiale [Text] / Y.-M. Visetti, P. Cadiot. – Paris : Presses Universitaires de France, 2006. – 370 p.
- 226.Vision in Context. Historical and Contemporary Perspectives on Sight [Text] / eds. T. Brennan, M. Jay. – London : Routledge, 1996. – 240 p.
- 227.Wierzbicka, A. Semantics. Primes and universals [Text] / A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 224 p.
- 228.Yaxley, R. H. Simulating visibility during language comprehension [Text] / R. H. Yaxley, R. A. Zwaan // Cognition. – 2007. – Vol. 105. – P. 229-236.

- 229.Zlatev, J. Situated embodiment semantics and connectionist modeling [Text] / J. Zlatev // Cognitive semantics. Meaning and cognition / ed. J. Allwood, P. Gärdenfors. – Amsterdam, 1999. – P. 173-194.
- 230.Badir, S. Immanence et cognitivisme. Un débat épistémologique autour de la sémantique cognitive [Электронный ресурс] / S. Badir. – Режим доступа : http://www.revue-texto.net/Inedits/Badir/Badir_Immanence.html
- 231.Bustos de, E. La metáfora y la filosofía contemporánea del lenguaje [Электронный ресурс] / E. de Bustos // A Parte Rei. – 2002. – № 19 (1). – Режим доступа : <http://serbal.pntic.mec.es/~cmunoz11/bustos3.pdf>
- 232.Charbonnel, N. Métaphore et philosophie moderne [Электронный ресурс] / N. Charbonnel // La Métaphore entre philosophie et rhétorique (dir. avec Georges Kleiber). – Paris, 1999. – Режим доступа : <http://www.info-metaphore.com/articles/charbonnel-philosophie-moderne-tache-aveugle-semantique-modernite-ressemblance.html>
- 233.Detienne, C. Et le psychologue rencontra la métaphore [Электронный ресурс] / C. Detienne // Journal de l'Association des Praticiens de Psychologie Appliquée (APPA). – 2004. – Vol. 134. – Режим доступа : <http://www.info-metaphore.com/transdisciplinarite.html>
- 234.El Refaie, E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoons [Электронный ресурс] / E. El Refaie // Visual communication. – 2003. – Vol. 2 (1). – P. 75-95. – Режим доступа : <http://visculture.files.wordpress.com/2007/02/understanding-visual-metaphor.pdf>
- 235.Evans, V. Evaluating Metaphors for Time: Moving Time, Moving Ego and Primary Metaphor [Электронный ресурс] / V. Evans. – Режим доступа : www.sussex.ac.uk/Users/vyv/MetaphorsTime.pdf
- 236.Goltzberg, S. Note sur la métaphore visuelle. Article inédit publié sur site [Электронный ресурс] / S. Goltzberg. – Режим доступа : <http://www.info-metaphore.com>
- 237.Goschler, J. Embodiment and body metaphors [Электронный ресурс] / J. Goschler. – Режим доступа : <http://www.metaphorik.de/09/goschler.pdf>

238. Filatova, K. Anthropology of Vision: Metaphor and Prejudice [Text] / K. Filatova // Language, Culture, Mind : proceedings of the IIIrd International conference, Odense, 14–16 July 2008 / University of Southern Denmark. – Odense, 2008. – P. 63. – Режим доступа : <http://www.humaniora.sdu.dk/~d-day/lcm/abstractbook.pdf>
239. Filatova, K. La perception de la lumière au centre du réseau sémantique [Электронный ресурс] К. Filatova // Intervention pour la Journée de la sémantique cognitive, le 19 février 2008 / ENS. – Paris, 2008. – Режим доступа : http://formes-symboliques.org/article.php?id_article=270
240. Hibbits, B. J. Making sense of metaphors. Visuality, aurality, and the reconfiguration of American legal discourse [Электронный ресурс] / B. J. Hibbits // Cardozo Law Review. – 1994. – Vol. 229. – Режим доступа : http://faculty.law.pitt.edu/hibbits/meta_int.htm
241. Janda, L. Cognitive linguistics [Электронный ресурс] / L. Janda // Glossos. – 2006. – Vol. 8. – P. 1-60. – Режим доступа : <http://www.seelrc.org/glossos/issues/8/janda.pdf>
242. Kanaana, Sh. The Arab Ear and the American Eye: A Study of the Role of the Senses in Culture [Электронный ресурс] / Sh. Kanaana // Cultural Analysis. – 2005. – Vol. 4. – Режим доступа : http://socrates.berkeley.edu/~caforum/volume4/vol4_article2.html
243. Kittay, E. F. Encyclopedia of Philosophy Article: Metaphor [Электронный ресурс] / E. F. Kittay. – Режим доступа : <http://www.sunysb.edu/philosophy/faculty/ekittay/articles/metaphor.pdf>
244. Kremer-Marietti, A. Nietzsche, la métaphore et les sciences cognitives [Электронный ресурс] / A. Kremer-Marietti // Revue Tunisienne des Etudes Philosophiques. – 2001. – Vol. 28-29. – Режим доступа : <http://dogma.free.fr/txt/AKM-Nietzsche-meta.htm>
245. Nerlich, B. Seeing as: metaphors and images in individual and popular consciousness and imagination [Электронный ресурс] / B. Nerlich // Mind, Language and Metaphor : EuroConference on consciousness and the

- imagination, April 20-24, 2002. – Режим доступа : <http://www.info-metaphore.com/articles/nerlich-metaphors-and-images.html>
246. Nueckles, M., Janetzko D. The role of semantic similarity in the comprehension of metaphor [Электронный ресурс] / M. Nueckles, D. Janetzko // Proceedings of the Nineteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society. – Stanford, 1997. – P. 578-583.- Режим доступа : <http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=96642072>
247. Parente, D. Literalidad, metáfora y cognición. Observaciones críticas sobre la perspectiva experiencialista de G. Lakoff y M. Johnson. A parte rei: revista filosófica <http://serbal.pntic.mec.es/~cmunoz11/dimeta2.pdf> _
248. Rivano Fischer, E. Metáfora y lingüística cognitive [Электронный ресурс] / E. Rivano Fischer. – Режим доступа : <http://www.udec.cl/~prodoci/metafora1/libro/metaf5.html>
249. Rohrer T. The Cognitive Science of Metaphor from Philosophy to Neuroscience [Электронный ресурс] / T. Rohrer // Theoria et Historia Scientiarum. – 2001. – Vol. 6 (1). – P. 27-42. – Режим доступа : <http://zakros.ucsd.edu/~trohrer/metaphor/neuromet.pdf>
250. Turner M. Conceptual Integration and Formal Expression [Электронный ресурс] / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10 (3). – P. 183-203.- Режим доступа : <http://www.uoregon.edu/~uophil/metaphor/turner.htm>
251. Tutescu, M. L'argumentation. Introduction à l'étude du discours. Editura Universității din București, 2003. <http://ebooks.unibuc.ro/lis/MarianaTutescu-Argumentation/index.htm>
252. Yu, N. The eyes for sight and mind [Электронный ресурс] / N. Yu // Journal of pragmatics. – 2004. – Vol. 36. – P. 663-686. – Режим доступа : <http://faculty-staff.ou.edu/Y/Ning.Yu-1/Yu-2004.pdf>

Библиографический список словарей

1. Большой толковый словарь русских существительных. Идеограф. описание, синонимы, антонимы [Текст]. 2-е изд., стер. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 864 с.
2. Большой толковый словарь русских глаголов. Идеограф. описание, синонимы, антонимы [Текст] / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 567 с.
3. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка [Текст]. В 4 т. – М.: Олимп-Пресс, 2002. Режим доступа : <http://vidahl.agava.ru/>
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: «Языки русской культуры». Вып. 2, 2000. – 488 с.
5. Словарь русского языка в 4-х томах (МАС) [Текст] / Гл. ред. А. П. Евгеньева – М.: Русский язык, 1999. Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01.htm>
6. Словарь русского языка С. И. Ожегова [Текст] (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 – «Толковый словарь русского языка», совместно с Н. Ю. Шведовой). Режим доступа : <http://www.ozhegov.org/>
7. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1994. – 501 с. Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?ab>
8. Словарь антонимов русского языка [Текст] / М. Р. Львов. – М.: Academia ; М.: Аст-Пресс, 2001. – 592 с. Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/info/lv/>
9. Толковый словарь русского языка [Текст]: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940. Режим доступа : <http://ushdict.narod.ru/>

10. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.efremova.info/>
11. Dictionnaire Bordas. Synonymes, analogies et antonymes [Text]. – Paris : Roger Boussinot, 2007. – 956 p.
12. Dictionnaire de proverbes et expressions [Text] / Le Robert, Langage et Culture. – Paris : dictionnaires Le Robert, 1990. – 924 p.
13. Dictionnaire de synonymes, mots de sens voisin et contraires [Text] / Henri Bertaud du Chazaud. – Paris : Gallimard, 2007.
14. Dictionnaire universel d'Antoine Furetière en 3 volumes [Text]. – Paris : SNL – Le Robert, 1978.
15. Emile Littré, Dictionnaire de la langue française – 1880 [Text]. – Chicago : Encyclopaedia Britannica, 1994.
16. Grand dictionnaire des lettres [Text], en 7 volumes – Paris : Larousse, 1989.
17. Grand Larousse de la langue française [Text], en 7 volumes. – Paris: Larousse, 1975.
18. Grand Robert de la langue française [Text] – Paris : dictionnaires Le Robert, 1992.
19. Le Littré, dictionnaire de la langue française en un volume [Text]. – Paris : Hachette, 2000.
20. Petit Robert, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [Text]. – Paris : dictionnaires Le Robert, 2001, 2006, 2008.
21. Dictionnaire de l'Académie française, 9e éd. [Ressource électronique] Режим доступа : <http://www.academie-francaise.fr/dictionnaire/>
22. Dictionnaire CRISCO (Centre de Recherche Inter-langues sur la Signification en Contexte) de l'Université de Caen [Ressource électronique]. Режим доступа : <http://www.crisco.unicaen.fr/>
23. Trésor de la Langue Française informatisé [Ressource électronique]. Режим доступа : <http://atilf.atilf.fr>

Лексика смысловой субсферы «зрение» во французском языке

Эпистемическая метафора

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ	voir envisager regarder contempler considérer montrer indiquer dessiller ouvrir les yeux éclairer éblouir aveugler	éclairer mettre en lumière mettre en relief mettre en vedette découvrir faire ressortir	éclairer qqch / qqn allumer / éteindre clarifier éclaircir élucider illuminer obscurcir enténébrer aveugler embrouiller obnubiler
ПРИЗНАК	aveugle myope presbyte perçant perspicace clairvoyant pénétrant voyant extralucide visionnaire	visible apparent manifeste caché invisible évident net précis clair flagrant vague éclatant voyant brillant lucide transparent limpide	éclairage point de vue sous cet angle dans cette optique lumière les lumières flambeau phare éclair lueur étincelle clair clarté obscurité ténèbres ténébreux enténébré enténébrement brouillard brumeux fumeux nébuleux nuageux transparent limpide opaque

Этическая метафора

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ		briller étinceler resplendir éblouir pétiller rayonner luire	éclairer brillanter briller embraser enflammer étoiler étinceler flamboyer illuminer luire rayonner rembrunir resplendir assombrir obscurcir enténébrer
ПРИЗНАК		saillant brillant étincelant resplendissant aveuglant éblouissant éclatant fulgurant lumineux pétillant radieux rayonnant reluisant clinquant sombre terne obscur	lumière flambeau flamboisement éclat ombre ténèbres enténébré ténébreux sombre nuageux blafard blême blet pâle clair

Приложение 2

Лексика смысловой субсферы «зрение» в русском языке
Эпистемическая метафора

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ	показать прозреть открыть глаза с глаз спала пелена ослепить	показать в новом свете пролить свет на открыть выделить вывести на первый план	освещать просвещать прояснять выяснять затмевать затуманить озарять
ПРИЗНАК	зоркий прозорливый проницательный близорукий ясновидящий слепой	видимый видный ясный яркий отчётливый блестящий	освещение свет светило светоч искра проблеск темнота тьма непрозрачный неясный тёмный мутный смутный туманный тусклый

Этическая метафора

	СУБЪЕКТ	ОБЪЕКТ	СРЕДА
ДЕЙСТВИЕ		блестеть блистать сверкать	светить озарять осиять сиять сиянье омрачать отуманить
ПРИЗНАК		светлый видный блестящий ясный лучезарный лучистый светоносный выдающийся замечательный яркий сверкающий сияющий тусклый	свет сияние блеск блистание просвет мрак тьма тёмный мрачный пасмурный тусклый беспросветный безоблачный непроглядный потемнеть помрачить чёрный